

4
Г-75

Р. Н. ГРАЦИАНСКАЯ

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

А. М. ПЕШКОВСКОГО

В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

К

1 ★ 9 ★ ★ 3 ★ 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Бережіть книгу

Не перегинайте книги, читаючи

Не загинайте сторінок—користуйтесь закладкою

Не робіть написів на книзі

Не мочіть пальців слиною, перегортаючи книгу

Загортайте книгу в папір.

Українська Книжкова Палата

Р. Н. ГРАЦИАНСКАЯ

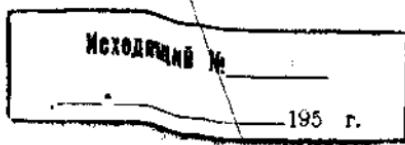
444
2-756.

ПРОІНВЕНТАРИЗОВАНО
В 1929 році

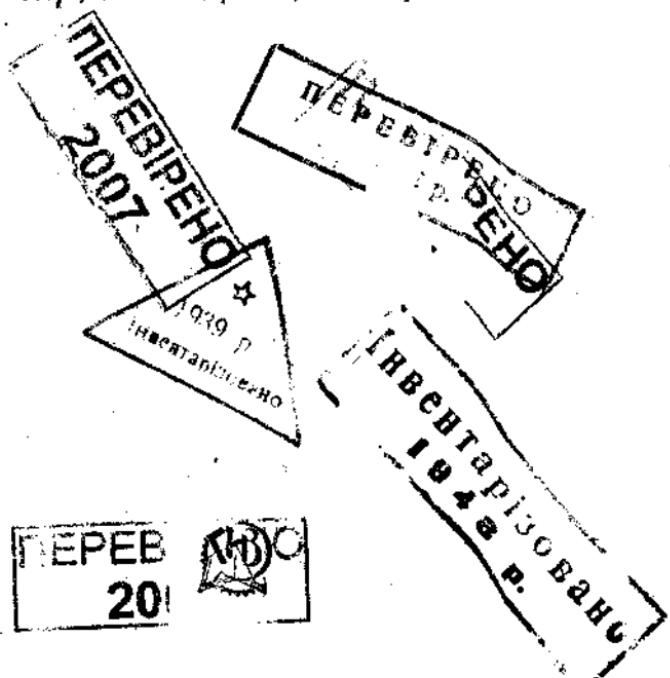
СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

А. М. ПЕШКОВСКОГО

В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

По „Русскому синтаксису в научном
освещении“ под редакцией автора

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

У. 42. Гиз № 36144.
Ленинградский Областлит № 61701.
 $7\frac{1}{2}$ л. Тираж 3000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Стремление вести преподавание языка на основе научно-грамматических принципов можно считать в современной школе вполне окрепшим. Достаточно уже имеется и учебных пособий, идущих навстречу этому стремлению. Теперь настало время для более углубленной работы учительства по освоению чисто научного материала из области языковедения.

Среди научных трудов по грамматике одним из ценных как по сущности излагаемой в нем синтаксической системы, так и по воодушевленности, его проникающей, является книга проф. А. М. Пешковского: „Русский синтаксис в научном освещении“ (3 изд., Гиз, 1928 г.). Но размер этой книги [около 600 страниц] и цена [4 р. 50 к.], требующие от читателя значительной затраты времени и денег, препятствуют продвижению ее в широкие круги учительства.

Предлагаемая читателю книжка и ставит себе задачей облегчить рядовому учительству ознакомление с этой системой в целом без большой затраты времени. Возможно, что ослабление популяризационного момента, вызванное условиями места, потребует от читателя этой книжки несколько большей сосредоточенности, чем от читателя „Русского синтаксиса“. Однако в конечном счете резкое сокращение материала и выпуск всех деталей основной книги дадут, как нам кажется, большую экономию времени и сил.

Написана она под непосредственным руководством А. М. Пешковского, что должно гарантировать возможную полноту и четкость выражения в ней на небольшом количестве страниц самого существа его системы. По его желанию в книжку внесены и некоторые изменения по отдельным вопросам системы, которые естественно возникли у него за время после выхода последнего издания „Русского синтаксиса в научном освещении“.

Это новое, а также и возможность быстро возобновить в памяти систему в целом, сделают эту книжку, может быть, не бесполезной и для тех, кто уже знаком с основным трудом А. М. Пешковского.

Р. Г.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ.

<i>Б.</i>	В. Брюсов.	<i>М.</i>	А. Майков.
<i>В.</i>	М. Волошин.	<i>Н.</i>	И. Никитин.
<i>Вс.</i>	Веселовский.	<i>О.</i>	А. Островский.
<i>Г.</i>	Н. Гоголь.	<i>П.</i>	А. Пушкин.
<i>Гн.</i>	И. Гончаров.	<i>Пл.</i>	Б. Пильняк.
<i>Гр.</i>	А. Грибоедов.	<i>Пс.</i>	А. Писемский.
<i>М. Г.</i>	М. Горький.	<i>Р.</i>	С. Решетов.
<i>Ж.</i>	В. Жуковский.	<i>Т.</i>	Л. Толстой.
<i>К.</i>	А. Кольцов.	<i>Тр.</i>	И. Тургенев.
<i>Л.</i>	М. Лермонтов.	<i>Ч.</i>	А. Чехов.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

§ 1. ПОНЯТИЕ О ФОРМЕ СЛОВА.

Огромное большинство слов русского языка, вследствие возможности сравнения их по звукам и по значению с другими словами, распадается в нашем языковом сознании на части. Например слово *стекло* кажется нам состоящим из двух частей: *стекл-* и *-о*, потому что с одними словами (*стекла*, *стеклу*, *стеклянный* и т. д.) оно сходно и по звукам и по значению своей первой частью (*стекл-*), а с другими (*окно*, *весло*, *перо* и т. д.) — своей второй частью (*-о*). Обе эти части имеют определенные значения. Часть *стекл-* имеет основное (вещественное) значение в слове, и по ней одной нам понятно, о чем идет речь. Напротив, часть *-о*, взятая отдельно, ничего не значит и приобретает определенное значение только при соединении с первой частью (значение имени существительного среднего рода именительно-винительного падежа единственного числа). Таким образом часть *-о* имеет добавочное, грамматическое значение. Грамматические части слов называются формальными частями. Это свойство слова распадаться по звукам и по значению на две части — основную (или вещественную) и добавочную (или формальную) — называется формой слова. Про слова, обладающие этим свойством, говорят, что они „имеют форму“, про слова, не обладающие этим свойством, — что в них „нет формы“. Термин форма очень часто употребляется еще и в переносном значении. Именно сами слова, имеющие те или иные формы, называются формами. Например слова *стола*, *кресла* называются „формами родительного падежа единственного числа“ (вместо: „слова, имеющие форму родительного падежа единственного числа“). Практически такими сокращениями пользоваться необходимо, но при этом всегда надо помнить об их условности.

Чтобы слово имело форму, необходимо наличие в языке двух рядов слов, похожих на него по звукам и по значению: с одной стороны, слов с той же основой, но с другими формальными частями (см. ниже верти-

кальный ряд схемы), а с другой стороны, слов с той же формальной частью, но с другими основами (горизонтальный ряд схемы):

стекл-о, окн-о, весл-о, сукн-о и т. д.

стекл-а

стекл-янный

стекл-ышко

и т. д.

Слово, для которого в языке нет таких двух рядов похожих на него слов, не имеет ясно выраженной формы и может считаться в известном смысле бесформенным. Таковы, например, слова *домой, вчера*, так как для первого из них нельзя подобрать в языке горизонтального ряда схемы (*домой, городой, лесой* и т. д.), а для второго нет вертикального ряда (*вчер, вчерау, вчером, о вчере* и т. д.). Однако „Форменность“ слов относительна: между полным обладанием формой и полной бесформенностью существует бесчисленное количество переходных ступеней, так как, с одной стороны, наличие даже одного только вертикального ряда уже создает некоторое распадение слова (например в слове *домой* благодаря существованию слов *дом, дома, дому, домашний* и т. д. выделяется всетаки до некоторой степени часть *дом-*), и так как, с другой стороны, самые ряды могут содержать большее или меньшее количество слов (сравн., например, более бедный словами ряд: *пешком, ползком, ничком, молчком, нагишом* и т. д. и более богатый ряд: *в плотную, врасплох, в темную, в сухую, в пустую, в начью* и т. д.) и могут больше или меньше объединяться друг с другом по основному или формальному значению (сравн., например, полное объединение по тому и другому в словах *вскочь* и *вплывь*).

Некоторые слова обладают отрицательной, или нулевой формальной частью. Возьмем, например, слово *стол*. В нем нет звуков, выражающих формальное значение (нет окончания), однако это не мешает нам сознавать его как слово, имеющее форму со значением именительновинительного падежа единственного числа мужского рода существительного. Происходит это в силу того, что в языке имеется огромное число слов с тем же формальным значением и с таким же отсутствием формальной части (*стол, пол, дом* и т. д.). Таким образом для слова *стол* мы производим такое же двойное сравнение, как и для слова *стекло*

стол-, стол-, пол-, дом- и т. д.

стол-а

стол-у

стол-овый

и т. д.

Слова горизонтального ряда здесь как бы распадаются на *стол + 0* (нуль), *дом + 0* и т. д.

В одном и том же слове может быть несколько формальных частей (значит и несколько форм), причем они могут стоять и в конце и в начале слова. Возьмем, например, слово *разговорчивый*. Это слово в языке может войти в следующие ряды ассоциированных между собою слов:

1) *разговорчив-ый, внимательн-ый, добр-ый* и т. д.

разговорчив-ая

разговорчив-ое

разговорчив-ость

и т. д.

2) *разговор-чив-ый, обман-чив-ый, наход-чив-ый* и т. д.

разговор-иться

разговор-ный

разговор-юсь

и т. д.

3) *раз-говор-чив-ый, раз-бор-чив-ый, раз-вес-ист-ый* и т. д.

с-говор-чивый

у-говор

при-говор

у-говор-иться

и т. д.

Из первой части этой схемы видно, что слово, взятое нами, распадается на основу *разговорчив-* (не смешивать с отдельным словом *разговорчив*) и формальную часть *-ый*. Далее эта первоначальная основа *разговорчив-* распалась на основу *разговор-* (тоже не смешивать с отдельным словом *разговор*) и формальную часть *-чив*, а эта вторая основа *разговор-* опять распалась на основу *-говор-* (именно в этой части заключается основной смысл слова) и формальную часть *раз-*. Таким образом в слове оказались три формальных части: *раз-говор-чив-ый*. Подобным же образом в слове *распространившийся* будет шесть формальных частей: „*рас-про-стран-и-вш-ий-ся*“. В этих словах с несколькими формальными частями можно различать основы производные, т. е. способные распадаться на новую основу и формальную часть (как: *разговорчив-, разговор-* и т. д.), и основы непроизводные (как: *говор-, стран-* и т. д.), т. е. в этом смысле неразложимые и иначе называемые корнями. Формальные части, стоящие перед корнем, называются префиксами, или приставками; позади корня — с уффиксами, а те и другие вместе — аффиксами. Суффиксы, образующие окончание падежа (в склонении) или лица (в спряжении), называются флексиями.

В одном и том же слове может быть не только несколько формальных частей, но и несколько основ, следующих одна за другой. Такие слова называются сложными: *пар-о-ход, овц-е-вод*. В них, как

видим, есть особые формальные части (гласные *-о-* и *-е-*) для соединения основ.

Между звуковой и значащей стороной формы слова во многих случаях наблюдается отсутствие параллелизма. Так, одна и та же формальная часть может иметь одновременно несколько формальных значений: *-о* в слове *стекло* обозначает и падеж, и число, и род, и часть речи, т. е. имеет четыре значения. Однаковые по звукам формальные части могут иметь совершенно различные формальные значения (флексия *-а* в слове *стол-а* обозначает родительный падеж единственного числа, а в слове *город-а* — именительный падеж множественного числа) и наоборот, различные по звукам формальные части могут иметь одинаковое значение (*-ы* в слове *стол-ы* и *-а* в слове *город-а* одинаково обозначают именительный падеж множественного числа). В ряде случаев формальная часть видоизменяется по звукам, не изменяясь по значению. Так, в словах: *воз-двигать*, *вос-ходить*, *вз-летать*, *вс-тащить* и т. д. имеются приставки: *воз-*, *вос-*, *вз-*, *вс-*, значение же всех их совершенно одинаковое (направление движения снизу вверх). В таких случаях говорят об одном аффиксе в нескольких звуковых вариантах. То же самое наблюдается и в корнях. В словах: *сожнуть*, *сухой*, *засыхать*, *сушить* один и тот же корень с совершенно одинаковым значением (потеря влаги) имеет четыре вида: *сох-*, *сух-*, *сых-* и *суш-*. Это явление называется чередованием звуков. В русском языке, например, чередуются *е*, *о* и *а* (*мелет* — *помол* — *размалывает*), *ц* и *ч* (*купец* — *купечество*) и т. д.

Чередования звуков могут иметь формальное значение. Так, оттенок особой длительности действия в словах *разнашивает*, *спарывает* по сравнению со словами: *носит*, *порет* связан не только с суффиксами *-ыв-*, *-ив-*, но и с изменением коренного *о* в *а*, т. е. значение вида здесь выражено не только суффиксом, но и чередованием *о* и *а*. Наряду с чередованием звуков формальное значение может быть связано и с местом ударения в слове. Так, формы: *пильы*, *иглы*, *руки* и т. д. отличаются от форм родительного падежа единственного числа: *пильы*, *иглы*, *рукой* и т. д. только местом ударения, точно так же, как формы *варите*, *купите* от форм *варьте*, *купите*.

Но и чередование и ударение в русском языке и в других индоевропейских языках имеют только подсобное значение, главными же формальными признаками слов в них являются отдельные формальные части (аффиксы). В других семьях языков (например в семитских) формы слов могут образовываться почти исключительно чередованиями, а аффиксы отступают на самый дальний план. В этих языках (как отчасти и у нас в случаях типа: *порет* — *распаривает*, *пильы* — *пильы*) трудно говорить о распадении слов на части, поэтому применительно ко всем человеческим языкам лучше определять форму слова как спо-

собность его выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: основные и добавочные.

§ 2. ПОНЯТИЕ О ФОРМАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ СЛОВ.

Из различных случаев несоответствий между звуковой стороной формы слов и ее значением наиболее важным для русского языка является тот, когда одна и та же формальная часть может иметь одновременно несколько значений и притом совершено разнородных (например значения падежа, рода, числа и части речи в форме *стекло*).

В таких случаях единая со стороны звуковой формы по значению является распределенной между разными формальными категориями.

Для выяснения понятия формальной категории возьмем следующий ряд глагольных форм: *неси, вынь, гуляй, несите, выньте, гуляйте*; все эти формы обладают различными формальными приметами (на письме окончаниями *-и, -ь, -й, -ите, -ьте, -айте*), но все они выражают одно и то же значение „повеления“, объединяющее их в один ряд. Такой ряд форм слов, различных по своим звуковым приметам, но совершенно одинаковых по одному какому-нибудь значению, образует одну формальную категорию слов, в данном случае категорию повелительного наклонения глагола. Взяв из этих глагольных форм, объединенных в категорию повелительного наклонения, одну какую-нибудь форму, например *неси*, мы замечаем, что при сопоставлении её с такими формами, как: *несу, несешь, нес* и т. д.— с одной стороны, и: *несем, несете, несли* и т. д.— с другой, аффикс *-и* в форме *неси*, кроме значения „повеления“, выражает то, что называется обычно единственным числом. Таким образом форма *неси* в данном случае объединяется по значению уже с другим рядом форм (*несу, несешь* и т. д.) и образует с ними категорию единственного числа глагола. Далее, вместе с такими формами, как: *несешь, несете, несите*, форма *неси* входит в категорию 2-го лица глагола; вместе со всеми невозвратными формами по сопоставлению с возвратными (*несется, несемся, несись, нестись* и т. д.) форма *неси* должна быть отнесена к формальной категории невозвратного залога, а при сопоставлении с такими формами, как *принес, унес, принеси, унеси* и т. д., мы открываем еще одно значение в форме *неси*, по которому она принадлежит (вместе с рядом других форм, не имеющих значения „совершения“ действия) к категории несовершенного вида. Таким образом всякая форма слова русского языка распределяется по разным категориям, а категории являются такими рядами форм, которые:

- 1) объединены каждым значением тех форм, которые в него входят.

2) отличаются друг от друга и значением и звуками входящих в них форм, причем отличие в звуках может быть или полным или частичным, что видно из следующей схемы категорий лица и числа глагола:

Кат. 1-го лица	Кат. 2-го лица	Кат. 3-го лица	Кат. един. числа	Кат. множ. числа
+ <i>несу</i> = <i>несем</i>	○ <i>несешь</i> — <i>несете</i> <i>неси</i> <i>несите</i>	□ <i>несет</i> ≡ <i>несут</i>	+ <i>несу</i> ○ <i>несешь</i> □ <i>несет</i> <i>неси</i> <i>нес</i> <i>несла</i> <i>несло</i> <i>нес бы</i> <i>несла бы</i> <i>несло бы</i>	= <i>несем</i> — <i>несете</i> ≡ <i>несут</i> <i>несите</i> <i>несли</i> <i>несли бы</i>

Из этой схемы видим, что категории однородные, например, 1-го, 2-го, 3-го лица глагола или единственного и множественного числа, не имеют совпадающих по звукам форм, т. е. здесь полное отличие в звуках; в категориях же разнородных, каковы, например, категории 1-го лица и единственного числа, часть форм совпадает по звукам, а часть форм отличает в звуковом отношении одну категорию от другой (см. слова в схеме, отмеченные одинаковыми значками).

Кроме категорий, которые объединяют ряд разновзвучных форм на основе единого, простого значения (например значения единственного числа, значения „повеления“), есть категории иного порядка:

1) такие, в которых формы объединяются целым комплексом однородных значений; например формы: *ходил бы*, *ходила бы*, *ходило бы*, *ходили бы*, могут выражать и оттенок желания (так и *ходил бы всю ночь напролет!*) и оттенок предположения (я, пожалуй, *ходил бы к нему*), но все же это только оттенки одного основного значения, и поэтому они должны входить в одну категорию;

2) такие, в которых формы объединяются на основе единого комплекса разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой из форм. Например творительный падеж существительных в зависимости от лексики и контекста может иметь самые разнородные значения: *пишу пером* — значение орудия, *кричат петухом* — сравнительное, *иду лесом* — местное и т. д. Тот же комплекс значений в точности повторяется и в ряде других форм (*пишу ручкой*, *кудахчет курицей*, *кричат выпюю*, *кричат петухами*, *шли степью*, *лесами* и т. д.)

и тем создается, несмотря на разнородность значений, прочное внутреннее единство, обычно называемое творительным падежом (ряд: *столом — водой — костью — столами — водами — kostями*). Если бы попытаться разбить эти сложные по значению категории соответственно значениям, то мы получили бы одновучные категории (например ряд: *столом — водой* и т. д. как категорию орудия и тот же самый ряд как категорию сравнения и т. д.), и тем лишились бы при различии категорий друг от друга объективной звуковой базы; получилось бы огромное количество категорий, у разных исследователей различных вследствие трудности и условности самого распределения форм по значениям и их оттенкам.

Вот почему, в конце концов, определение понятия категории должно принять следующую формулировку: формальная категория слов есть ряд форм слов, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику.

Отдельные категории могут объединяться между собой по какой-нибудь черте значения, и тогда можно говорить об общих категориях или о группе категорий. Например соотношение, существующее между категориями 1-го, 2-го, 3-го лица глагола, категориями единственного и множественного числа создает общие категории лица, числа и т. д. Кроме того можно различать категории обусловливающие и обусловливаемые. Например категории положительной, сравнительной и превосходной степеней сравнения являются обусловленными категориями качественного признака (прилагательное), так как только такой признак может изменяться по степеням. Самыми главными, общими, обусловливающими все остальные категории языка являются категории частей речи.

Так как категории создаются и существуют путем постоянной связи и непрерывного сравнивания их между собой в нашем сознании, то в языке возможны категории нулевые по отношению к значению. Так, по связи с сравнительной и превосходной степенями сравнения мы можем говорить о положительной степени сравнения, которая, в сущности, никакого сравнения не выражает, а является нулевой категорией; сюда же относятся и изъявительное наклонение, и средний род, и несовершенный вид, и невозвратный залог и мн. др.

§ 3. СИНТАКСИЧЕСКИЕ И НЕСИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ.

Возьмем выражение *люблю сестру*. Форма *сестру* в этом выражении принадлежит к трем категориям: падежа, числа и рода, но эти категории находятся не в одинаковом отношении к слову *люблю*, а именно: падеж

слова *сестру* зависит от слова *люблю*, так как нельзя сказать *люблю сестры, люблю сестре*; число же и род не зависят от слова *люблю*, так как можно сказать *люблю сестер, люблю брата, люблю дитя*. Точно так же все увеличительные, уменьшительные, ласкательные, пренебрежительные категории (*люблю сестрицу, сестренку*) и вообще все категории существительного, у которых формы образуются не флексиями (например *люблю общение, общность, общество, сообщение* и т. д.), не зависят от других слов в речи. Такие категории, которые обозначают (как падеж существительных) зависимость одних слов в речи от других, называются синтаксическими (потому что связная речь изучается в синтаксисе), а категории, не обозначающие такой зависимости, — несинтаксическими или словообразовательными (название происходит оттого, что многие из форм этих категорий, но не все, вносятся в словари в виде отдельных слов, как: *сестрица, сестренка* и т. д.).

У существительных имеется одна синтаксическая категория — падеж. У прилагательных их больше: 1) падеж, 2) число и 3) род; например в выражении *покойной ночи* падеж, род и число слова *покойной* зависят от падежа, рода и числа слова *ночи*, так как нельзя сказать *покойного ночи* или *покойных ночи*. Кроме того такие прилагательные, как *добр, добра, добры*, в сопоставлении с *добрый, добра, добрые* образуют отдельную (четвертую) категорию краткости прилагательного, которая является синтаксической, так как употребляется только в определенных сочетаниях при глаголах-связках: можно сказать *он был добр*, но нельзя сказать: *добр человек пришел к нам*. В глагольных категориях синтаксическими являются следующие: 1) лица (нельзя сказать *он стучу*), 2) числа (нельзя сказать *он стучат*), 3) рода (нельзя сказать *он стучала*). Далее, к синтаксическим категориям должны быть отнесены: 1) категория наречия (нельзя сказать *говорит громкий*, а только *говорит громко*), 2) категория деепричастия (нельзя сказать *спит сидеть*, а только *спит сидя*), 3) категория инфинитива (нельзя сказать *могу писать*, а только *могу писать*).

Между категориями синтаксическими и несинтаксическими (словообразовательными) есть и другая разница, а именно: формы, образующие словообразовательные категории, вносят особый оттенок в основное значение слова; например в формах *столы, столик, похаживает* выражаются не те же представления, что в формах *стол иходит*; формы же, образующие синтаксические категории, не изменяют наших реальных представлений, а выражают только различные отношения между этими представлениями (сравн. *подарок отца* и *подарок отцу*, *ударил доску палкой* и *ударил палку доской*, — представления остаются те же, а отношения между ними меняются). Поскольку здесь дело идет только о таких

представлениях, которые обозначаются словами, и поскольку каждому такому представлению соответствует отдельное слово, можно сформулировать (как это обычно делается в большинстве пособий) функцию синтаксических категорий еще и так: они обозначают отношения между словами.

Кроме категорий, выражающих отношения между словами, существуют еще категории, выражающие отношения самого говорящего к своим словам и вообще к своей речи и мысли. Из синтаксических категорий сюда принадлежат прежде всего категории времени и наклонений глагола. Категория времени обозначает, как говорящий представляет себе соотношение между временем своей речи и временем совершения действия, выраженного в глаголе. Именно, если говорящий представляет себе, что действие совершается в тот самый момент, когда он говорит, он употребляет настоящее время (*пишу, читаю*); если он представляет себе, что действие совершится только после его речи, то он употребляет будущее время (*буду писать, напишу, буду читать, прочитаю*); если он представляет себе, что действие совершилось до его речи, он употребляет прошедшее время (*писал, написал, читал, прочитал*). Что дело идет здесь не о соотношении двух объективно устанавливаемых хронологических дат, как они могли бы быть даны в действительности, а только о соотношении двух моментов в представлении говорящего, ясно из того, что действительность может на каждом шагу расходиться с этим представлением. Так, действие, которое говорящий представляет себе как имеющее произойти после речи и которое он поэтому выражает будущим временем, может на самом деле не произойти (все неисполнившиеся предположения, обещания, пророчества); действие, которое говорящий представляет себе как предшествовавшее его речи и которое он поэтому выражает прошедшим временем, могло на самом деле не предшествовать (ошибки памяти, невольные ошибочные показания на суде и т. д.). Наконец даже действие, которое говорящий представляет себе как одновременное со своей речью (настоящее время), может в редких случаях галлюцинации объективно не совершаться. Категория наклонения обозначает, как говорящий представляет себе соотношение между действием, выраженным в глаголе, и предметом, которому это действие приписывается (подлежащее). А именно: или он представляет себе это соотношение фактическим отображением действительности или только воображаемым, мысленным ее воссозданием. Говоря, например, *крестьянин пашет*, говорящий убежден, что связь между крестьянином и пахотой существует не только в его речи, но и в действительности. В таких же случаях, как: *крестьянин пахал бы*, или обращенным к крестьянину *пashi!* говорящий

хочет показать, что им соединено в мысли по тем или иным мотивам то, что в действительности не соединено. Первое из указанных отношений выражается прямым, или „изъявительным“ наклонением, второе — разными косвенными наклонениями (в русском языке — сослагательным и повелительным). Сравнивая категории времени и наклонения, находим между ними две общие черты: 1) обе они выражают отношение самого говорящего к своей речи и мысли, 2) обе они выражают отношение его не к изолированным представлениям, а к соотношениям между представлениями (сравн.: формулировки выше). Вторая черта крайне важна, так как именно она и заставляет причислить эти категории к синтаксическим. Дело в том, что существуют еще категории, выражающие отношение говорящего к отдельным представлениям и словам. Таковы, например, категории ласки и унижения (*избенка, старушка, воришка, Ванечка*, по звуковой стороне в русском языке почти совпадают с категориями уменьшения). Эти категории, будучи одинаково с категориями времени и наклонения субъективными (так как выражают чувствования лица говорящего), будут несинтаксическими. Если условиться называть категории, не обозначающие участия лица говорящего, объективными, то получится, что синтаксические и несинтаксические категории перекрещиваются с субъективными и объективными, что наглядно показывает следующая схема:

Категории	Синтаксические	Несинтаксические
Объективные	Отношения между представлениями	Оттенки в представлениях
Субъективные	Отношение говорящего к отношениям между представлениями	Отношение говорящего к представлениям

Относительно категории лица надо заметить, что она носит не только объективный характер (см. выше), но одновременно и субъективный. Именно, поскольку формы *иду, идешь, идет* и т. д. сознается выражающими отношение данного представления к другим представлениям, выраженным отдельными словами (*я, ты, он, Иванов*), они являются формами согласования, т. е. объективными. Поскольку же они сами выражают лицо речи (а ведь формы эти вполне отчетливо определяют это лицо и без прибавления слов *я, ты, он*), они являются уже субъективными, так как показывают в этом случае, как говорящий представляет себе отношение данного действия к лицу речи. В одних случаях говорящий представляет себе, что действие производится им самим (1-е лицо), в других — его слушателем (2-е лицо),

в третьих — лицом или предметом, не участвующим в речи (3-е лицо). Что дело тут опять-таки не в объективных соотношениях, а в субъективных, ясно из случаев расхождения ориентации говорящего с действительностью: обращение к самому себе (одно и то же лицо оказывается при этом и 1-м и 2-м лицом), употребление лиц в прямой речи (*он сказал мне: никогда не забуду тебе этого*, говорящий ориентируется на другого говорящего и из-за этого объективное 3-е лицо делается 1-м) и т. д.

О некоторых категориях нужно сказать, что они стоят на границе между синтаксическими и несинтаксическими, например: категория залога (*читает — что? но читается — ком?*); категория степени сравнения (*бело* не требует родительного падежа, а *белее* требует), т. е. в этих случаях оттенок, образующий несинтаксическую категорию, совершенно изменяет отношение данного слова к другим словам.

Несинтаксические сами по себе категории числа и рода существительных, по соотношению с категориями числа и рода прилагательных и глаголов, тоже должны привлекаться к изучению в синтаксисе.

§ 4. ПОНЯТИЕ О ФОРМЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ.

Под словосочетанием надо понимать не всякое сочетание слов, а такое, в котором имеется два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли, так что словосочетание, как и слово, является единством внешне-внутренним, физико-психическим. Во фразе, например: *И тут всем существом ему почувствовалось, что наступила, наконец, пора мысль о побеге привести в исполнение („К новой жизни“ Р.)* такие части, как: 1) *всем существом*; 2) *ему почувствовалось*; 3) *тут всем существом ему почувствовалось*; 4) *наступила, наконец, пора*; 5) *мысль о побеге*; 6) *мысль о побеге привести в исполнение*, а также и весь этот пример, состоящий из двух предложений, — являются словосочетаниями. А например такие части, как: 1) *тут почувствовалось*; 2) *наступила пора*; 3) *тут всем*; 4) *пора мысль*; 5) *наступила, наконец, пора мысль о побеге*, — нельзя считать для данной речи словосочетаниями, так как из них два первых сочетания состоят из слов, не находящихся в непосредственном соседстве в данной речи, т. е. они физически отделены друг от друга,¹ в остальных же трех, наоборот, нет психического единства, а только физическое.

¹ В другой речи эти сочетания слов могли бы, конечно, быть словосочетаниями. В синтаксической литературе в числе фактических примеров на тот или иной тип словосочетания всегда приводятся и такие возможные словосочетания, извлеченные из фактических, но это делается все же с помощью типографского выделения (курсивом, разрядкой и т. д.) тех не рядом стоящих слов, которые, будучи поставлены рядом, образовали бы данный тип словосочетания.

Форма словосочетания, как и форма отдельного слова, есть разложимость словосочетания по значению и звукам на две стороны: основную и добавочную (вещественную и формальную). Но в применении к словосочетанию уже совершенно нельзя говорить о частях, как это приближенно допустимо в применении к слову, а только именно о двух разных сторонах как звучания, так и значения; поэтому для формы словосочетания может быть использовано только то точное определение формы слова, которое было дано в конце § 1. Соответственно ему, форму словосочетания можно определить как свойство всего словосочетания, взятого в целом, выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: основные и добавочные.

Формальная сторона словосочетания выражается сложно, и в образовании ее имеют значение следующие условия:

1) комбинация входящих в нее форм слов в их синтаксических значениях,

2) бесформенные слова в их синтаксических значениях,

3) порядок слов,

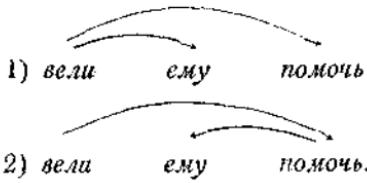
4) интонация и ритм.

Остановимся подробнее на каждом из этих пунктов.

1. Комбинация входящих в словосочетание форм слов. Возьмем словосочетания: *хочу читать сестре книгу*, *собираюсь писать матери письмо*, *обещаю прислать тресту сырье*, *могу предложить заводу изобретение* и т. д. Нетрудно видеть, что при всей вещественной разнородности этих словосочетаний они одинаково построены, и построение это можно формулировать так: глагол 1-го лица единственного числа + зависящий от него инфинитив¹ + зависящие от этого инфинитива дательный и винительный падежи существительных. Точно так же окажутся одинаково построенными и словосочетания: *сестра хочет читать книгу*, *мать собирается писать письмо*, *зав обещает прислать сырье*, *некто может предложить изобретение*, *ученик умеет решить задачу*, *вода собирается прорвать плотину* и т. д., или словосочетания: *собираясь составить смету*, *надеясь ускорить подвоз*, *желая купить хлеб*, *умея готовить кушанье*, *стараясь поднять дисциплину* и т. д. Вот такой тип строения словосочетания образует первую и главнейшую формальную черту всего словосочетания, взятого в целом. На первый взгляд может показаться, что „форма словосочетания“ в таком понимании есть лишь простая сумма отдельных „форм слов“, входящих в данное словосочетание. Но дело все в том, что сами-то отдельные формы этого

¹ Научное название так называемого „неопределенного наклонения“.

рода не вполне отдельны. Они отдельны только по звуковой стороне, по значениям же своим они, как мы видели в предыдущем параграфе, выражают только отношения между словами, т. е. нечто такое, что по самой сути дела⁶ не принадлежит ни одному из сочетающихся слов в отдельности, а только всему словосочетанию, взятыму в целом. Следовательно, с точки зрения значения, здесь, собственно, даже нельзя говорить о формах слов, а только о форме всего словосочетания. Напротив, с точки зрения звуковой здесь можно говорить только о формах отдельных слов. Вот почему и приходится учитывать эти формы и тут и там. Само собой разумеется, что речь идет только о формах слов синтаксических категорий. Если словосочетание *хочу читать сестре книгу* переделать в: *хочу читать сестрице книжку*, *хочу прочитать сестрам книги*, *хочу почитывать сестренке книжонки* и т. д., т. е. изменить формы несинтаксических категорий, то строение словосочетания не изменится и общая "форма" его останется та же. Поскольку дело идет о комбинации форм в их синтаксических значениях, следует признавать разными формами словосочетания и такие комбинации, которые в звуковом отношении тождественны, а в отношении синтаксических значений различны. Возьмем словосочетание: *Вели ему помочь*. Оно может иметь два смысла: 1) *вели ему, чтобы он помог*, 2) *вели (кому-то другому), чтобы ему помогли*. Схематически зависимость слов друг от друга в первом и втором случае можно изобразить так:

Разница здесь чисто синтаксическая, так как меняются те отношения в какие мы ставим предметы нашей мысли друг к другу. Следовательно это две разных формы словосочетания, несмотря на тождество составляющих их форм слов. То или иное понимание таких словосочетаний обусловливается, подобно нулевым формам отдельных слов (*сто*, *пол*, *рос*, *лез* и т. д.), обязательностью ассоциаций их с определенными грамматическими рядами. Так, в одном случае и говорящий и слушающий ассоциируют это словосочетание с такими, как: *вели, чтобы он помог, скажи ему, пусть поможет* и т. д.; в другом случае они ассоциируют это словосочетание с такими как: *вели, чтобы ему помогли, скажи, пусть ему помогут* и т. д.

Та или иная комбинация форм слов иногда находится в тесной связи с вещественными значениями слов, входящих в данное словосочетание.

Так, например, в словосочетаниях типа: глагол + косвенный падеж существительного самый выбор того или иного падежа зависит от вещественного значения глагола: при глаголе *мстит* (*мстит врагу*) необходим дательный падеж, при глаголе *ест* (*ест мясо*) дательный падеж невозможен, а необходим винительный падеж. Таким образом применение той или иной формы словосочетания ограничено здесь словарными условиями. Такие формы словосочетания, зависящие в своем составе от словарных условий, можно называть частными в отличие от таких, где словарные условия безразличны (напр., форма: именительный падеж существительного + согласуемый с ним глагол или форма: прилагательное +зывающее в нем согласование существительное). Последние можно называть общими.

2. Бесформенные слова в речи переплетаются со словами, имеющими форму (форменными), вступая в постоянную связь с определенными формальными категориями. Так, например, бесформенное слово *очень* соединяется только с прилагательным и глагольным словом, но не с существительным; можно сказать: *очень полный*, *очень полноет*, *очень полная* и т. д., но не *очень полнота*. Это закрепляет за словом *очень* определенную синтаксическую роль в словосочетании (категория наречия), т. е., в конце концов, делает его участником данной формы словосочетания. Но яснее всего синтаксическое значение бесформенных слов выявляется в так называемых частичных, или служебных словах, которые почти все являются бесформенными. Частичными или служебными называются слова, не имеющие самостоятельного значения, а только вносящие оттенки в значения других слов и словосочетаний, например: *для*, *ведь*, *в*, *конечно* и т. д. Слова же, имеющие отдельный, самостоятельный смысл, называются полными или знаменательными, например: *белый*, *красиво*, *вчера*, *вскочь* и т. д. Этого деления слов на полные и частичные не надо смешивать с делением на форменные и бесформенные, так как и среди полных слов есть бесформенные (напр.: *очень*, *вскочь*, *какаду*) и среди частичных есть форменные (напр.: глагольные связи, см. ниже). Но огромное большинство частичных слов не имеет формы. По значению же своему они близки к синтаксическим формальным частям слов, имеющим форму. Так, предлог *для* обозначает почти то же, что флексия дательного падежа (сравн.: *сделай мне это!* и *сделай для меня это!*); предлог *от* очень близок по значению к родительному падежу (сравн.: *избегнуть чего* и *избавиться от чего*) и т. д. Другими словами, частичные слова в огромном большинстве случаев обозначают только отношения между представлениями, как и формы слов, принадлежащие к синтаксическим категориям. Понятно, что и значение их

для формы словосочетания так же велико, как и значение отдельных форм. В русском языке имеется восемь разрядов частичных слов: 1) предлоги (*от*, *в* и т. д.), 2) союзы (*и*, *чтобы* и т. д.), 3) глаголы-связки (*он был болен*, *он стал непослушен*), 4) усилительные или выделительные слова (*даже*, *это*, *то*, *и*, *ни*, *ведь*, *хотя* и т. д. (*он даже и говорит-то не умеет!*), 5) вводные слова (*он, конечно, придет*), 6) побудительные слова (*пусть он знает!*), 7) отрицательные слова (*не, ни*), 8) вопросительные слова (*ли, разве, ужели, неужели*). Анализ значений этих разрядов частичных слов будет дан в „специальной части“ книги.

3. Порядок слов. Всякая перестановка слов в речи создает новый оттенок значения всего словосочетания, правда, иногда едва уловимый (сравн.: *дай мне книгу* и *дай книгу мне*). Поскольку при этом неизбежно одни слова выдвигаются на более передний план в нашей мысли, а другие — на более задний, происходит частичное изменение отношений между словами, т. е. меняется форма словосочетания. Но порядок слов может приобретать и более определенное синтаксическое значение. Так, в сочетаниях: *мать любит дочь* и *дочь любит мать* падеж существительного (именительный и винительный) можно определить только при помощи порядка слов; в сочетании: *писал ты?* вопросительность выражена отчасти перестановкой слов; и т. д. Впрочем надо сказать, что в русском языке нет ни одного синтаксического значения, которое было бы связано только с определенным порядком слов. Например в сочетании *мать любит дочь* первое существительное под влиянием форм соседних словосочетаний может употребляться и пониматься и в значении винительного падежа, а второе — в значении именительного (*в этой семье отца любят сын, а мать любит дочь*). В других же языках бывает так, что отдельные падежи и даже отдельные части речи различаются друг от друга только при помощи порядка слов.

4. Интонация и ритм — необходимые спутники всякой живой, произносимой фразы, что ясно уже из того, что все, что бы мы ни сказали, мы высказываем или повествовательно, или вопросительно, или восклицательно (или: *Он здесь*., или: *Он здесь?*, или: *Он здесь!*). А так как разница между этими тремя видами высказывания зависит исключительно от различного отношения говорящего к высказываемому им сочетанию представлений (см. § 21), то ясно, что здесь мы имеем три различных категорий форм словосочетаний (субъективных по значению, сравн. категории времени и наклонения глагола), выражаемых почти исключительно ритмом и интонацией. При этом каждая из этих трех интонаций кроме частных оттенков повествования, вопроса и восклицания выражает еще общий оттенок законченности мысли. Возьмем два предложения: *Ты куда?* и *Ты куда спешишь?* Сравнивая их по интонации и

ритму, мы видим, что в первом из них оттенок законченности мысли выражается исключительно ритмом и интонацией, так как только этими признаками предложение *Ты куда?* отличается от словосочетания *ты куда*, входящего в состав второго примера. Значит, в неполных предложениях интонация создает важнейшую форму словосочетания: **предложение**. Отсюда вытекает возможность для предложений состоять из одного слова. Когда мы говорим, например: *Пожар! Куда? Виноват! Да. Нет* и т. д., мы произносим эти слова как целые фразы с соответствующими оттенками повествования, вопроса и восклицания, с одной стороны, и с оттенком законченности мысли — с другой. Слова эти по интонации оказываются равными целым словосочетаниям, так как подобного рода интонация образует обычно формальную сторону словосочетания. Условно эти слова можно называть „словосочетаниями“ или, более точно, „словами с формой словосочетания“.

Ритмико-интонационный признак формы словосочетания по природе отличен от всех предыдущих, неинтонационных (или „составленно-грамматических“) признаков. Отношения его к этим признакам сводятся к двум типам:

1. Однозначные интонационные и собственно-грамматические средства могут в той или иной мере заменять друг друга. Возьмем, например, вопросительную категорию. Значение ее может выражаться: 1) специальными частичными словами *ли*, *разве*, *ужели*, *неужели*, 2) местоименными словами (*кто*, *что*, *который* и т. д.), 3) специальной вопросительной интонацией, 4) измененным порядком слов (*читал ты это?* вместо *ты читал это?*). Но язык применяет все эти средства не одновременно, а одни за счет других. Вопрос выражается в интонации тем слабее, чем большую роль играют другие средства, и наоборот. Из трех следующих фраз: *Читал ли ты это?* — *Читал ты это?* — *Ты читал это?* наиболее сильное повышение голоса имеется в последней фразе именно потому, что вопрос создается здесь **одной** интонацией. Напротив, когда вопросительное понимание гарантировано специальными вопросительными словами (см. выше п. 1 и 2), интонация вопроса совсем опускается как излишняя. Так, вопрос: *Который час?* может произноситься и без вопросительной интонации, а только тоном возбужденного сообщения (вроде: *Дождь пошел* или *Пожарные приехали*, с сильным ударением на первом слове).

2. Разнозначные интонационные и собственно-грамматические средства могут создавать совместно новое комбинативное значение. Возьмем такие случаи: *Молчать! Смирно сидеть!* Здесь определенный вид интонации (повелительной) прочно прикрепился к определенному собственно-грамматическому явлению (инфinitиву), не имеющему зна-

чения повеления, и вместе они создали особую формальную категорию строгого приказания. Таким образом здесь мы имеем не вспомогательное наложение интонационных средств языка на однозначные с ними собственно-грамматические, а органическое сочетание тех и других, комбинацию их на началах равноправия, результатом чего является образование нового формального значения.

Применив термин „формальная категория“ к таким значениям, как вопросительное или восклицательное, не выражающихся совершенно формами отдельных слов, мы выводим понятие формальной категории из тех рамок, в которые оно было поставлено в § 2. Именно мы понимаем формальную категорию уже не только как однозначный ряд форм слов, но и как ряд форм словосочетаний. И это естественно: ведь все дело в единстве формального значения, а не звуковой стороны. Поэтому, например, возможна и общая категория побуждения (не смешивать с категорией повелительного наклонения глагола), которая будет заключать в себе не только все слова с формами побудительного наклонения (*вынь,неси* и т. д.), но и все словосочетания с побудительными служебными словами (*Пусть придет!* и т. д.), и все словосочетания без таких слов, но с побудительной интонацией (*Смирно сидеть!* и т. д.). Исследование той или иной формальной категории и заключается в том, чтобы вскрыть все факты языка, выражающие ее значение. Таким образом формальной категорией в окончательном определении этого понятия надо считать всякий „ряд форм слов или форм словосочетаний или тех и других, объединенный со стороны значения и имеющий свою собственную звуковую или интонационную характеристику“ (сравн.: стр. 11). Многие формальные категории (например, вопросы, восклицания, отрицания, вводности) выражаются исключительно формами словосочетаний.

Итак, четыре проанализированных признака — комбинация форм синтаксических категорий, бесформенные синтаксические слова, порядок слов, интонация — образуют формальную сторону словосочетания. Все, что остается от словосочетания за вычетом всех этих признаков, будет составлять основную, вещественную сторону словосочетания. При этом эта вещественная сторона тоже не равна простой сумме вещественных значений слов, входящих в данное словосочетание. Если бы это было так, то мы бы не имели права говорить о вещественной стороне словосочетания, как такового. Но дело в том, что и каждое вещественное значение претерпевает обязательно ряд модификаций в зависимости от других вещественных значений словосочетания. Так, слово *давать* имеет разные вещественные значения в словосочетаниях *давать яблоко, давать пощечину, давать обед, давать слово, слово яблоко* — разные вещественные значения в сочетаниях *большое яблоко и яблоко*.

раздора, слово *солнце* — в сочетаниях *солнце взошло и сидеть на солнце* и т. д. Таким образом вещественную сторону словосочетания, как такового, образует та или иная комбинация вещественных значений составляющих его слов в их фразовых оттенках.

Понятия формы слова и формы словосочетания дают базу для определения грамматики и ее отделов: морфологии и синтаксиса. Именно, морфология может быть определена как учение о формах слов, синтаксис — как учение о формах словосочетаний, а грамматика — как учение о формальной стороне языка вообще.

§ 5. СВЯЗЬ СЛОВ В СЛОВОСОЧЕТАНИИ.

Отношения между словами, объединенными в словосочетание, могут быть двух видов: необратимые и обратимые.

1. Отношения необратимые, или взаимно не совпадающие. Возьмем словосочетание *ножка стола*, в котором два представления, о ножке и о столе, связаны отношением принадлежности (= ножка, принадлежащая столу). Отношения представлений между собой здесь взаимно не совпадают: ножка „принадлежит“ столу, но стол не „принадлежит“ ножке. С этим связана и необратимость подобных отношений: нельзя сказать *ножки стол* или *стол ножки*. В некоторых случаях внешним образом можно произвести обращение, например: *брат учителя* — брат учителя или учитель брата, но всякому, говорящему по-русски, ясно, что в таких случаях меняется внутренняя сторона отношений между представлениями и тем самым резко обнаруживается необратимость этих отношений. Это можно выразить такой формулой:

$$A : B \neq B : A,$$

где А и В соотносящиеся представления (напр.: *ножка* и *стол*), а \neq знак неравенства. (Сравн. еще *зеленый сад* и *садовая зелень*, *любит торопиться* и *торопится любить*, *читает сидя* и *сидит читая*, *терпит презрение* и *презирает терпение* и т. д.).

2. Отношения обратимые, или взаимно совпадающие. Возьмем словосочетания: *гражданин Иванов*, *красавица-зорька*, *брать-учитель* и т. д. Эти случаи школа рассматривает как приложения, основываясь на том, что часто представления здесь логически и словарно бывают в неравных отношениях друг к другу (*гражданин Иванов* — отношение видового понятия к единичному и обратно; *красавица-зорька* — признака к предмету и обратно и т. д.). Но с точки зрения грамматических значений отношения между представлениями здесь сводятся только к тому, что им соответствует один и тот же реальный предмет, и по этому признаку представления эти абсолютно одинаково относятся друг к другу. Отношения здесь взаимно совпадающие и обра-

тимые (сочетания *гражданин Иванов* и *Иванов-гражданин*, *брат-учитель* и *учитель-брать*) и т. д. только стилистически отличаются друг от друга), и это может быть выражено следующей формулой:

$$A:B = B:A.$$

Это различие между необратимыми и обратимыми отношениями в словосочетаниях создается тем, что при необратимости звуковой показатель отношения имеется только в одном из соотносящихся слов: брат учителя (окончание — *а*); при обратимости же звуковой показатель имеется в обоих соотносящихся: *брат-учитель, брата-учителя, брату-учителю, о брате-учителе* и т. д.

Неизбежным спутником необратимости отношений является в языке сознание неравноправности соотносящихся величин. То слово, в котором имеется показатель соотношения (*брата учителя*), сознается как несамостоятельное по отношению к тому слову, в котором нет показателя отношения, потому что оно изменило свое окончание, приспособилось известным образом, чтобы вступить в связь с другим словом, тогда как слово, в котором нет показателя отношения (*брата учителя*), представляется самостоятельным по отношению к слову, в котором есть показатель отношения, потому что оно не изменилось, не приспособлялось к другому слову для вступления с ним в отношения. Такое соотношение обычно называется подчинением одного слова другому, или зависимостью одного слова от другого. В словосочетаниях, состоящих более чем из двух слов (в многословных), наблюдается последовательное подчинение слов друг другу, причем одно и то же слово может оказываться самостоятельным по отношению к одному слову и несамостоятельным по отношению к другому. Так, в словосочетании *книга брата учителя* (отличать от *книга брата-учителя*, где отношение между двумя последними словами будет обратимое) отношение между словами *книга* и *брата* выражено только во втором слове (*брата*), а отношение между словами *брата* и *учителя* опять-таки только во втором (*учителя*). Таким образом слово *брата* оказывается одновременно самостоятельным по отношению к слову *учителя* и несамостоятельным по отношению к слову *книга*. В словосочетании *переплет книги брата учителя* эта последовательность подчинения, или так называемый „ход зависимости“, удлиняется еще на один член. Но не всегда ход зависимости складывается в виде простой последовательности подчинения, как в данных примерах. Так, в словосочетании:

Я быстро пишу тупым карандашом требование прислать немедленно вооруженный отряд милиции —
ход зависимости складывается иначе: 1) Я пишу, 2) пишу быстро, пишу карандашом, пишу требование, 3) карандашом тупым, 4) требование прислать, 5) прислать немедленно, прислать отряд, 6) отряд воору-

женный, отряд милиции. Здесь одно слово подчиняет себе одновременно несколько слов (2, 5, 6), а некоторые из этих слов тоже подчиняют себе по несколько слов (5, 6). Такое „разветвленное“ подчинение нескольких слов одному называется *соподчинением*, а последовательное подчинение слова за словом друг другу — *включением*.

В словосочетаниях, построенных на обратимости, отношение выражено в обоих соотносящихся словах (*брата-учителя, о брате-учителе, женщины-врача, о женщине-враче* и т. д.), следовательно ни одно из них не приспособляется к другому в своем окончании, а оба приспособляются друг к другу, и в результате оба соотносящиеся представляются равными и равными. По сравнению с подчинением такое соотношение можно называть *сочинением*.

Теперь обратимся к словосочетаниям, в которых отношение выражено не формами слов, а частичными словами: союзами и предлогами. Оказывается, что отношения между словами, соединенными союзами (*хлеба и зреши!, живота или смерти?, строг, но справедлив* и т. д.) складываются по формуле: $A : B = B : A$, вследствие чего они легко обратимы (*зреши! и хлеба!, смерти или живота?, справедлив, но строг*). В случаях с противительными союзами получается, правда, некоторый психологический сдвиг (второе из противопоставляемых представлений кажется важнее первого), но самое отношение противоположности (собственно-грамматический признак) остается тем же. Таким образом союзы внутри предложения создают отношение *сочинения* слов, причем иногда союз повторяется при каждом слове, например: *в лесу ночной порой и дикий зверь, и лютый человек, и леший бродит* (Пушкин), что еще более уподобляет этот способ выражения отношений сочинению посредством форм слов (где повторяются окончания: *брата-учителя, брату-учителю* и т. д.). Совершенно иную связь создают внутри предложения предлоги (*ключ от замка, иду в город*). Прежде всего здесь имеются два звуковых показателя отношения: предлог и аффикс существительного, которое следует за предлогом (*ключ от замка*). Оба эти показателя, которые можно рассматривать как один сложный показатель, целиком примыкают к одному из соотносящихся слов и тем самым создают отношения не совпадающие и не обратимые. Это ясно: 1) из прямой невозможности обращения в большинстве случаев (нельзя сказать *замок от ключа*), 2) из смысловых сдвигов там, где обращение внешне возможно (*хлеб с маслом — масло с хлебом, хлопушка для мух — мухи для хлопушки*).

Таким образом предлоги создают подчинение, а союзы — сочинение (за исключением союза *как*, об этом в § 15 стр. 82).

Нужно сказать, что в отдельных предложениях (в отличие от сложных целых, см. § 28) вообще преобладает подчинение.

Сочинительными же являются только: 1) сочетания, состоящие из так называемого приложения и того, к чему оно приложено, и 2) сочетания, состоящие из однородных членов слитного предложения. Сочинение только слегка видоизменяет ту картину последовательной и разветвленной зависимости, которая указана на стр. 23 — 24. В общем комбинация сочинения и подчинения создает четыре типа словосочетаний. Обозначая прямыми линиями подчинение нижних слов верхним, а кривыми линиями — сочинение и помешая самые слова в прямоугольники, можно изобразить эти типы словосочетаний в схемах (см. стр. 26).

А = Я увидел следы полного разрушения (включение).

Б = Я быстро пишу тупым карандашом требование прислать немедленно вооруженный отряд милиции (включение и соподчинение).

В = Слабый, свежий ветерок играл волосами открытых голов и лентами (включение, соподчинение и сочинение соподчиненных элементов).

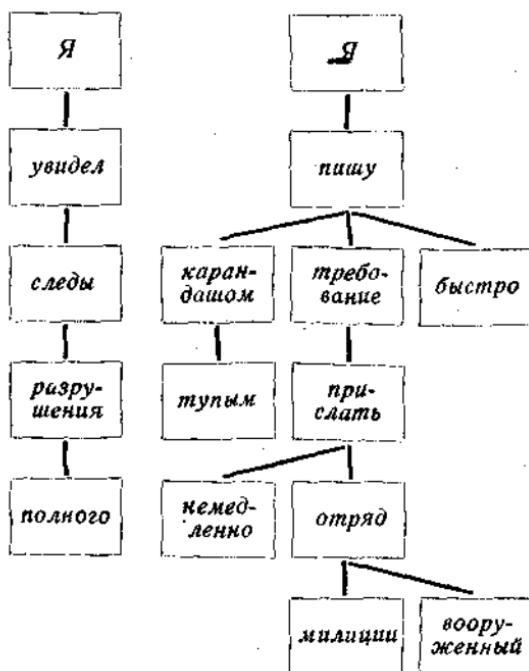
Г = В лесу ночной порой и дикий зверь, и лютый человек, и леший бродит (включение, соподчинение и сочинение соподчиняющих элементов).

Подчинение может иметь три вида: 1) управление, которое есть подчинение существительного какому бы то ни было другому слову, 2) согласование — подчинение прилагательного тому существительному, к которому оно относится, и подчинение глагола тому именительному падежу существительного, к которому он относится, и 3) примыкание — такое подчинение, которое не является ни управлением, ни согласованием, причем примыкание может быть или морфологическим, когда подчинение выражено наличием звукового показателя в одном из соотносящихся (*шел медленно*, *шел спотыкаясь*, *шел искать*), или синтаксическим, когда подчинение выражено только интонацией, порядком слов, лексикой (*шел здесь*, *шел вчера*).

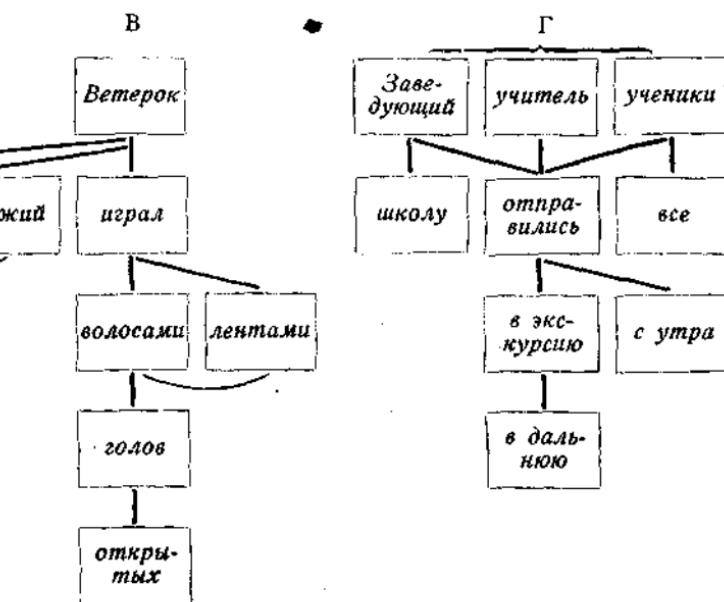
§ 6. ЧАСТИ РЕЧИ.

Возьмем слово *черный* и образуем от него ряд слов: *чернила*, *черника*, *черныш* (птица), *черняк* (черный человек, черный шар при баллонировке), *черняй* (соколий самец), *чернушка* (вид гриба), *чернавка* (смуглянка), *чернец*, *черница*. Все эти слова обозначают разнообразные предметы, хотя они образованы от корня *черн-*, обозначающего не предмет, а признак. Таким образом мы получили „ряд форм, объединенных со стороны значения“, т. е. особую формальную категорию (см. § 2). Это будет категория предметности, или, говоря грамматическим языком, существительности. Слова, имеющие соответствующие

А

Б

формы, называются именами существительными. Кроме суффиксов *-ил-*, *-ик-*, *-ыш-*, *-ый-*, *-ушк-*, *-авк-*, *-ец-*, *-иц-*, имеющихся в вышеприведенных словах, в языке имеется еще целый ряд суффиксов с тем же значением предметности, например: *-ок-* (желтый—желток), *-ик-* (рыжий—рыжик), *-ян-* (грубый—грубяня), *-юка-* (злой—злюка), *-як-*, *-ка-* (синий—синяк, синька) и др. Далее, предметность может выражаться и не словообразовательными суффиксами, а суффиксами склонения (флексиями). Так, слово *чернь*, не имеющее словообразовательного суффикса, а только флексии (*черн-и*, *чернь-ю*), тем не менее обозначает предмет (вернее, различные предметы: черную наслойку на серебре, дореволюционные „низшие“ классы общества и др.). То же можно сказать и о других бессуффиксных словах: *зелень* при зеленый, *добро* (в смысле имущество) при *добрый*, *суша* при *сухой*, *золото* при *золотой* и т. д. Сравнивая, например, *добро* и *добрый*, мы увидим, что разница между этими словами только в способе изменения их, а именно в том, что *добро* образует ряд: *добро, добра, добру* и т. д., а *добрый* — ряд: *добрый, добрая, доброе, доброго, добрым* и т. д. Таким образом здесь значение предметности создается определенными флексиями, и часто не отдельной флексией, а целой системой их, потому что, например, *добро*, отдельно взятое, может обозначать и признак (если войдет в ряд: *добр, добра, добро*). Но те же системы флексий мы находим и в раньше рассмотренных словах со словообразовательными суффиксами (*черныш, чернец*, например, склоняются так же, как *добро, черника, как суша* и т. д.) и отсюда следует, что общая категория предметности и в этих словах создается именно системой склонения, внутренние же суффиксы создают в них только разные частные категории предметности (*-ил* обозначает орудие действия: *чернила, белила, -ец-* человека с определенным качеством: *чертеж, глупец* и т. д.).

Но почему же три совершенно различных системы склонения — 1) *чернь, -и-, -ью-*, 2) *добро, добра, добру, добром, о добре*, 3) *суша, сушки, сушечки* и т. д. — создают одно и то же значение предметности, а четвертая система — *добрый, добрая, доброе, добр, добра, добро* и т. д. — его не создает? И почему мы относим, например, слово *добро* то к одной системе, то к другой? Объясняется это тем, что рядом с формами слов (и даже более мощно) в выражении предметности участвуют и формы словосочетаний. Так, слово *добро* в словосочетании типа „существительное в именительном падеже + глагол-связка + краткое прилагательное“ (*дитя будет добро*) — будет прилагательным, а в словосочетании типа „прилагательное некраткое + существительное“ — будет существительным (*от него осталось большое добро, от него не осталось большого добра*). Еще больше это оказывается на таких словах, как *портной, запятая, жаркое* и т. д. По флексиям их нельзя отличить

от прилагательных (хотя, правда, полной системы флексий прилагательных у них нет, так как имеются флексии только одного рода), но из-за того, что они вступают только в такие словосочетания, как: *хороший портной, ненужная запятая, вчерашнее жаркое* (тип: „прилагательное + существительное“) и не могут вступать в такие, как *портной человек или жаркое кушанье* они оказываются самыми настоящими существительными. Наконец в осмыслении таких слов, как *рабочий, нищий*, которые могут обозначать то предметы, то признаки, решающим моментом является уже только синтаксическое начало (сравн.: *рабочий день и современный рабочий, нищий город и странный нищий*), т. е. когда эти слова вступают в сочетание с несомненными морфологическими существительными, они являются прилагательными, а когда вступают в сочетание с несомненными прилагательными, они являются существительными. Все это может происходить только в силу живущей в нашем сознании стойкой формы словосочетания: „прилагательное + вызывающее в нем согласование существительное“. Таким образом значение предметности (как и значение всех других частей речи) создается не одними морфологическими средствами (т. е. формами слов), а и синтаксическими (формами словосочетаний).

Синтаксическое выражение предметности характеризуется следующими чертами:

- 1) свободной соединимостью данного слова с прилагательным в порядке согласования (только местоименные существительные: *я, ты, он, кто*, что затрудняются вступать в эти сочетания);
- 2) затрудненной соединимостью его с другим предметным словом в порядке сочинения (*брат-учитель, красавица-зорька*), так как такие сочетания требуют особой логической спаянности;
- 3) свободной соединимостью с другим предметным словом в порядке подчинения (управления): *дом отца, сила любви* и т. д.
- 4) свободной соединимостью с глаголом в том же порядке управления: *читает книгу, рубит топором* и т. д.
- 5) свободной соединимостью с предлогом: *на столе, от стола, и т. д.*;
- 6) свободной соединимостью с глаголом в порядке согласования: *стол стоит, лампа горит* и т. д.; это опять одна из самых общих форм словосочетаний в языке;
- 7) свободной соединимостью с другим предметным словом посредством соединительного, разделительного или противительного союза (*стол и стул, государство рабочих и крестьян*);
- 8) почти полной несоединимостью существительного с наречием: нельзя сказать: *вкусно обед, интересно игра*, а только: *вкусный обед, интересная игра* и т. д. (этот пункт тесно связан с пунктом первым).

Итак, существительное — категория форм слов и форм слово-

сочетаний с формальным значением предметности; отдельное слово может не иметь соответственной формы со значением предметности, но если оно в словосочетаниях всегда имеет это значение, его надо считать существительным. С этой точки зрения такие слова, как: *пальто*, *кенгуру*, *Гепеу*, *Моно* и т. д., являются существительными, так как к ним применимы все синтаксические черты существительности, указанные выше (сравн.: 1) *большой кенгуру*, 2) (пример затруднителен), 3) *кенгуру соседа*, 4) *вижу кенгуру*, 5) *на кенгуру*, 6) *кенгуру бежит*, 7) *кенгуру и утконос*, 8) (пример затруднителен). В отличие от прочих существительных их можно назвать синтаксическими существительными.

До сих пор мы говорили о таких существительных, которые обозначают реальные предметы (*чернь*, *чернила*, *чернец* и т. д.). Но от того же корня *черн-* можно образовать слово *чернота*, имеющее отвлеченное значение. Если такое слово относить к существительным, то, очевидно, необходимо как-то пояснить и расширить самое понятие предметности. Определяя значение слова *чернота*, как это делается в словарях, мы должны будем признать, что оно обозначает определенный признак — признак черного цвета. Но тот же признак выражается в языке и другими словами, как: *черный*, *чернеет*, *чернеется*. Спрашивается, в чем же разница между этими разными обозначениями одного и того же понятия? Тут дело в следующем. В словах *черный*, *чернеет*, *чернеется* признак черного цвета обозначается как принадлежащий какому-то предмету: *черный* — это кто-то черный или что-то черное; *чернеет*, *чернеется* — это кто-то или что-то чернеет или чернеется. Совсем не то в слове *чернота*. *Чернота* нам представляется как что-то, что чернеется, и это что-то не ищется нами в других словах речи, как при словах *черный* и *чернеется*, а кажется заключенным в самом слове *чернота*. Образ, который всплывает у говорящего и слушающего в процессе речи при слове *чернота*, отличается двойственностью: с одной стороны, поскольку мы не можем в процессе речи совсем отвернуться от логики, он связан с сознанием того, что *черноты* отдельно не существует (есть только черные предметы); с другой стороны, мы все-таки мыслим ее при помощи целого ряда грамматических средств отдельно. Таким образом признак предмета сам представлен здесь как предмет. Здесь перед нами величайшая аналогичность и иррациональность языка. С логической точки зрения признак, конечно, не может быть предметом. Но с точки зрения грамматической возможно противоречие между значением корня и значениями формальных частей. Корень может обозначать признак, а формальные части — предмет. И если в таких словах, как *чернец*, *черника*, *чернила* и т. д., мы признали, что корень обозначает признак, а суффиксы — различные отдельные разряды предметов, обладающих этим признаком, то для слова *чернота* нам остается

только признать, что суффикс его *-от-* обозначает предметность в общем. Если *чернила* есть черная жидкость, а *черника* — черная ягода, то *чёрнота* есть вообще что-то черное. Этот общий оттенок предметности имеется во всех так называемых отвлеченных существительных как производных (*белизна, худоба, ширина* и т. д.), так и непроизводных (*синь, даль, ширь, явь, дума, воля, ум, сон*), и эти последние должны считаться существительными, конечно, не в силу одной только способности их склоняться по той или иной системе склонения существительных, а и в силу того, что самое склонение-то это существует в языке для выражения оттенка предметности.

Необходимо отметить, что определяться при помощи всех разобранных выше морфологических и синтаксических средств могут не только качества, а и любое непредметное представление. Например: движение человека и животных (*бег, лет, скаканье*), различные пространственные и временные представления (*величина, километр, минута, зима*), различные душевые и физические явления (*ум, воля, любовь, звук, буря*), количественные представления (*сотня, тысяча*) и т. д. Вообще все непредметное может быть в языке определено.

При определении категории существительного как категории предметности, обусловленная ею категория косвенного падежа (слагающаяся из категорий отдельных косвенных падежей) определяется как категория несамостоятельной предметности, т. е. предметности, поставленной в какое-либо отношение к чему-то другому в речи. В этом именно и заключается сущность управления. Именительный же падеж будет категорией самостоятельной или безотносительной предметности.

Самое общее значение прилагательного и глагола, по которому они могут быть объединены друг с другом и противопоставлены существительному, заключается в том, что они являются выразителями признаков предметов. Так, выше было сказано, что слова *чёрный* и *чёрнеется* непременно отсылают нашу мысль к какому-то другому слову, в котором обозначен предмет, который черен или чернеется. А это значит, что слова эти обозначают только признаки предметов. Это отношение признака к предмету выражается в языке фактом согласования прилагательных и глаголов с существительными, так как вполне естественно, конечно, что предметы обозначаются самостоятельными, а признаки несамостоятельными (согласующимися) формами. Но наряду со сходством, категория прилагательного и глагола имеют и коренные различия, которые мы сейчас рассмотрим.

В признаке, выражаемом глаголом, всегда имеется оттенок действия. Убедиться в этом можно на таких глаголах, у которых в корне выражено не действие. Глаголы, например, *сушу, белю, сущусь, тол-*

стею и т. д., означают: — *делаю сухим, делаю белым, делаюсь сухим, делаюсь толстым* и т. д. (форма возвратного залога нисколько не изменяет оттенка делания, а только присоединяет к нему еще оттенок, выражаемый частицей *сь*). Или, например, глагол *ленюсь* означает: *поступаю нехорошо, делаю что-то нехорошее* (хотя вещественной частью слова здесь как раз обозначается *ничего не делание*). Оттенок этот особенно ясно выступает при сравнении с прилагательным *ленив*, где указывается только на природное качество (сравн.: он *по природе ленив, но фактически сейчас не ленился, он не ленив, но в последнее время за-ленился*). Выражения: *на горах белеют снега, снега белеются* с логической точки зрения означают, что *снега — белы*, и больше ничего. Но, сравнивая: *там что-то белеется и там что-то белое*, мы ясно ощущаем в *белеется* какую-то изменчивость, подвижность. Сравн. еще *дымит, дымится и дымно, пылит, пылится и пыльно* и т. д. При этом, как и в категории существительного, в отдельных случаях возможно резкое противоречие между значением корня и значением тех формальных примет, которые делают слово глаголом. Наиболее ярко это сказывается в глаголах, корни которых обозначают *состояние* (*спит, сидит, лежит, висит* и др.), так как здесь одна часть слова обозначает покой, неподвижность, а другая движение. Однако, сравнивая, *положим, стоит со стойкий, стоящий, стоянье, мы и здесь можем уловить оттенок действия* (сравн.: *лампа стоит и стоячая лампа*). Значение же состояния, обычно приписываемое глаголу, явно принадлежит здесь корню и одинаково проявляется во всех частях речи (*стоит, стоящий, стоянье, стоя*), следовательно никак не может быть приписано глаголу как таковому. В связи со значением действия стоит в глаголе волевой оттенок, оттенок намерения, сознательной деятельности (ибо *действовать* значит не просто *двигаться*, а управлять своими движениями). Здесь тоже может быть резкое противоречие между значением корня и значением самой глагольности (например в глаголах *умереть, родиться, заболеть, упасть*). Однако наличие этого оттенка непреложно доказывается той ролью, которую играет глагол в поэтическом языке при олицетворениях. Так, например, в „Лесе“ (К.):

*Почернел ты весь, затуманился,
Одичал, замолк...*

если бы вместо „*почернел, одичал*“ сказано было *сделался черен, “дик*, олицетворение проиграло бы в своей силе: лес не показался бы нам таким живым, не напомнил бы так ясно нахмурившегося человека.

Совершенно тем же значением „живого действия“ обладает и неспрягаемая форма глагола, инфинитив (который некоторые авторы из-за его неспрягаемости выделяют в особую часть речи). Что это так, ясно из сопоставления *лениться — быть ленивым, почернеть — сделаться*.

черным и т. д. От собственно-глагола эта категория отличается только неприуроченностью этого „живого действия“ ни к какому субъекту из-за отсутствия форм лица, числа и рода. Субъект дается только в том слове, к которому примыкает инфинитив (*хочет лениться, не должен лениться*), или в еще более синтаксически отдаленном слове (*его слабость — лениться*). Деятельность без субъекта, без деятеля — это опять одна из иррациональностей языка. Логически она, конечно, немыслима.

В отличие от глагола признак, выражаемый прилагательным, имеет качественный характер. Различить это легче всего опять-таки на тех прилагательных, у которых корни выражают не качество. Возьмем, например, прилагательные *подвижной, вертлявый, разговорчивый* и т. д. У всех у них корни выражают действие. Но когда мы говорим: *Этот ребенок очень подвижен*, мы хотим выразить не то, что он много двигается, а то, что ему свойственно много двигаться, что это его свойство, качество (сравн. про больного ребенка: *Бедняжка по природе подвижен, а прикован годами к постели*). То же относится и к так называемым „относительным“ прилагательным, в которых мы опять сталкиваемся с противоречием между значением корня и аффиксов самой относительности, с одной стороны, и значением аффиксов прилагательного — с другой. Такие факты, как: *Сегодня день туманнее вчерашнего, Здесь почва песчанее, а там влажнее, Моя шляпа фетровее твоей, Все каменней ступени, все круче, круче всход* (Б.), убеждают нас в том, что и в „относительных“ прилагательных имеется качественный оттенок, который может то побеждать значение отношения (как во всех приведенных примерах), то быть побежденным им (в огромном большинстве случаев). Если бы этого оттенка в относительных прилагательных не было, то степени сравнения у них были бы абсолютно невозможны, так как отношение само по себе не может быть больше или меньше. Таким образом оттенок отношения является вторичным, намечающимся уже внутри категории прилагательного (как оттенок состояния намечается в некоторых глагольных суффиксах внутри категории глагола). Вот почему относительные прилагательные могут употребляться обычно и в переносном, чисто качественном смысле (*отцовский дом и отцовское отношение, кирпичный завод и кирпичный чай и т. д.*).

Несоответствие в значениях основы и аффиксов у „относительных“ прилагательных особенно обостряется в прилагательных численных типа *двадцатый, третий* и т. д. и в притяжательных типа *братьин, отцов* (и соответствующих местоименных: *мой, твой* и др.). В первых из них основа обозначает нечто прямо противоположное качеству, именно количество. Во вторых суффиксы *-ин-* и *-ов-* (а у место-

именных сама местоименность) обозначают прямую принадлежность (а не просто отношение), а значение это само по себе связано с отвлечением от тех или иных качеств, так как указывает на то, что предмет, которому приписывается принадлежность другому предмету, принадлежит ему всеселу, со всеми своими качествами (сравн.: школьные вопросы „который“ и „чей“ в этих случаях и неприменимость в них вопроса „какой“). В этих прилагательных имеется такое сочетание значений в одном слове, которое синтезировать невозможно, и значение качественности здесь парализуется до полной неразличимости значением основы (подобно тому, как парализуется им оттенок намеренности в глаголах *умер*, *упал* и т. д.).

Обобщая все сказанное о категориях глагола и прилагательного, можно так сформулировать их значения: глаголом обозначаются признаки, создаваемые деятельностью предмета, а прилагательным — признаки, заложенные в природе предмета.

Основная причина этой коренной разницы между глаголом и прилагательным заключается в наличии у глагола категорий времени и наклонения.¹ Прилагательные потому обозначают постоянные, т. е. вневременные признаки, что у них нет категории времени. Напротив, у глагола категория времени, показывая, что признак наблюдается в предмете только в тот или иной момент, тем самым указывает на его подвижность, переменчивость, как бы зависимость от воли того предмета, в котором он находится. Категория наклонения показывает, что даже и в данный-то момент признак может быть в предмете, а может и не быть (*белеет*, *белел бы*), что можно даже приказать предмету проявить его, если его нет (*белей!*). Так категориями времени и наклонения и создается представление, что предмет сам создает свой признак.

Синтаксическое (т. е. при помощи форм словосочетаний) выражение значений прилагательного и глагола выяснено уже попутно в тех восьми пунктах, которые были указаны при рассмотрении существительного (см. стр. 28). Но для категорий глагола и прилагательного затруднительно указать такие факты, где бы значение этих категорий выявлялось только синтаксическими средствами, как, например, в словах *пальто*, *Генеу* у существительных. Бесформенные слова (*есть*, *на! жаль*, *нельзя* и др.), которые служат сказуемыми и поэтому приравниваются

¹ Инфинитив, не имея ни времени, ни наклонения, имеет полное глагольное значение (см. стр. 31—32). Но это объясняется тем, что он втягивается в сферу глагола возможностью образовать его от каждого глагола, а также последовательно проведенными категориями залога и вида (см. следующий параграф). Части речи созидаются, как и всё в языке, соотносительно. Поскольку у инфинитива с другими частями речи нет никаких связей, а с глаголом — весьма тесные, он созидаётся как некоторый привесок к глаголу.

к глаголам, все же таковыми не являются, так как они не имеют значения „признака, создаваемого деятельностью предмета“, которое неотделимо, повидимому, от глагольных аффиксов.

Перейдем к наречию. Возьмем наречия: *хорошо, чисто, замечательно, необыкновенно* и т. д. В них изображены те же самые признаки, что и в прилагательных: *хороший, чистый* и т. д. Но в прилагательных эти признаки принадлежат предметам, в наречии же — чему-то такому, что высказано о предметах. Говоря: *хорошо, замечательно* и т. д., мы представляем себе, что или кто-нибудь хорошо, замечательно что-нибудь делает, поступает, или обладает каким-нибудь замечательным качеством (*замечательно красив, умен* и т. д.), т. е. наречие мы мысленно относим или к глаголу или к прилагательному (в более редких случаях). Обе же эти части речи сами выражают признаки, значит наречия выражают признаки признаков. В этом и состоит их значение.

С морфологической стороны наречия можно распределить на следующие группы: 1) Форма на *-о* (см. указанные выше наречия). 2) Форма на *-ски* и *-чки*: *отцовски, дурачки, дружески, пролетарски* и т. д. 3) Те же формы с префиксом *по-*: *по-отцовски, по-дурачки, по-немецки, по-пролетарски* и т. д. 4) Формы на *-чи* с префиксом *по-* и без него: *по-человеччи, по-волчьи* и т. д. 5) Формы, состоящие из предлога-префикса *по-* и дательного падежа единственного числа среднего рода прилагательного: *по-нашему, по-вашему, по-хорошему, по-сыновьему, по-новому* и т. д. 6) Численные наречия с различными формами: а) *вдвое, втрое, вчетверо* и т. д., б) *вдвоем, втроем* и т. д., в) *надвое, натрое* и т. д., г) *по-двое, по-трое* и т. д., д) *однажды, трижды* и т. д. (хотя некоторые из этих наречий употребляются только при первых трех-четырех числах, однако полная вещественная однородность делает и формальные элементы их столь резко ощущительными, что мы причисляем их к форменным словам).

Все наречия указанных шести групп являются форменными словами. Но наречие отличается от остальных частей речи тем, что в нем огромное место занимают бесформенные слова, которые обнаруживают свою принадлежность к наречиям только в словосочетаниях и потому могут быть названы синтаксическими наречиями (как *пальто, Генеу* названы были синтаксическими существительными). Так, например, слово *вчера*, не имея специальной формы, в словосочетании всегда относится к глаголу и не способно сочетаться с существительными и с прилагательными: можно сказать: *вчера приехали, но не вчера приезд* и т. д. Таких синтаксических наречий в языке очень много, но степень бесформенности их различна (см. § 1), и в порядке возрастающей бесформенности их можно подразделить на следующие группы: 1) наречия, образованные с помощью

винительного падежа единственного числа женского рода полных прилагательных с предлогами *в-* или *на-*: *врассыпную*, *наудалую*, *впустую* (в смысле *безрезультатно*), *втемную* (в смысле *наугад*) и т. д.; 2) наречия, образованные с помощью разных падежей кратких прилагательных с разными предлогами и с разной степенью грамматического единства: *докрасна*, *на-сухо*, *направо*, *справа*, *спина*, *из-желта*, *засветло*, *вдвойне*, *наедине* и т. д.); 3) наречия, образованные с помощью разных падежей существительных с предлогами и без них: *пешком*, *вскочь*, *втайне*, *сбоку*, *впомъях*, *назад*, *впереди*, *накануне*, *издали* и т. д.; 4) совершенно бесформенные наречия: *здесь*, *там*, *всегда*, *вчера*, *как*, *домой*, *вне*, *возле*, *около*.

Внутри категории наречия можно наметить две обусловленные ею категории:

1. Обстоятельственные наречия, которые не характеризуют самого действия, а только указывают на разные внешние обстоятельства, при которых оно происходит, например: *читал вчера*, *читает всюду*. Здесь признак действия обозначается как *косвенный*, в самом действии не заключенный. Эти наречия можно разделить по значению на наречия времени (*вчера*, *часто*, *поздно*), места (*здесь*, *везде*, *в гостях*), совместности или изолированности (*вдвоем*, *вместе*, *наедине*), причины (*почему*, *соследу*, *созла*), цели (*зачем*, *затем*, *назло*, *насмех*).

2. Определительные наречия, которые определяют само действие с его внутренней стороны. Их тоже можно разделить на две рубрики: качественные наречия и количественные. Первые из них обрисовывают способ действия: *читает вслух*, *тихо*, *в нос*, *быстро* и т. д. Вторые — степень проявления того или иного действия или вообще признака: *много читает*, *очень грустит*, *очень яркий*, *замечательно продуктивный* и т. д.

Относительно основного признака наречий, определяющего их как категорию, именно относительно несоединимости их с существительными надо заметить, что в языке есть довольно большое число исключений из этого правила. Так, глагольные существительные довольно легко соединяются с наречиями: *чтение вслух*, *бег взапуски*, *езды рядом*, *прыжок вверх*, *работа сообща*, *удар сплеча* и т. д. Но поскольку соединимость с наречием обусловливается здесь глагольным значением корня, это исключение принадлежит как раз к таким, которые „подтверждают правило“. Кроме того здесь важно то, что даже и эти существительные не мирятся с наречием, если в языке есть соответствующее прилагательное: нельзя сказать *езды быстро*, а только *быстрая езда*, нельзя (или, по крайней мере, нехорошо) сказать *приезд вчера*; а надо сказать *вчерашний приезд* и т. д. Случан же сочетания не гла-

тольных существительных с наречиями в языке совершенно единичны (*яйца в смятку, дорога туда и обратно*), и может быть здесь следовало бы говорить уже не о наречиях, а о „синтаксических прилагательных“, лишь по звукам совпадающих с наречиями.

Имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие являются основными частями речи и основными грамматическими категориями ее. Это сказывается в том, что: 1) категории эти в той или иной степени оформления существуют во всех человеческих языках, 2) всюду они являются категориями, обусловливающими все другие категории (см. § 2), 3) все другие категории столь же общего порядка и как бы имеющие право на такое же исключительное положение (причастие, деепричастие, герундий и т. д.) являются по значению смешанными категориями, причем в их значениях смешаны элементы именно этих четырех категорий.

§ 7. СМЕШЕНИЕ В ОБЛАСТИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.

К „смешению“ частей речи относятся те случаи при словообразовании, когда частные категории, характерные для какой-нибудь части речи, оказываются частично свойственными другой части речи. Таковы категории вида, залога и времени, являющиеся частными глагольными категориями, но распространяющиеся в той или иной степени на другие части речи, что приводит к выделению внутри этих последних более узких категорий, которые можно назвать смешанными частями речи. К ним в русском языке относятся следующие категории: глагольное существительное, глагольное прилагательное, глагольное наречие и выделенные внутри двух последних еще более узкие категории — причастия и деепричастия.

Для понимания этих категорий необходимо проанализировать категорию вида, так как именно она объединяет эти смешанные части речи с глаголом.

Общее значение категории вида глагола легче всего уяснить себе из сопоставления следующих пар глаголов: *летит — летает, тащит — таскает, несет — носит, идет — ходит* и т. п. Здесь в каждом втором глаголе (*летает, таскает* и т. д.), помимо его основного значения, выражен еще при помощи суффиксов оттенок дробления процесса во времени (*летает = летит то туда, то сюда, делает повороты* и т. д.) и необходимая для этого особая длительность. Далее, сопоставляя такие глаголы, как: *говорит — с одной стороны, и заговаривает, разговаривает, договаривает* и т. д. — с другой, находим во вторых кроме вышеуказанного оттенка, выраженного суффиксом *-ива-* (*говорит — разговар-ива-ет*), еще оттенки, выраженные в приставках, а эти оттенки

могут указывать, что процесс, обозначенный в основе глагола (процесс говоренья), укладывается в период, указанный временной формой глагола, только частично; или началом (в слове *за-говаривает*) или концом (в слове *до-говаривает*).

Обобщая все три случая, можем определить общее значение категории вида следующим образом: категория вида обозначает, как протекает во времени (или как распределяется во времени) тот процесс, который обозначен в основе глагола. На основании этого определения можно перейти к вопросу о значении совершенного и несовершенного вида.

Надо прежде всего сказать, что те внешние средства, при помощи которых один из этих видов образуется от другого, очень разнообразны: *летел — улетел* (образование с помощью приставки), *бросал — бросил*, *разглядывал — разглядел*, *клевал — клюнул* (образования при помощи смены суффиксов и чередования звуков в корне), *забегал — забежал* (при помощи только чередования звуков в корне) *сыпал — ссыпал* (при помощи смены ударения), *садился — сел*, *покупал — купил* (образования, не укладывающиеся ни в какие рамки и частью переплетающиеся с *заголовыми*). Однако все эти разнообразнейшие средства производят один и тот же внутренний эффект: несочетаемость форм совершенного вида с идеей течения процесса. Нельзя указать ни одного инфинитива совершенного вида, который мог бы сочетаться с глаголами *начинаю*, *продолжаю*, *кончаю* и т. п. Нельзя сказать, например: я начинаю поговорить, я продолжаю поговорить, он прекратил поговорить и т. п. Таким образом значение категории совершенного вида сводится к непротяженности, недлительности того процесса, который обозначен в корне глагола, и мы воспринимаем эту непротяженность приблизительно так, как воспринимаем точку по отношению к линии. Название „точечный“ идеально выражает значение нашего совершенного вида, так как в нем все течение процесса, выраженного в глагольном корне, как бы стянуто в одну „точку“. Несовершенный вид при таком понимании совершенного вида определяется как „линейный“, хотя, конечно, признак этот чисто нулевой, потому что всякий глагол обозначает действие, т. е. нечто тянущееся во времени, следовательно всякий глагол по природе „линеен“.

Таким образом по отношению к общему определению значения категории вида („как действие протекает во времени“, см. выше) получается для совершенного вида чрезвычайно оригинальное значение: действие в нем совсем не протекает во времени; это отрицательное и иррациональное представление и составляет чрезвычайно яркую и положительную характеристику совершенного вида.

Такое понимание совершенного вида вполне объясняет и отсутствие

у него настоящего времени, так как то, что происходит во время речи, как процесса тянувшегося, трудно представить себе не тянувшимся, т. е. „точечным“. Те редкие случаи, когда мы все же употребляем совершенный вид в значении настоящего времени, обычно поддерживаются соседством обычного глагола настоящего времени (напр.: *Посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется...*, где значение настоящего времени в последних трех глаголах поддерживается глаголом *делает*).

С этим общим значением совершенного вида могут иногда находиться в противоречии частные видовые оттенки, заключенные в приставках. Например: в таких глаголах, как *поговорить, полежать*, приставка *по-* указывает на „небольшую протяженность“, на определенный отрезок времени (*поговорить* — недолго говорить), но данная приставка сохраняет тот же оттенок и в несовершенном виде: *поговаривать, полеживать*, так что в обозначении этой „небольшой протяженности“ совершенный вид, собственно, не принимает никакого участия. Совершенный вид обретается здесь не данной приставкой самой по себе (как, впрочем, и во всех „приставочных“ образованиях совершенного вида), а самым фактом присоединения приставки к корню, что ясно из того, что приставка может быть любая (*поговорить, за-, у-, пере-, вы-, с-, до-, на-, от-, про-* и т. д.).

Рассмотренные категории вида глагола вообще и совершенного и несовершенного видов в частности в той или иной мере свойственны и глагольным существительным, прилагательным и наречиям, в силу этого и названным выше смешанными частями речи. В таких существительных, как *прыжок, скачок*, мы находим оттенок „точечности“, в таких, как *прыгание, летание, читатель* (сравн. *чтец*) — оттенок разбитого на части и длительного процесса, в таких, как *запевала* — начало процесса и т. д. Категория вида в существительных выражена не так ярко, как в глаголе, особенно в области совершенного и несовершенного вида, так как здесь отсутствует строгая парность форм, имеющаяся в глаголе и обеспечивающая живучесть грамматических значений. Так, сравнивая глаголы *рассматривал — рассмотрел* и существительные *рассматривание — рассмотрение*, мы замечаем, что ясное значение „точечности“ (т. е. совершенного вида) в глаголе *рассмотрел* сходит на нет в существительном *рассмотрение*. В глагольных прилагательных и наречиях категория вида выражена двояко. В одних случаях так же спутанно и бледно, как в существительных, например, в таких прилагательных, как *усталый, мерзлый — обмерзлый, вялый — завялый* (с видовыми приставками), *спасительный — спасительный* (с видовыми суффиксами *-а-* и *-и-*) и т. д.; в таких наречиях, как *торжествующе, маняще — заинцирующе, негаданно — неразгаданно* и т. д. с едва просвечивающими видовыми зна-

чениями. В других случаях категория вида в прилагательных и в наречиях выражена так же последовательно и ярко, как в самих глаголах, это — в особых разрядах глагольных прилагательных и наречий — в причастиях и деепричастиях.

Переходя к этим последним, необходимо остановиться на категории залога, объединяющей их, как и категория вида, с глаголом.

Исключительно простая со стороны звуковой (в сущности даже не „ряд форм“, как гласит наше основное определение „категории“, а одна форма на *-ся*, *-сь*), категория возвратного залога является чрезвычайно сложной со стороны значения.

Здесь имеются и такие глаголы, как *умывается* (собственно-возвратные), в которых выражено действие, направленное обратно на самого деятеля, в силу чего наставка *-ся* может быть заменена словом „себя“ в значении винительного падежа; и такие, как *борются*, в которых наставка *-ся* является носителем особого значения „взаимности“, заключающегося в том, что действие направляется в таких глаголах с каждого из деятелей на каждого из тех же деятелей; и такие, как *читается* (*эта книга читается всеми*) со значением „страдательности“ (об этих возвратных глаголах будет сказано подробнее в связи со страдательными причастиями); и такие, как *кусается*, в которых действие совершенно отвлекается от предмета, на который оно направлено (от объекта), и как бы замыкается в самом деятеле (субъекте) и т. д. и т. д. Но как бы ни были разнообразны все эти значения, все же они обладают одной общей чертой: все они выражают особую связь субъекта с глагольным признаком, которая насливается на основную связь — *создания* признака, выражаемую всяким глаголом, и возвратным и невозвратным (см. стр. 33). Таким образом общее значение возвратного залога, а следовательно и залога вообще (так как в нашей возвратно-залоговой форме слились все те значения, которые в других языках образуют разные залоги) можно определить, как особое отношение глагольного признака к его субъекту („действующему предмету“) помимо того отношения, которое выражено в самой категории глагольности.

Категорией залога, кроме глаголов и без особых отличий от него, обладают причастия и деепричастия, например: *купавшийся*, *купавшийся*, *купалась*, *выкупавшись*. Но кроме этих форм у причастий существуют еще особые залоговые формы: *купаемый*, *выкупанный*, *убитый*. Это страдательные залоговые формы типа тех возвратных глаголов со значением „страдательности“, о которых упомянуто было выше (*читается*). Необходимо остановиться на этих глаголах. Действие в этих глаголах при помощи формы залога изображено как „страдание“, в том смысле, что деятель (субъект) в сущности не действует, а испытывает на себе

действие другого предмета (название которого стоит в творительном падеже): *книга читается публикой, колхоз организуется риком* и т. д. Здесь мы имеем дело с противоречием между элементами одного и того же словосочетания: именительный, как падеж „действующего предмета“, сталкивается с творительным „действующего лица“. Это противоречие, как всякое грамматическое противоречие, воспринимается как цельный сложный образ, и специальное залоговое значение здесь создается не столько формой самого глагола, как во всех предыдущих группах возвратных глаголов, сколько формой того словосочетания (с творительным падежом), в которое он вступает. Нужно заметить, что такое „страдательное“ значение наставки *-ся* возможно только в тех возвратных глаголах, которые образованы от собственно-переходных глаголов, т. е. управляющих винительным падежом без предлога. Подобные образования от ~~глаголов~~ несобственно-переходных, т. е. управляющих не винительным, а другими падежами, являются неправильностями, например неправильно сказать: *он угрожается кредиторами* или *он угрожаем кредиторами*, так как *угрожаю кому*, а не *кого*.

Деепричастия и причастия, кроме категории залога, объединяются с глаголом еще категорией времени. Но категория эта здесь имеет важные отличия от ее глагольного употребления и потому нуждается в особом рассмотрении. Возьмем следующие сочетания с деепричастием: *читая, я замечал..., читая, я замечаю..., читая, я буду замечать...* В первом случае чтение предшествует моей речи, во втором случае оно происходит во время самой речи, в третьем следует за речью. Но это отношение к моменту речи, составляющее сущность категории времени вообще, выражается не формой деепричастия читая, так как она во всех трех случаях одинакова, а формами глагола: замечал, замечаю, буду замечать. В деепричастии же самом по себе во всех трех случаях выражается одно только временное соотношение: чтение происходило, происходит или будет происходить одновременно с „замечанием“. Вместо читая, во всех трех случаях можно было бы сказать: в то время как я читал, в то время как я читаю, в то время как я буду читать. Таким образом настоящее время деепричастия обозначает одновременность действия, выраженного деепричастием, с временем главного действия, выраженного глаголом. Подобным же образом прошедшее время деепричастия обозначает обычно только предшествование действия, выраженного деепричастием, действию, выраженному глаголом. Так, в сочетаниях: прочитав, я заметил..., прочитав, я замечаю..., прочитав, я замечу... в деепричастии прочитав сохраняется одно только временное соотношение с главным действием, выраженным глаголом: чтение происходило или произойдет до „замечания“. Вместо прочи-

тав можно было бы сказать: *после того, как я прочитал, после того как я прочитаю*. В обоих случаях время деепричастия обозначает не отношение времени процесса ко времени речи, а отношение его ко времени главного действия (выраженного глаголом). Впрочем относительно формы прошедшего времени деепричастия надо сказать, что при известных условиях (в зависимости от контекста или обстановки в живой речи) она может обозначать и предшествование времени самой речи. Например в сочетании: *получив, наконец, это письмо, я смогу ответить*, форма *получив* равна по смыслу выражению: „*после того как получил*“, а не „*после того как получу*“ и такое значение обусловлено словом *наконец* (сравн. без *наконец*: *получив это письмо, я смогу ответить*). Формы времени в причастиях могут иметь и те значения, какие они имеют в деепричастиях, и те, какие бывают в глаголе. Так, когда мы говорим: *я увидел волны, бьющиеся о борт корабля, я вижу волны, бьющиеся о борт корабля*, то во всех трех случаях время причастия обозначает только одновременность выражаемого им действия с действием, выраженным в глаголе. Но, например, когда мы говорим: *человек, читающий эту книгу, заболел*, настоящее время причастия имеет то же значение, что и настоящее время глагола (*читающий* = тот, который в настоящее время читает, а не тот, который читал в момент заболевания). Прошедшее время причастия почти всегда обозначает предшествование времени речи. Если сказать: *я буду говорить с человеком, сделавшим мне много зла*, то при обычных условиях речи это будет значить, что этот человек раньше, до моей речи, делал мне зло. Только в исключительных условиях повествования о будущем это может иметь такой смысл: *NN станет моим врагом, будет преследовать меня; и вот я пойду к этому человеку, сделавшему мне много зла, и скажу...* В общем времена причастий и деепричастий по значению своему относятся к переходному типу категорий подобно категории лица: поскольку они обозначают отношения времен одних действий к временам других в той же речи, они относятся к объективным синтаксическим категориям: поскольку же они косвенно, через время главного действия, обозначают и отношение к моменту речевого сознания, они относятся к субъективным синтаксическим категориям.

Итак, причастия и деепричастия резко отличаются от прочих глагольных прилагательных (как *облезлый, текучий* и др.) и наречий (как *торжествующе, обдуманно* и др.) следующими тремя сторонами своих значений: 1) они имеют последовательно проведенные по всей категории значения глагольных видов, 2) они имеют значения залогов, причем значение страдательного залога в них даже более четко выражено, чем в самом глаголе, 3) они имеют значения времени, хотя, по большей

части, и не тождественные со значениями времен в глаголе, но вполне аналогичные с ними. Все эти черты глагольности в причастии и деепричастии являются равноправными наряду с их основными чертами прилагательного и наречия, так что получаются в буквальном смысле смешанные части речи: в причастии смешаны глагол и прилагательное, в деепричастии — глагол и наречие.

Единство глагола (вместе с инфинитивом), причастия и деепричастия особенно резко проявляется в формах словосочетаний. Здесь надо отметить два основных факта:

1. Управление глаголов всегда совершенно тождественно с управлением причастий и деепричастий, от него образованных. Так, если люблю кого и любить кого, то и любящий кого, любя кого (сравн. иное управление при существительном любовь к кому и отсутствие управления при прилагательном любовный). То же относится и к способности подчинять целые предложения (говорят, что..., говорящий, что..., говоря, что..., а говорение, что..., и говорливый, что... — невозможны).

2. Примыкание к причастиям и деепричастиям подчинено тем же законам, как и примыкание к глаголам. Поэтому и те и другие одинаково свободно присоединяют к себе наречия (хорошо читаю — хорошо читать — хорошо читающий — хорошо читаемый — хорошо читая, но не хорошо чтение и не хорошо четкий) и инфинитивы, если их присоединяет соответствующий глагол (спешу писать — спешить писать — спешащий писать — спеша писать, но поспешность писать и спешный писать — невозможны). Все это сплачивает глагол, причастие и деепричастие в одну группу, которую за отсутствием специального термина в русской грамматике можно называть глаголом в широком смысле, в отличие от глагола в узком смысле, т. е. спрягаемых форм и инфинитива. С другой стороны совокупность спрягаемых форм отделяется обычно от инфинитива, причастия и деепричастия, вместе взятых, под именем собственно — глагола, причем термин глагол нередко употребляется и в этом, уже самом узком смысле.

§ 8. ЗАМЕНА В ОБЛАСТИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.

Начнем с так называемого субстантивирования (от substantivum = существительное) прилагательных, т. е. употребления прилагательных в смысле существительных. В живой разговорной речи очень часто случаи опущения существительных и замена их прилагательными, например: ты, смотри, *хорошего* дай, *крупного*, или: *вам, какие? шерстяные, вязаные*, где опущенные существительные хорошо известны разговаривающим из обстановки речи. Но подобные случаи, распространенные в языке, как и всякие другие опущения (сравн.: я тебя!

ты куда? направо за угол! и т. д.), в силу закона экономии сил, еще не являются субстантивированием в собственном смысле слова. Под субстантивированием надо понимать не случайную, а общепринятую, утвердившуюся в языке (или стоящую на пути к этому) замену существительного прилагательным. Так, при слове *столовая* в смысле обычного прилагательного могут быть (а при случае могут в живой речи и опускаться) различные существительные: *столовая мебель*, *столовая скатерть* и т. д. Но когда говорят просто *столовая* и не мыслят (не подразумевают) при этом никакого существительного, то это слово само по себе, без существительного, обозначает комнату, в которой обедают, или кухнистическую, и, следовательно, является субстантивированным прилагательным. Одни из субстантивированных прилагательных уже очень близко подошли к существительным, например: *рабочий*, *больной*, *столовая* и т. д. (очень редко говорят: *рабочий человек*, *столовая комната*), другие только начали переходить в существительные, например: *заказное* в смысле *заказное письмо*, третьи, наконец, стоят на полдороге, как *холерный*, *тифозный*, так как одинаково часто говорят и *холерный* и *холерный больной*. Некоторые из прилагательных совсем перестали употребляться как прилагательные и уже совершенно уподобились существительным, как: *портной*, *жаркое* и т. д., так что по отношению к ним нельзя уже говорить о „замене“ одной части речи другой, и они являются просто „существительными с окончаниями прилагательных“.

Так как причастие есть прежде всего прилагательное, то оно разделяет все его свойства, в том числе и способность переходить в существительные. В словах: *заведующий*, *раненый*, *минувшее*, *мороженое* и т. д., как в сочетаниях: *падающего поддержи*, *утопающий за соломинку хватается* и т. д., мы имеем субстантивированные причастия.

Существительные и субстантивированные прилагательные синтаксически во многом тождественны: и те и другие служат подлежащими в одних случаях и управляемыми словами в других (см. примеры выше), присоединяют к себе прилагательные в порядке согласования, например: *К нам скоро назначат нового заведующего. Зарвавшиеся белые раздули до невероятности эту историю*, употребляются на равных правах в качестве однородных членов, например: *паденье ратных и вождей* (у Пушкина, сравн. не субстантивировано: *ратных вождей*). Однако некоторые черты природы прилагательных сохраняются и при субстантивировании. Так, они попрежнему могут определяться и наречием (напр.: *Вы просите о совершенно невозможном*, сравн. с существительным: *о совершенной невозможности*). Кроме того, если субстантивированные прилагательные употребляются в роли сочиненных слов (в так называемом „приложении“), то преимущественно с постановкой их на втором месте, например: *товарищ-заведующий*, так как при

обычном порядке прилагательное могло бы быть понято и не субстантивировано (*заведующий товарищ*).

С морфологической стороны тоже можно говорить только о „замене“ прилагательным существительного, а не о полном превращении в существительное. Так, при слове *силач* нам рисуется живой человек со многими признаками силака (*с большими мускулами, широкой грудью и т. д.*), а при слове *сильный*, употребленном в смысле существительного (*с сильным не борись...*), какой-то неживой, отвлеченный человек с одним только признаком силы.

На ряду с заменой существительного прилагательным можно до некоторой степени признавать и обратную замену прилагательного существительным. Здесь можно иметь в виду, во-первых, то, что в школе называется „приложением“ (*гражданин Иванов, товарищ комендант*), с другой стороны — так называемый „второй именительный“ существительного при глаголе-связке (*он был комиссар, ты будешь учитель*). В каждом из этих случаев мы имеем два существительных, которые грамматически совершенно равноправны и представляют собой сочинительный тип связи (см. § 5), но словарная сторона создает здесь соотношение, параллельное соотношению между существительным и прилагательным. Дело в том, что по словарным значениям одно из существительных обычно более конкретно и более предметно, чем другое, и потому с ним связывается представление о самостоятельном предмете, а другое существительное мыслится как предмет, его квалифицирующий (определяющий), т. е. оно выполняет роль прилагательного по отношению к этому более предметному существительному. Обычно видовое мыслится как квалификация индивидуального (напр., самостоятельный предмет — *Иванов*, а квалифицирующий — *гражданин*), родовое как квалификация видового (напр., самостоятельный предмет — *собака*, а квалифицирующий — *животное*). Иногда логические и словарные соотношения складываются так, что трудно решить, как мыслилось данное словосочетание (сравн., например: *студент-немец, сосед-доктор*), но важно, что почти никогда оба существительных не сознаются одинаково, что при случае отражается и на грамматической стороне: то прилагательное или тот глагол, который относится к обоим существительным, согласуется только с одним из них, например: *премудрый крыса Онуфрий (Ж.); будущий человек-дряньцо. (Г.)*.

§ 9. ПЕРЕХОДНЫЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ СЛУЧАИ В ОБЛАСТИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.

В языке имеется очень много слов, относительно которых трудно решить, какой части речи их отнести. В большинстве случаев мы имеем

здесь дело с переходными фактами в области частей речи. Дело в том, что отдельные слова могут в течение исторической жизни языка медленно и постепенно переходить из одной части речи в другую. Там, где этот процесс еще не закончен и продолжается, мы сталкиваемся с такими промежуточными фактами, в которых затрудняемся точно определить часть речи.

Чаще всего переходность встречается в области наречий, из которых все почти (кроме так называемых „первообразных“, как *там*, *всегда* и др.) произошли уже в праславянскую эпоху из прилагательных и существительных.⁷ Процесс перехода заключался здесь в том, что по разным причинам происходила „изоляция“ какого-нибудь одного падежа существительного или прилагательного (или предлога с падежом) из общей системы склонения. Этот изолированный падеж, теряя свои нормальные связи в предложении, притягиваясь синтаксически (т. е. в словосочетаниях) исключительно к глаголу, начинал обозначать признак признака и делался наречием. Например все наречия на *о* (типа *хорошо*) явно сходны со средним родом прилагательного. Это — бывший винительный падеж единственного числа среднего рода краткого субстантивированного прилагательного. От этой вымершей категории случайно сохранилось несколько слов: *добрьо*, *зло*, *худо* и т. д. (сравн. в поговорках: *нет худа без добра* и т. п.).

Бесформенные наречия („синтаксические“) в большинстве случаев очень ясно обнаруживают свой былой состав, т. е. свое происхождение: *наугад* (из *на* + *угад*), *справа* (из *с* + *права*) и т. д. Этот процесс образования наречий от существительных и прилагательных продолжается и в настоящее время, создавая среди наречий много переходных, промежуточных фактов. Так, в некоторых случаях падежи прилагательных или существительных, от которых образовано данное наречие, еще не исчезли из языка, и тогда этот изолированный как наречие падеж отличается от настоящего падежа или ударением (например: *бегом* и *бёгом*, *впервые* и *в пёrvые* и т. д.), или по значению, вытекающему из связи (*утром* я вышел из дома и я доволен своим *утром*, верить в *волю* народную и напешиться *вволю* и т. д.). В других случаях, наречия еще только зарождаются, и тогда начавшаяся изоляция оказывается или в том, что не всякое прилагательное возможно при данном существительном (можно сказать: это случилось жарким летним днем, но нельзя сказать: самым длинным днем), или не всякая вставка возможна между тем предлогом и падежом, из которых составлено данное наречие (под *самый конец*, но нельзя сказать в том же смысле под *печальный конец*).

К переходным случаям в области частей речи относится и образование непричастных прилагательных из причастий. Так, например,

причастие блестящий в выражениях: *блестящий оратор, блестящее исполнение* почти уже перешло в простое прилагательное (почти равно: *прекрасный оратор, прекрасное исполнение*); это связано с тем, что причастие теряет в этих случаях значения времени, вида, залога, а также свое глагольное управление (сравн.: *бриллиант, блестящий перед вами всеми цветами радуги*, сравн. еще: *образованный человек и союз, образованный металлистами в таком-то году, набитый дурак и набитая пухом подушка, проклятое наследие прошлого и сын, проклятый отцом*, и т. д.). Менее распространен в языке процесс перехода деепричастий в наречия. Этот переход обусловливается тем, что данное деепричастие теряет управление, т. е. начинает употребляться в одиночку. Таковы одиночные: *шутя* (*всему учил его шутя, П.*), *сидя, лежа* (сравн. *вися, держа* и т. д., отличающиеся и по ударению и по степени глагольности). Некоторые деепричастия окончательно перешли в наречия, например *моля*, которое даже вызвало образование нового деепричастия взамен прежнего с новым ударением (*молча об этом*).

Наконец, к переходным фактам в области частей речи относятся и случаи незакончившегося образования служебных слов из полных. Так, из наречий и деепричастий образуются часто предлоги. Например: предлог *кроме* произошел из соответствующего наречия (в древне-русском языке: *а сама отвиде кроме*, т. е. в сторону); предлог *благодаря* (в значении причины: *благодаря тебе, благодаря моей болезни*) — из соответствующего деепричастия (у Пушкина еще с вин.: *благодаря бога и барина*); во многих случаях процесс этот захвачен нашей эпохой в середине его развития, и тогда мы имеем то, что можно называть „предложными наречиями“ (*около, возле, внутри, после* и т. д., сравн.: *приеду после, приеду после обеда*) и „предложными деепричастиями“ (смотри, в сочетании: *смотря по тому, сколько..., спустя* в сочетании: *спустя пять лет* и т. п.). Точно так же и союзы часто происходят из полных слов (хотя из деепричастия от глагола *хочу, чтобы* из местоименного существительного *что* + частица *бы* и т. д.). Поэтому многие союзы могут употребляться то как союзы (*едва он успел сесть, карета тронулась*), то как полные слова (*он едва успел сесть*). Усилиительные слова, образованные как из полных слов (*ведь* от *ведать* и т. п.), так и из других служебных (даже из союзов *да* и *же*), часто тоже обнаруживают черты переходности. Так, слова: *уже и еще, сохранившие временные значение, и только, сохраняющее количественное значение, являются чем-то средним между усиливательной частицей и наречием.*

На ряду с переходными фактами, которые всегда более или менее подходят под обе части речи, между которыми они балансируют, существуют в языке и факты, не подходящие ни под одну часть речи.

Это будут слова, не имеющие ни одного из четырех основных значений (предмета, качественного признака, действенного признака и признака признака), слова еще невыкристаллизовавшиеся в отношении значения частей речи, как бы аморфные в этом отношении (не смешивать с бесформенными). Сюда относятся, прежде всего, такие слова, как *есть* (в смысле *существует*), *нет* (в смысле *не существует*), *на* (в смысле *возьми*), а также *жаль*, *можно*, *нельзя* и другие, которые входят в очень близкую к глаголу категорию сказуемости, но в самую категорию глагольности не входят и, следовательно, не принадлежат ни к какой части речи (об этих словах см. в § 11 и дальше в § 16). Таковыми же являются и те форменные слова, которые употребляются только в качестве присвязочных членов при безличном составном сказуемом: *стыдно*, *больно*, *жалко*, *нужно*, *должно* и др. Причислять эти слова к наречиям, как это часто делается, нельзя, потому что они не имеют главного признака наречия — относимости к глаголу: нельзя сказать *он стыдно поступает*, *он должно относится к матери* и т. д. Точно так же не говорят или почти не говорят: *его поведение было стыдно*, *было должно*, и, следовательно, это и не средний род краткого прилагательного. До некоторой степени то же можно сказать про все слова на *-о*, употребляющиеся в роли присвязочных безличных сказуемых (*весело*, *грустно*, *холодно*, *неловко*, *противно* и т. д.), потому что в наречном употреблении они в той или иной степени всегда меняют значение (сравн.: *ему неловко танцевать* и *он неловко танцует*), а в смысле среднего рода прилагательного их, по большей части, избегают употреблять, заменяя полной формой прилагательного (вм. *это помещение холодно* говорят *это помещение холодное* и т. д.). Значит все это будут слова, не относящиеся ни к какой части речи. На ряду с такими словами в языке имеется целая группа слов с двояким синтаксическим употреблением. Именно, ряд форм, принадлежащих к категории сравнительной степени (*умнее*, *белее*, *умней*, *белей*, *громче*, *тише* и т. п.), одинаково легко употребляется и в смысле признака предмета (*он умнее*, *эта краска белее*, *я не видел краски белее*) и в смысле признака признака (*он поступил умнее*, *он намазался белее*), т. е. как бы принадлежит одновременно и к прилагательным и к наречиям. Эта „двойность“ тоже указывает на то, что ни та, ни другая часть речи в этих словах не выкристаллизовалась для нашего сознания с достаточной ясностью, почему мы и не будем называть их в этой книге ни прилагательным, ни наречиями, а только „сравнительными формами“.

§ 10. МЕСТОИМЕННОСТЬ.

Местоимения не составляют особой части речи, а распределяются между основными частями речи. Существуют местоименные суше-

ствительные (*я, ты, он, кто, что*), местоименные прилагательные (*мой, твой, чей, тот и т. д.*) и местоименные наречия (*по-моему, как, так, иначе, где, там и т. д.*). Есть даже два-три производных глагола, которые можно называть местоименными, так как они образованы от местоименных корней (*усваивать, осваиваться, переиначивать*).

Местоимения представляют из себя единственную в языке группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) не обозначают никаких реальных представлений, а только различные отношения самого говорящего и представляющего к тому, о чем он говорит и что представляет, т. е. корни слов в данном случае имеют чисто грамматическое, в частности субъективное, значение, подобно категориям времени, наклонения и лица в глаголе.

В самом деле, что, например, обозначает корень *м-в* словах: *меня, мне, мой, по-моему?* Значения в них предмета (*меня, мне*), признака (*мой*) и признака признака (*по-моему*) создаются в них формальными частями, для корня же остается только одно: указание на то, что говорящий говорит о самом себе, что он отождествляет предмет своей речи мысли с самим собой. Точно так же корень слов: *тот, этот, такой, так* обозначает, что он отождествляет предмет данной мысли с каким-то предметом предыдущей мысли или с реальным предметом, на который он в данный момент указывает, не называя его; корень слов: *иной, иначе, переиначивать* обозначает, что говорящий как-то отличает, отделяет то, о чем мыслит в данный момент, от того, о чем мыслил раньше; корень слов: *кто, что, какой, чей, как* обозначает, что он не видит никакого отношения между предметом данной мысли и предыдущей (или между самим наблюдаемым фактом и своей мыслью), и ищет этого отношения и т. д. и т. д. Все эти значения — чисто грамматические, формальные. Таким образом у местоимений совсем нет вещественного значения. Это создает для этой группы слов совершенно особое положение среди всех других групп. С одной стороны, она внеграмматична в том смысле, что не подходит взятая в целом ни под один из грамматических рядов, так как все они создаются формами слов и словосочетаний, а она — корнями слов¹; с другой стороны, она сугубо грамматична, так как по значению исключительно формальна. При делении местоимений на группы приходится иметь в виду только различия в значениях корней, так как различия в значениях аффиксов у них те же, что и у всех других слов (почему и получаются среди них те же четыре части речи). Все местоимения по значению корней можно разделить на следующие группы:

¹ Имеется в виду только индо-европейская местоименность.

1) личные местоимения: я¹, мой, по-моему, ты, твой, по-твоему, он (поскольку это слово противопоставляется в мысли словам я и ты), по-его, мы, наш, по-нашему, вы, ваш, по-вашему, ихний, по-ихнему;

2) возвратные: себя (себе, собой), свой, по-своему;

3) указательные: этот, тот, сей, оный, здесь, вот, вон, там, тут, туда, оттуда, тогда, оттого, затем, потому, поэтому, столько, такой, этакий, так, этак, вот какой, следующий, данный (когда говорится о фактически данном, например: при данных условиях невозможно работать; срвн. в группе 10-й). Указательным является и местоимение он, поскольку оно относится мыслю к слову, ранее употребленному в речи, например: брат подошел к окну; он был не в духе;

4) обобщительные: всякий, каждый, какой-угодно, любой, всяко, по-всякому, всячески,

5) совокупные: весь, целый (в смысле весь), везде, всюду, отовсюду, всегда;

6) выделительные: сам, самый, иной, иначе, другой (в смысле иной), по-другому;

7) вопросительные: кто? что? что за? какой? который? чей? сколько? где? куда? откуда? с каких пор? до каких пор? докуда? когда? зачем? отчего? почему? как?;

8) относительные: те же, что и вопросительные, но в значении так называемых союзных слов, служащих для соединения предложений (см. § 30);

9) восклицательные: те же, что и вопросительные, но в значении восклицательных членов в восклицательных предложениях (см. § 21);

10) неопределенные: некто, нечто, некоторый, некий, несколько, некогда (в см. когда-то), кто-то, что-то, чей-то, какой-то, где-то, когда-то и т. д. (все вопросительные с частицей то), кто-либо, что-либо и т. д. (все вопросительные с частицей либо), кто-нибудь, что-нибудь и т. д. (все вопросительные с частицейнибудь), просто вопросительные с неопределенным значением, например: кто кивер чистил, весь избитый, кто штык точил, ворча сердито... (Л.), один (не в счетном смысле, а например в сочетании: один человек хотел разбогатеть), известный (когда говорится о неизвестном для беседующих, например: при известных условиях воздух бывает в жидкоком состоянии), данный (когда говорится о не данном фактически для беседующих, например: в каждом данном случае условия будут свои, срвн. в группе 3-й), определенный (когда фактически определение не

¹ Имеются в виду косвенные падежи: в именительном нет ни корня, ни окончания.

произведено, например: *определенные причины порождают определенные следствия*);

11) отрицательные: *никто, ничто, никакой, ничей, нигде, никогда, ни за что, ни почем* и т. д., *некого, некому, негде, некогда* (в смысле нет времени), *незачем, неоткуда, некуда* и т. д.

В языке постоянно происходят переходы отдельных слов из местоименных в неместоименные и обратно. Многие неместоименные слова по значению своему близко стоят к той или иной группе местоимений. Так, слова: *свообразный, особенный, особняком* и т. п. обозначают почти то же, чтобы выделительные местоимения *иной, другой*, слова: *совокупность, вместе, объединение* и т. п. напоминают совокупные местоимения и т. д. Если отвлеченность подобных слов возрастает и они достигают предельно-отвлеченного значения, они становятся местоимениями, что произошло, например, совсем недавно со словами *определенный, данный, известный*; наоборот, если „предельность“ исчезает и отвлеченность убывает, слово из местоименного делается явно неместоименным. Таковы, например, слова *собственность, особняк, особа*, образованные от возвратно-местоименного корня *себ, соб*, но отошедшие от местоимений в силу конкретности своих значений.

Своеобразие грамматической природы местоимений создает для них очень много отличий в синтаксическом отношении. Для примера приведем здесь следующие факты:

1) у местоименных существительных нет основной способности всякого существительного присоединять к себе прилагательные в порядке простого (непредикативного и необособленного, см. §§ 11 и 24) согласования: не говорится *хороший я, плохой он* и т. д.; так же невозможно присоединение прилагательных к местоимениям *кто* и *что*;

2) местоименные прилагательные, имеющие притяжательное значение (*мой, твой* и т. д.), не могут быть заменены родительным принадлежности, как это возможно для неместоименных прилагательных; *стол отцовский — стол отца*, но при *стол мой* не существует *стол меня* (а в некоторых языках, наоборот, при *стол меня* не существует *стол мой*);

3) местоимения способны соединять в себе наиболее контрастные в грамматике функции слов полных и слов частичных, или служебных; так, например, местоимение *который* в сочетании: *человек, который здесь был, уехал* будет одновременно и подлежащим и союзным словом.

§ 11. СКАЗУЕМОСТЬ.

Возьмем ряд случайно вырванных из связи слов: *белую, вчера, стариков, море, сплю, ушедший, работать, убрайтесь, нельзя, приехали, август, придя, добрыми, учиться, стыдно, Москва, болен, умна, жаль*.

Прочитав эти слова монотонным голосом или молча, по возможности отвлекаясь от интонации, мы заметим, что среди этих слов есть такие, которые не кажутся нам отрывочными и бессмысленными, как прочие слова этого ряда, а воспринимаются как выражение отдельных мыслей, что уподобляет их как бы целым фразам. Таковы следующие слова: *сплю, убирайтесь, нельзя, приехали, стыдно, болен, умна, жаль.*

Этот оттенок в значении некоторых слов, показывающий, что слово, независимо от его интонирования, соответствует не представлению только (как слова *белую, вчера, стариков* и т. д.), а целой мысли, называемой [в синтаксисе] сказуемостью. Слова, проявляющие этот оттенок, выражают его частью своими собственными формами, частью формами тех словосочетаний, в которые они вступают в речи. Таким образом сказуемость — формальная категория в широком смысле слова (см. стр. 21), и притом категория субъективная, так как различие между мыслью и представлением зависит, конечно, только от того, кто мыслит или представляет, т. е. от говорящего.

Выразителями сказуемости, этой важнейшей из грамматических категорий, являются следующие разряды слов:

1) глагол во всех временах и наклонениях, причем сюда относятся только собственно глаголы, так как ни причастия, ни деепричастия, ни инфинитивы оттенка сказуемости, как видно из взятого нами ряда слов, не проявляют;

2) слова, употребляющиеся только при глагольных связках: *нельзя было, жаль будет, стыдно будет, был весел, казался богат, сделалась умна* и т. д.¹.

Присвязочные слова этого рода сливаются с глаголами-связками в единое целое и являются в речи составным выражением сказуемого. Их надо будет отличать от таких форм и слов, которые, хотя и имеют ту же способность сливаться со связками в составное сказуемое, но способны в то же время и на другие, вне связочных роли в предложении (например, полная форма прилагательного: *он был смелый и смелый человек нигде не пропадет*, или творительный падеж существительного: *он был монтером и звонок исправлен монтером*). В отличие от этих слов и форм, слова *и* формы первого рода можно было бы назвать собственно-присвязочными. В силу тесной связи этих слов с глаголом-связкой и невозможности связаться с каким-нибудь другим словом они, так сказать, „оглаголились“, вернее „осказуемились“, так как восприняли от глагола не всю его сущность (при-

¹ Об употреблении этих слов в известных случаях и без связок, но с тем же значением сказуемости будет сказано в § 16.

знака, создаваемого деятельностью предмета, они все-таки не выражают), а только способность выражать мысль, т. е. быть сказуемым.

Кроме собственно-глаголов и собственно присвязочных слов в русском языке можно указать еще три бесформенных слова, выражающих сказуемость: *есть* (в смысле *существует*), *нет* (в смысле *не существует*) и *на!* (в смысле *возьми*), которые по значению тоже связаны с глаголами. Первые два связаны с ним тем, что они служат как бы настоящим временем изъявительного наклонения к глаголу *был* — будущее; третье — тем, что ему свойственно глагольное управление (*на-ка тебе бумаги!*, *на книгу!*) и что оно выражает побуждение, что составляет сущность категории повелительного наклонения.

Таким образом сказуемость, хотя она выражается и не только глаголами, все же оказывается тесно связанный с глагольностью. И это вполне понятно: глагол как выразитель действия, т. е. активного отношения предмета к своему признаку, находится в полном соответствии с понятием мысли (а значит и сказуемости), как активного соединения представлений.

Теперь попробуем прочитать весь помещенный в начале параграфа ряд слов не с монотонной „словарной“ интонацией, а с одной из трех живых фразовых интонаций, т. е. с повествовательной („сообщительной“), вопросительной или восклицательной, например: „*Белую?*“ или „*Белую!*“ или „*Белую.*“, „*Вчера?*“, „*Вчера!*“, „*Вчера.*“ и т. д. При таком чтении окажется, что каждое из этих слов (как и каждое полное слово вообще) выражает мысль, делается целой фразой (хотя и неполной). Таким образом перед нами другой способ выражения категории сказуемости: интонация. Главный признак этого способа — фразовое ударение (обычно называемое „логическим“), которое делается на одном из слов фразы (или на одиночном слове в известных случаях) и обособляет данное высказывание от предыдущего и последующего как отдельную мысль. Такое ударение может поместиться на любом полном слове. Так, мы можем сказать: *у нас вчера был спектакль* (а не концерт), *у нас вчера был спектакль* (важно был или не был), *у нас вчера был спектакль* (а не третьего дня), *у нас вчера был спектакль* (а не у вас). То же можно выразить и в восклицательном и в вопросительном тоне. Выбор слова для фразового ударения зависит от целого ряда факторов: логических, психологических, ритмических и отчасти грамматических. Например в сочетаниях *добрый день*, *приятного сна* ударение делается на существительном потому, что оно является подчиняющим словом, хотя по смыслу для нас здесь более важными являются прилагательные. Но определенной связи между выбором слова для ударения и собственно-грамматической (или глагольной) сказуемостью уловить нельзя. Если бы интонационный и глагольный способы выражения

категории сказуемости совпадали, то ударение всегда делалось бы только на глаголе или на присвязочном слове. На самом же деле ударение, как мы уже видели, может быть на любом полном слове. Отсюда заключаем, что интонационный признак не вступает в данном случае в органическую связь с собственно формальными признаками, а сочетается с ними в порядке случайного сотрудничества (сравн. § 4). Следовательно нельзя говорить о категории сказуемости вообще, а только либо о глагольной сказуемости, либо об интонационной. В данной книге нас будет занимать только первая.

Но таких фразах, как *белую?, вчера!* и т. д. можно окончательно удостовериться, что только глагольности свойствен оттенок выражения процесса мысли независимо от интонации. Так, слово *белую* нам может казаться выражением отдельной мысли потому, что мы воспринимаем его при вышеуказанных интонационных условиях как недоговоренную фразу с опущением известных слов. И если мы станем предположительно дополнять эту фразу опущенными словами: *белую бумагу, белую меловую бумагу, белую меловую бумагу первого сорта, взятую вчера на складе; белую меловую бумагу первого сорта, взятую вчера на складе для нашей типографии* и т. д. и т. д., то сколько бы мы слов ни прибавляли, фраза не будет выражать своим формальным составом (не интонацией!) целой мысли, пока мы не прибавим какого-нибудь глагола или собственно-присвязочного слова или слов *есть, нет, на!*, т. е. вообще предикативного слова („предикат“ = сказуемое от латинского *praedicare* — высказывать, „предикативный“ = сказуемостный, т. е. выражающий оттенок сказуемости). Стоит же только прибавить: *взвесил* или *потерял* или *принял* — и фраза делается законченным выражением мысли независимо от интонации. И мы получили бы такой же результат, если бы с самого начала прибавили одно из предикативных слов: *белую взвесил, на белую!, белая есть, белой нет, белую жаль, белая хороша* и т. д. Таким образом непредикативные слова в тех случаях, когда они при помощи интонации выражают мысль, все же тянутся к явным или подразумеваемым предикативным словам и без какого бы то ни было отношения к ним выражать мысли не могут.

Но среди непредикативных слов взятого нами в начале параграфа ряда имеются и такие, которые для выражения мысли не нуждаются ни в прибавлении предиката, ни в его подразумевании, а нуждаются только в определенной интонации. Таковы два разряда слов: 1) имена существительные (или субстантивированные прилагательные) в именительном падеже и 2) независимые инфинитивы. Возьмем из нашего ряда слово *море* в такой связи: *Море. Тропики. Абсолютный штиль. Пароход наш быстро и плавно скользит по водяному зеркалу.* Слово *море* не принадлежит к числу предикативных, но особая инто-

нация (разновидность повествовательной) помогает ему выразить отдельную мысль без всяких подразумеваний. Если бы мы захотели прибавлять к нему, не изменяя смысла, предикаты, то оказался бы возможным только один предикат: *море есть*. Но как раз этот оборот в таких случаях совершенно неупотребителен. Ясно, что слово *море*, без всякого подраузмевания, самым своим именительным падежом обозначает существование. Именительный падеж в таком значении можно называть *бытийным* (или *экзистенциальным*). Его надо отличать от именительного падежа, выражающего отдельные представления (не мысли!), например, в обращениях или в таких случаях как: *Москва... как много дорогих воспоминаний связано у меня с этим городом!* Здесь в слове *Москва* выражено представление о Москве в его чистом виде, не осложненное идеей существования (сравн. то же слово в таком контексте: *Москва. Носильщики, вокзальная суета... Вот я иду по московским улицам...*, где не вспоминается Москва, а явно предстает перед говорящим как существующая). К бытийному близок указательный именительный, связанный с указательным жестом. Указывая на дерево, на котором сидит ворона, и говоря: *ворона!*, мы обычно не мыслим при этом никакого предиката и не чувствуем никакой потребности в предикате (вроде: *ворона сидит*, [*ворона видна*, *ворона виднеется* и т. д.]); значит, предикативное значение и здесь заключено в самой категории именительного падежа в соединении с соответствующей интонацией. Наконец сюда же принадлежит и „*назывной*“ именительный, встречающийся на вывесках, в заглавиях книг, объявлениях и т. п. Выражение мысли здесь происходит с помощью обстановки, так как написанное слово помещается в определенном месте, по большей части в непосредственном соседстве с тем предметом, который этим словом обозначен (например вывеска над магазином). Таким образом у категории именительного падежа имеются три значения, при которых ее формы выражают мысль: 1) бытийное (с помощью одной интонации), 2) указательное (с помощью жеста и интонации) и 3) назывное (с помощью обстановки и интонации).

Той же особенностью в некоторых случаях обладают и инфинитивы. Возьмем инфинитив *работать* в такой связи: *Здоровье восстановлено, все препятствия устранены. Теперь — работать, работать и работать.*

Дополняя слово *работать* другими предикативными словами (*решил работать, хочу работать, можно работать, нужно работать* и т. д.), мы видим, что возможны самые разнообразные дополнения, но что все они совершенно произвольны и все не только дополняют, но и прямо исказывают характер оборота. Ясно, что и здесь никакого „подразумевания“ нет, а сам инфинитив в соединении с определенной инто-

нацией выражает отдельную мысль. Значение предикативности в самой форме инфинитива ясно выступает в случаях употребления ее в придаточных предложениях с союзом *чтобы*, где к инфинитиву никакого глагола „примыслить“ невозможно: *я пришел, чтобы поесть* (вставка: *чтобы я мог поесть* — явно искусственна).

Итак, непредикативные сами по себе, именительный падеж и инфинитив в тех случаях, когда они комбинируются со специфическими предикативными интонациями, получают особый предикативный смысл, не зависящий от подразумевания и тем отличающий эти категории от всех прочих непредикативных категорий. Здесь перед нами один из случаев органического сочетания интонации и собственно-грамматических средств, которое создает новое комбинативное значение (см. § 4). Следовательно этого рода сказуемость мы должны приравнять к глагольной и считать собственно-грамматической сказуемостью.

В итоге, в категорию сказуемости входят следующие разряды слов: 1) собственно глаголы, 2) сочетания глаголов-связок с целым рядом форм и бесформенных слов (о них в следующих параграфах), а иногда одни эти формы и бесформенные слова, 3) несколько бесформенных слов, связанных по значению с глаголами (слова: *есть, нет, на!*), 4) именительный падеж существительных в бытийном, указательном и назывном значениях и в сочетании с соответствующими интонациями, 5) инфинитивы в целом ряде значений, о которых речь ниже, и в сочетании с соответствующими интонациями. Все эти слова и словосочетания в дальнейшем мы будем называть *сказуемыми*, различая простое *сказуемое* (слово) и составное *сказуемое* (словосочетание). Всякое же словосочетание, заключающее в своем составе сказуемое, мы будем называть *предложением*.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

§ 12. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ НЕРАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРОСТЫМ СКАЗУЕМЫМ.

Эти предложения состоят из двух слов: из существительного в именительном падеже (или субстантивированного прилагательного в том же падеже) и согласованного с ним глагола (*нужда пляшет*, *нужда скачет*; *глупый осудит*, *умный рассудит*).

Здесь необходимо выяснить: 1) значение именительного падежа, или так называемого подлежащего, 2) способы согласования глагольного сказуемого с подлежащим, 3) бесформенные и иноформенные подлежащие, 4) особенности в употреблении времен и наклонений сказуемого.

1. Значение подлежащего в рассматриваемых здесь предложениях всецело определяется значением глагольного сказуемого. Последнее, как мы знаем, обозначает признак, создаваемый деятельностью предмета, или, иначе, действие (например *пляшет*), производимое предметом (например *нуждой*), значит подлежащее обозначает здесь действующий предмет.

2. Согласование глагольного сказуемого с подлежащим носит менее подчинительный характер, чем согласование прилагательного с существительным. И это понятно: ведь сказуемое является основным средством для выражения процесса мысли, т. е. главным словом речи. Поэтому оно должно было бы занимать наиболее самостоятельное положение. Но в то же время, как глагол, оно всегда обозначает признак приписываемый предмету, выраженному подлежащим, и поэтому оказывается подчиненным подлежащему (одна из основных антиномий языка). Вот почему в формах согласования глагольного сказуемого имеется значительная доля самостоятельности, как бы даже противоречащей самой идее согласования.

Наиболее самостоятельна в глаголе форма лица и особенно 1-го и 2-го лица, так как эти формы нередко употребляются и без подлежащего, т. е. без слов *я*, *ты*, *мы*, *вы* (*иду*, *идем*, *знаете* и т. д.). Здесь сказуемое кажется почти самостоятельным и не нуждающимся в подлежащем (хотя выпуск местоимения все же ощущается как нарушение

нормы, создающее оттенок энергичности, взволнованности или поспешности речи, срвн: *сижу за решеткой в темнице сырой* у Пушкина и *я сижу за решеткой в темнице сырой*). В одном случае, именно при повелительном наклонении, отсутствие местоимения (ты и вы) является даже правилом, и местоимения при нем встречаются только в особых случаях (например, когда они оказываются ударными по логическим или стилистическим условиям фразы: *ты сходи за доктором, а он пусть пойдет...* и в некоторых других случаях).

В отличие от первых двух лиц, пропуск подлежащего при 3-м лице создает явную несамостоятельность глагола, согласованность его с отсутствующим подлежащим. В таких, например, случаях, как: *Идет... ему коня подводят* (*П.*), или: *Куда глядят? Чего хотят?* (*М.*) мы ясно сознаем, что подлежащее опущено и имеется где-то в предыдущей речи. Это видно из того, что иначе формы множественного числа воспринимались бы безлично (срвн.: *говорят, передают* без всякого подразумевания).

Разница эта объясняется тем, что при первых двух лицах в качестве подлежащего возможны только слова *я*, *ты*, *мы* и *вы*, а в 3-м лице подлежащим может быть не только личное слово *он*, но и тысячи других слов; здесь употребление подлежащего необходимо для обозначения не только лица, а и самого предмета, и поэтому опущение такого подлежащего должно чувствоваться гораздо резче.

Самостоятельность категории числа в глаголе проявляется в том, что глагол иногда не согласуется в числе с подлежащим. Так, если подлежащее стоит в единственном числе, а вещественное его значение резко множественно, то сказуемое может стоять во множественном числе: *шесть человек пришли, тысяча человек идут* и т. д., хотя слова *шесть, тысяча* по формам своим являются существительными единственного числа. Это так называемое „согласование по смыслу“. Изредка оно встречается и при подлежащих не численных, например, *Большинство решили, Вокруг стоит стража, на плечах топорики держат* (*П.*). То же и в таких случаях, как: *князь Игорь и Ольга на холме сидят, на солнышке Полкан с Барбосом лежа грелись*.

Наименьшей самостоятельностью из всех трех категорий согласования сказуемого обладает категория согласования в роде (в прошедшем времени и сослагательном наклонении). Прошедшее время, не имея согласования в лице (*я читал — ты читал — он читал*), всегда нуждается в подлежащем, и в зависимости от рода подлежащего употребляется та или иная форма рода глагола. Однако и тут есть случаи согласования по смыслу, т. е. самостоятельного употребления глагола. Так, про старость мужчину мы скажем: *старость пришел*, а про старость женщину: *старость пришла* (срвн.: *он такая разина, или народное:*

судья праведная, где прилагательные, вопреки смыслу, рабски следуют форме существительного). При подлежащих *я, ты*, у которых нет формы рода, род глагола употребляется только по смыслу (*я пришел и я пришла*).

Таким образом в целом ряде случаев наблюдаются признаки несогласованности сказуемого с подлежащим в формах лица, числа и рода. Отсюда может возникнуть мысль, что вообще согласования сказуемого с подлежащим не существует, а те случаи, где наблюдается между ними сходство в лице, числе и роде, хотя они и явно преобладают в языке, являются простым совпадением, продиктованным вещественными условиями речи, а не законом согласования, подобно тому как в сочетании *он колхозник* сходство в роде между словами *он* и *колхозник* вызывается не грамматическими причинами, а только тем, что мужчина в обычных условиях не может быть колхозницей (срвн.: *он — колхозница*, сказанное про мужчину, играющего в театре роль колхозницы; срвн. также: *она — депутат, она — комиссар* и т. д.). Однако есть длинный ряд случаев, где сказуемое в опре^кки вещественному значению тягется за подлежащим в формах лица, числа и рода, и эти случаи убеждают нас, что грамматическая согласованность (т. е. согласование) сказуемого с подлежащим не выдумка, а факт. Так, говоря о себе в 3-м лице (*ваш покорнейший слуга просит вас...*) мы никогда не поставим глагола в 1-м лице. При существительных, вещественно множественных, а по форме числа единственных (так называемых „собирательных“) глагол тоже почти всегда (исключения см. выше) употребляется в единственном числе: *пролетариат растет; молодежь поумнела; собрание, митинг постановляет* и т. д., то же при всяких синекдохах и метонимиях: *Индия вооружается; Англия беднеет* и т. д. Обратно при подлежащих, формально множественных, а вещественно единственных или безразличных, сказуемое всегда стоит во множественном числе: *саны сломались* (хотя бы речь шла об одних санях) и т. д. При подлежащих, обозначающих неодушевленный предмет, сходство в роде у глаголов прошедшего времени может быть по понятным причинам только грамматическим (*диван стоял, кресло стояло, кушетка стояла*), а при подлежащих, обозначающих одушевленные предметы, грамматическое сходство тоже нередко побеждает реальную сторону (*эта осoba сказала*, хотя бы это был мужчина; *ребенок пришел*, хотя бы это была девочка).

Все эти и многие другие факты указывают на то, что согласование сказуемого с подлежащим есть общий закон нашего языка, а факты несогласованности, приведенные выше, суть частные исключения из него. Однако самая возможность таких исключений показывает, что степень подчинения сказуемого подлежащему несколько ниже, чем при других подчинительных связях.

Впрочем, в языке есть несколько особых случаев, в которых по причинам морфологического характера наблюдается полное отсутствие согласования сказуемого с подлежащим, а именно: а) в случаях с повелительным наклонением, употребленным в своем собственном смысле, но при подлежащем 1-го или 3-го лица: *вам ничего, а я отдувайся; да пропади он пропадом!*; б) в случаях с повелительным наклонением, употребленным в смысле условности или внезапности: *подвернись они мне под руку, я бы им показал; а он возьми да и выкинь тут штуку;* в) в случаях с повелительным наклонением в форме 1-го лица множественного числа: *пойдем!, пойдемте!,* где самое значение повелительного наклонения создается отсутствием слова *мы* в соединении с особой „пригласительной“ интонацией; г) при усеченных формах глагола: *прыг, бац, толк, хвать* и т. д. (так называемые „отглагольные междометия“ школьных грамматик, на самом деле, конечно, настоящие глаголы с особым видовым значением, именно *ультра-мгновенным*), так как эти формы не имеют согласовательных разновидностей; д) при бесформенном сказуемом: *есть, нет, на!* В этом последнем случае в предложениях нет глагола, хотя имеется и подлежащее и сказуемое (например *у меня есть книги*), а в зависимости от этого и подлежащее изменяет свое обычное значение, обозначая уже не „действующий предмет“, а только предмет, которому приписывается признак, выраженный в сказуемом. Это определение является более широким и важно тем, что годится абсолютно для всех видов подлежащего, в том числе и для подлежащего при составном сказуемом (см. след. §).

Нельзя также говорить о согласовании сказуемого с опущенным подлежащим и при обычном повелительном наклонении, не имеющем при себе слов *ты* и *вы*, поскольку отсутствие подлежащего здесь нормально (см. выше).

3. Мы знаем, что есть в языке синтаксические существительные (*колибри, Генеу* и т. д.), у которых значение предметности связано не с их собственными формами, а с формами тех словосочетаний, в которые они вступают (см. § 6). В рассматриваемых здесь двучленных словосочетаниях они принимают на себя функцию не просто предметности, а действующего предмета, т. е. подлежащего (*колибри поет, Генеу постановило*). При этом надо различать два случая: 1) бесформенное слово предметно по самому значению своему, обозначая или реально-предметное (*колибри, кофе* и т. д.) или опредмеченное (*пари, Генеу* и т. д.) представление; в этом случае значение подлежащего определяется не только формой словосочетания, но отчасти и значением самого бесформенного слова, поскольку из него получается необходимая для подлежащего предметность; 2) бесформенное слово по значению своему непредметно: *далече грянуло ура (П.); так вот в ушах и*

долбит и стучит это: ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та... (В.). Это — предложения со словесными или вообще звуковыми представлениями в качестве подлежащих. От случаев первого рода они принципиально отличаются, так как значение подлежащего в них определяется исключительно формой словосочетания. Это не обычное подлежащее, а случайный его заместитель. В роли такого „словесного“ заместителя может оказаться любое слово языка, а следовательно и форменное слово, но как бы с парализованными на данный случай в отношении значения формами, например: *ее последнее прости продолжало звучать у меня в ушах*, а также и любое словосочетание, например: *в театре дается „На всякого мудреца довольно простоты“* и т. д. Такие подлежащие можно называть иноформенными. На месте подлежащего может быть и инфинитив (чаще, впрочем, при составном сказуемом): *Ему доставляет удовольствие лечить животных*. Настоящим подлежащим он не является потому, что не обозначает „предмета, которому приписывается признак, выраженный в сказуемом“ (*лечить* — не предмет, срвн. *мученье*), а является только словом, к которому относится сказуемое, т. е. заместителем подлежащего. Таким образом здесь мы тоже имеем иноформенное подлежащее, однако иноформенность здесь иного рода, чем в предыдущих случаях: инфинитив, по самой природе своей, ближе к существительному, чем случайные замены словесного типа, и, кроме того, имеет реальное, а не словесное значение.

Эти случаи с инфинитивом необходимо тщательно отделять от тех случаев, когда инфинитив стоит при безличном глаголе (*следует поехать, хочется сидеть*), где инфинитив не может являться даже и заместителем подлежащего, так как сказуемое здесь в силу своей безличности совсем не нуждается в подлежащем (см. § 16).

Переходим к четвертому и последнему вопросу параграфа об особенностях в употреблении времен и наклонений сказуемого.

4. Прежде всего надо сказать о некоторых второстепенных оттенках в значениях времен и наклонений.

Из оттенков времен упомянем только о расширенном настоящем в таких случаях, как: *человек дышит легкими, а рыба жабрами, водород легко соединяется с кислородом* и т. д. Обычно грамматисты не признают здесь совсем значения настоящего времени, так как действие совершается здесь не во время речи, а постоянно, вечно. Мы однако объясняем эти факты иначе. Дело в том, что каждое время способно на расширение своего значения, как это видно из следующих примеров:

Вчера он пел в концерте.

Она поет, и звуки тают...

Сегодня вечером он будет петь.

Он в молодости пел.

Она недурно поет, рисует...

Через год он будет петь хорошо.

В глаголах левых примеров обозначается отдельный момент в деятельности предмета, а в глаголах правых примеров — целый период деятельности, т. е. в них, по сравнению с левыми примерами, значение категории времени расширено (во многих языках имеются даже отдельные формы для каждого из этих оттенков). Вот такое-то расширение мы и видим в вышеупомянутых фактах „вечного“ значения в настоящем. Отличие только в том, что расширение дошло тут до пределов жизни и опыта всего человечества.

Из второстепенных оттенков наклонений укажем на некоторые оттенки повелительного и так называемого сослагательного (лучше бы условного или предположительного) наклонения. В сущности говоря, формы повелительного наклонения, взятые вне интонации, выражают только простое побуждение к действию (поэтому термин „побудительное наклонение“ был бы более точным). При помощи же интонационных средств они получают следующие оттенки: просьбы, мольбы, позволения, увещания, предостережения, приказания, иронического или шутливого побуждения (примеры легко будет подобрать самому читателю). „Сослагательное“ наклонение может выражать следующие оттенки: простой „возможности“ (*Кто бы нам сказал про старое, про былое?* из былин), возможности условной при условном придаточном предложении (с союзами *если бы*, *когда бы* и т. д.), самого условия (*был бы снег — он давно б растаял...* (П.)), желания (...*Скорее бы все проиграл, быть может, уехали бы из этого города.* Ч.).

Кроме второстепенных оттенков, характерной особенностью в употреблении времен и наклонений являются факты так называемой замены, или употребления одних времен и наклонений вместо других. Так, говоря: *завтра я уезжаю*, мы обозначаем будущий акт, но употребляем в сказуемом форму настоящего времени (*уезжаю*), т. е. употребляем настоящее время вместо будущего. Однако это не значит, что форма настоящего времени теряет свое значение и принимает значение будущего времени. Правильное понимание (в смысле будущего времени) здесь гарантировано словарными и реальными условиями речи (словом *завтра* и тем, что говорящий фактически не сидит в вагоне или экипаже и не удаляется от слушающего), форма же настоящего времени вносит в обозначение будущего акта оттенок присущей ей доподлинности и несомненности. Таким образом категория настоящего времени выступает здесь в своем основном значении особенно ярко именно в силу противоречия между ним и словарно-реальными условиями речи. Эти случаи расхождения синтаксических значений с действительностью вообще очень распространены в языке как, впрочем, и в словарных значениях

(сравн.: обращения *старина*, *старуха* к молодым людям и даже детям и т. п.), и каждый язык обладает своими типами таких расхождений.

Для русского языка важнейшими случаями замены времен являются следующие:

1) Настоящее вместо прошедшего для придания живости (так называемое „настоящее историческое“, так как оно часто употреблялось античными историками): *Иду я вчера по Кузнецкому и вижу такую картину...*

2) Настоящее вместо будущего с тем же стилистическим значением: *То я воображаю уже себя на свободе... Я поступаю в гувернери и иду на войну (Т.).*

Это настоящее, как и предыдущее, можно бы называть настоящим „живописным“.

3) Прошедшее вместо будущего с тем же стилистическим значением. В разговорной речи оно употребляется обычно после слов *положим, предположим*: *Ну, положим я вышел из университета, поступил на службу, а дальше что?*, или при ироническом предположении: *Еще бы! Так я и послушался тебя* („прошедшее живописное“).

4) Будущее вместо прошедшего, когда определенные прошедшие акты утверждены в сознании как настоящие, и по отношению к ним другие прошедшие, которые следовали за ними, должны представляться уже как будущие (преимущественно в биографиях: *Шиллер и Гете станут в центре его симпатий лишь позже...*, Вс. о Жуковском).

5) Настоящее и прошедшее вместо будущего для изображения наверное ожидаемых фактов: *Мы завтра едем в Москву. Ну, я спать пошла (О.).*

6) Будущее вместо настоящего от глагола *быть*, когда обозначаются факты, реально существующие в момент речи, но могущие быть распознанными только после речи (будущее „распознавательное“): *А вы-то кто же такой будете?* или распространенное у школьников: *пятью двенадцать будет шестьдесят* и т. п.

В школьных грамматиках такие факты, как:

Это блюдо приготавливается так: возьмут грибы, поджарят...

Зимой, бывало, в ночь глухую,

Заложим тройку удалую,

Поем и свищем... (П.), —

рассматриваются как замена настоящего или прошедшего будущим. Но, как видно из всех предшествующих примеров, при замене в grammatischem сознании всегда выступает на первый план именно то образное время, которое заменяет реальное. В приведенных примерах не может сознаваться образное будущее время, так как тогда получалась бы бессмыслица, потому что „будущее“ время обозначало бы факты (зalo-

жим), предшествующие тем фактам, которые образно представлены как настоящие (*поем и свищем...*). На самом деле эти формы обозначают здесь не будущее, а настоящее совершенного вида, или особый вид мгновенного настоящего (о возможности соединения значения настоящего времени с значением совершенного вида см. в § 7).

В области замены наклонений в нашем языке имеются два случая:

1) Повелительное наклонение вместо сослагательного для обозначения условно предполагаемых фактов: *Приди он ко мне, я бы ему помог;*

2) Повелительное наклонение, вместо изъявительного для обозначения неожиданных, внезапных фактов: ...*тот... от горького жития и прельстась на деньги-то...* (*О.*), *он возьми и скажи* и т. д.

§ 13. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ НЕРАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОСТАВНЫМ СКАЗУЕМЫМ.

Словосочетания эти состоят из именительного падежа существительного (или субстантированного прилагательного) в значении подлежащего и особого предикативного сочетания, называемого составным сказуемым, например: *я был озлоблен*, *он угрюм* (*П.*), *и сердце стало из стекла* (*В.*) и т. п. Как видно из этих примеров, составное сказуемое двучленно, оно состоит: 1) из глагольной связки и 2) из полнозначного слова, которое, по аналогии с „второстепенными“ членами распространенных предложений (см. § 15), можно называть второстепенным предикативным членом (а также присвязочным, или вещественным членом).

Изучение этих словосочетаний сводится к изучению: 1) самих понятий глагольной связки, второстепенного предикативного члена и составного сказуемого, 2) различных видов второстепенных предикативных членов и 3) различных видов глагольных связок.

1. Для уяснения понятия глагольной связки сопоставим следующие словосочетания:

Он был сегодня на чистке.

Он показался на минуту.

Он является всегда первым.

Фабрика стала.

Он был болен.

Он показался мне стариком.

Он является представителем

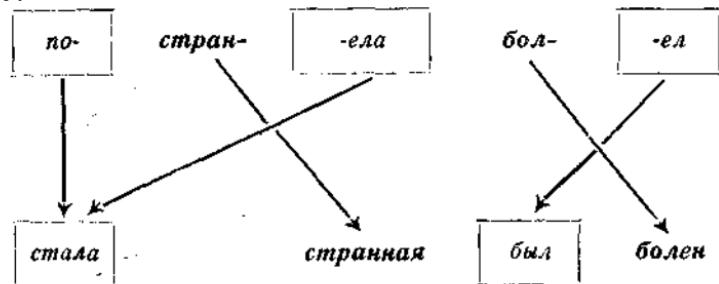
германской компартии.

Она стала странная.

Мы видим, что в правых примерах значение глагола изменяется в сторону большей обобщенности и отвлеченности. Возьмем, например, глагол *стала* из последних словосочетаний. Этот глагол в предложении *фабрика стала* означает переход из подвижного в состояния непод-

важное. В предложении же она *стала странная* он обозначает только переход из какого-либо одного состояния в какое-либо другое (срвн.: она *стала глупая*; она *стала сердитая* и т. д.). Но общее значение перехода из одного состояния в другое есть уже значение чисто формальное (срвн. то же значение в суффиксе *-е-*: *глупею*, *умнею* и т. д.); значит *стала* в сочетании: она *стала сердитая* совершенно лишено вещественного значения. В этом и заключается отличие глагольной связки *стать* от глагола *стать*. По своему значению глагольная связка является одним из видов служебных слов (наряду с предлогами, союзами, усилительными словами и т. п.), вообще лишенных вещественного значения. Однако от остальных служебных слов она отличается своей форменностью (формы времени, лица, числа, рода, наклонения, залога, вида) и тем, что она может быть и не служебным словом. Таким образом всякое слово типа *стать* (*быть*, *казаться*, *являться* и т. п.) заключает в себе как бы два разных слова: выступая в речи в качестве глагольной связки, оно является служебным словом, имеющим только формальное значение, выступая же в роли глагола, оно является полным словом, имеющим и вещественное и формальное значения.

Понятия присвязочного слова (или иначе второстепенного предикативного члена) и составного сказуемого тесно связаны с понятием глагольной связки. Ведь последняя потому не имеет вещественного значения, что она отдает это значение другому слову (срвн.: *постранела* = *стала странная*, *поглупела* = *стала глупая* и т. д.). Таким образом между связкой и тем словом, к вещественному значению которого прикрепляется связка, создается внутреннее органическое сцепление (наряду с внешним — путем интонации и порядка слов), и получается цельное сочетание одного служебного слова и одного полного (наподобие сочетания предлога с косвенным падежом существительного). Это сочетание все целиком соответствуетциальному акту мысли, т. е. входит в категорию сказуемости, образуя составное сказуемое. Сопоставляя простое глагольное сказуемое с составным (например: *постранела* — *стала странная*, *болел* — *был болен* и т. п.), мы можем соотношение между тем и другим схематически передать так:

из чего видно, что глагольная связка соответствует формальным частям простого глагольного сказуемого, а присвязочное слово — материальной, вещественной его части. Надо заметить, что так как „бытие“ — самый общий признак вещей, то глагол *быть* является уже сам по себе самым отвлеченным глаголом и самым отвлеченным полным словом в языке вообще (кроме местоимений). Но все же и это наиболее общее значение утрачивается им, когда он выступает в роли глагольной связки, и сочетание *он был болен* не обозначает *он существовал как больной*, а равно простому *он болел*.

Итак: Глагольная связка есть глагол, не имеющий вещественного значения и соответствующий одной формальной стороне глагольного сказуемого.

Присвязочный член, или предикативный второстепенный член, есть полное слово, соответствующее вещественной стороне глагольного сказуемого.

Составное сказуемое есть сочетание глагольной связки с присвязочным членом.

Отметим еще, что в составном сказуемом предикативный второстепенный член из-за своей предикативности относится всегда не только к связке, но и к подлежащему. Так, в сочтении: *он был без очков* предложно-падежное сочетание *без очков* связано не только со связкой, но и с подлежащим, обозначая не только без чего был данный субъект, но и каков он был (как бы = *он был безочкистый*). Срвн.: *он работал без очков*, где имеется уже только первое из этих значений. Таким образом во всех тех случаях, где второстепенный предикативный член сам по себе по своей форме не связан с подлежащим (т. е. во всех случаях, когда он не прилагательное, и без того согласованное с подлежащим), он притягивается к подлежащему самим фактом своего участия в образовании составного сказуемого.

Приравнивая выше составное сказуемое к простому глаголу, мы искусственно отвлеклись от значения формы его второго члена, так как нам важно было выяснить только самую принадлежность его к категории сказуемости. Весь этот второй член нами приравнивался к основе глагола (*стала странная = постранила, был болен = болел*), но на самом деле основе глагола соответствует только основа же этого второго члена (*постраннила = стала странная*). Таким образом, например, *ленился* не совсем равняется *был ленив*, потому что можно сказать *и был ленивый и был ленивец*, и *был ленивее* и т. д., и все эти различные формальные части второго члена (-ый, -ец и т. д.) вносят добавочные значения в составное сказуемое. Значит составное сказуемое не только внешне, но и внутренне сложнее простого сказуемого: в нем есть все то, что в простом сказуемом, плюс еще то, что заключает

данный второстепенный член. Так, если этим членом является прилагательное (*он был ленив*), то на первом плане ощущается уже не столько создание признака, выраженное в связке, сколько спокойное обладание признаком, выраженное в прилагательном; если предикативным членом служит существительное в именительном падеже (*он был ленивец*) — то на первом плане ощущается значение тождества между двумя разными предметами (*он и ленивец*) и т. д. Соответственно этому и подлежащее здесь осторожнее будет определить уже не как „действующий предмет“, а более обще, именно как „предмет, которому приписывается признак, выраженный в сказуемом“ (см. стр. 59).

2. Второстепенными предикативными членами могут быть следующие категории:

а) Краткое прилагательное: *он был умен; все к концу пятилетки будут грамотны*. Форма краткого прилагательного занимает совершенно особое положение в литературном языке. В отличие от народных говоров, она может быть в нем только присвязочной и иначе не употребляется (нельзя сказать: *добр человек пришел*, срвн. § 11). Это обуславливает ее обязательную предикативность. Таким образом краткие прилагательные предикативы не только синтаксически, но и морфологически, и поэтому их следует выделить в особую рубрику собственно-предикативных второстепенных членов.

б) Краткое страдательное причастие: *он был уважаем, был сослан, был убит*. Эта форма тоже является морфологически-предикативной в силу своей краткости. Полная же форма здесь невозможна, так как причастие при этом переходит в простое прилагательное (*был уважаемый, был сосланный, обычно с субстантивированием*). В целом ряде случаев эти сочетания синтаксически оказываются параллельными возвратному залогу глагола в его страдательном значении (*был уважаем = уважался* и т. д.), почему в школьных грамматиках они обыкновенно и считались составными формами страдательного залога. Но вряд ли здесь можно говорить о составной форме (т. е. об одном слове, а не двух), так как оба члена способны здесь к различным изменениям независимо друг от друга, например: причастие может изменить форму времени независимо от времени связи (*был уважаем и был уважен*), может стоять и не при глаголе, а при деепричастии (*будучи уважаем, быв уважаем*) и т. д.

в) Полное прилагательное в именительном падеже: *экспорт был большой; упаковка была хорошая*. В этих сочетаниях (как и во всех дальнейших) предикативность присвязочного члена уже не морфологична, так как у прилагательного здесь нет собственной формы сказуемости. С этим связана синтаксическая двусмысленность этих сочетаний, так как прилагательное здесь может прини-

маться и за обычное прилагательное, стоящее при подлежащем, как при всяком существительном, а связка за обычный глагол. Например сочетание *погода была прекрасная* можно понимать и как: *погода + была прекрасная* и как: *погода была + прекрасная*. В первом случае оно ассоциируется с другими предикативными сочетаниями (*была прекрасна, была прекрасной* и т. п.), во втором случае — с обычными глагольными сочетаниями (*была прекрасная погода, стояла прекрасная погода*) перестановочного типа (срвн.: *погода стояла прекрасная, день выдался праздничный, маршрут он выбрал себе интересный...* и т. д.). Отчасти это отражается на интонации (в первом случае остановка возможна лишь после *погода: погода | была прекрасная*, а во втором лишь после *была: погода была | прекрасная*). Но главная разница здесь в ассоциациях со смежными сочетаниями (срвн. § 4).

г) Прилагательное в творительном падеже: *он сделался добрым; пролетариат Индии становится сознательным*. Характерным для этих составных сказуемых является следующее: 1) прилагательное здесь всегда имеет оттенок субстантивирования, так как, поскольку это прилагательное предикативно, оно не терпит при себе существительного (которое взяло бы предикативность на себя: *он был добрым человеком*); 2) здесь мы имеем интересное соединение управления и согласования. Творительный падеж в связи с субстантивированием есть здесь падеж управляемый (прилагательное стоит в том падеже, в котором стояло бы существительное, им заменяемое). В числе же и в роде прилагательное согласовано с подлежащим, так как расхождение между ними здесь ни при каких условиях невозможно (нельзя сказать: *он был доброю или он был добрыми*).

д) Сравнительная форма: *он был умнее*. Морфологическая непредикативность второго члена создает и здесь иногда двусмысленность (например: *у меня яблоки были крупнее* может пониматься и как *у меня были более крупные яблоки* и как *у меня яблоки были более крупны*).

е) Существительное в именительном падеже: *она была врач, ты будешь комиссар*. В этих сочетаниях именительный предикативный, в отличие от других предикативных падежей, выражает отношение постоянного, вне временного тождества того предмета, который им обозначен (*врач, комиссар*), с тем предметом, который обозначен именительным подлежащего (*она, ты*). Сравнивая этот предикативный именительный с творительным: *она была врачом, ты будешь комиссаром*, мы видим, что творительный также обозначает тождество одного предмета с другим, но уже тождество непостоянное. Особенно резко это ощущается в смежных сочетаниях с нулевой связкой (см. следующий параграф). *Она врачом, ты комиссаром* подчеркивают для нас временный характер обозначенных здесь должностей и ни в каком

случае не могут иметь того вневременного смысла, который имеют сочетания *она врач*, *ты комиссар* (то, что и врачебная деятельность и комиссарство в вещественно всегда временны, грамматики, конечно, не кажется).

В приведенных выше примерах при помощи формы согласования глагола-связки можно было легко определить, какой именительный считать подлежащим, а какой предикативным членом. Но в тех случаях, когда связка стоит в настоящем или будущем времени, а оба именительных третьесличны, мы не можем сказать, с каким из двух именительных согласована связка. Так, если бы вместо *ты будешь комиссар*, было сказано *он будет комиссар* или *Иванов будет комиссар*, то не имелось бы объективного основания утверждать, что связка *будет* здесь согласуется в лице именно с первым существительным, а не со вторым. В прошедшем времени при существительных одинакового рода (*он был комиссар*) — та же загадка относительно согласования в роде. Не могут здесь внести ясность и формы числа, так как они по вещественным условиям почти всегда совпадают у обоих именительных (*он был комиссар*, *они были комиссары*, за исключением таких крайне редких случаев, как *Афины были столица Аттики*). Благодаря всему этому получается огромное число синтаксически неопределенных сочетаний, в которых неясно, какой из именительных — подлежащее, а какой — присвязочный член. В некоторых случаях мы вправе привлечь к делу смежные словосочетания, тесно ассоциированные с данным и дающие своей формальной стороной определенные указания на этот счет. Так, например, в сочетании *она будет комиссар* мы можем считать первое существительное подлежащим, а второе предикативным членом по ассоциации с *я буду комиссар* и *ты будешь комиссар* (то же и во всех случаях с личными местоименными существительными этими связка всегда согласуется, даже когда предикативное ударение на них, а не на другом именительном: *комиссар-то все-таки буду я*, а не *комиссар-то все-таки будет я*). Но в ряде случаев никакие смежные сочетания не выручают (например: *чтение этой книги было для меня удовольствие*), и мы должны определить такие сочетания как недиференцированные в отношении подлежащего и предикативного члена (хотя они и вполне диференцированы как предложения). Мы можем сказать, что роль именительных здесь взаимно обусловлена: если один из именительных признать подлежащим, то другой будет предикативным членом, и обратно. Но дальше этого мы пойти не можем. Во всяком случае не следует забывать, что грамматическое отличие подлежащего от предикативного члена в этих случаях только одно: согласование связки (ибо только оно отличает предмет, которому при-

писывается тождество с предметом, выраженным в предикативном члене от этого второго предмета), и что, следовательно, нельзя, оставаясь в пределах грамматики, искать здесь логических или психологических отличий. А поскольку интонация и порядок слов отражают здесь на себе только эти последние, мы не можем придавать значения этим признакам. Даже в тех случаях, где они явно противоречат признаку согласования (например, в сочетаниях у Л. Толстого: *Последние числа октября было время самого разгара партизанской войны; Восхищение других была та мазь колес, которая...*) мы все-таки должны считать подлежащим тот член, с которым согласована связка.

ж) Существительное в творительном падеже: *он был комиссаром*. Этот предикативный падеж является одной из важнейших синтаксических особенностей балтийско-славянских языков („балтийские“ языки: литовский, латышский и вымерший прусский). Ни на каком другом языке нельзя сказать: *он был комиссаром*, а только: *он был комиссар*. Значение его выяснено выше.

з) Существительное в разных падежах с предлогом и в родительном без предлога: 1) *он был без очков, он был с характером, мы были в скопе;* 2) *он был большого роста, веселого характера*. Родительный без предлога не употребляется без прилагательного (нельзя сказать: *он был роста, характера*), так что рубрика 2-я формально должна была бы быть отнесена к отделу о распространенном предложении (см. § 15). Значения всех этих падежей и предлогов — те же, что и при непредикативном употреблении, и потому тоже должны рассматриваться в отделе о распространенном предложении. Здесь можно только заметить, что родительный принадлежности, очень обычный в непредикативном употреблении, в предикативном почти не встречается; говорится: *проект был женин, это был проект жены*; а не *проект был жены*.

и) Наречия: *он был навеселе; это было очень кстати.*

В заключение сведем для удобства запоминания все рассмотренные виды предикативных членов к одному словесному примеру. Тогда получится следующая табличка:

1) Он был весел	4) Он был веселым	7) Он был весельчаком
2) Он был развеселен	5) Он был веселее	8) Он был из весельчаков
3) Он был веселый	6) Он был весельчак	9) Он был навеселе.

Переходим к третьему вопросу параграфа о различных видах глагольных связок.

3. Можно различать три вида глагольных связок:

1) Глагол *быть* (*был* — будущее), который является идеальной связкой, абсолютно лишенной вещественного значения.

Сюда же принадлежат по отвлеченному значению и две бесфор-

менные связи: есть (не смешивать с полновесным бесформенным словом есть в смысле существует) и суть (они обозначают настоящее время изъявительного наклонения к связке был-буду). Употребление их двояко. В книжном языке они употребляются в значении 3-го лица единственного (есть) и множественного (суть) числа, например: *площадь квадрата есть функция длины его стороны; подлежащее и сказуемое суть главные члены предложения*. При этом правильное различение лица и числа в словах, не имеющих звуковых примет ни для того ни для другого, может быть объяснено только влиянием школы и школьного знания. В живом же языке они, естественно, употребляются без значения лица и числа: что я такое за человек на свете есть (О.), это не суть важно и т. п. (срвн. такое же употребление и полновесного есть: у меня есть книги, у меня есть ты, моя опора);

2) полувещественные связи: казаться, являться, считаться, делаться, становиться, стать и т. д.

Они отличаются от глагола быть меньшей степенью отвлеченности, так как сохраняют крупицы словарных значений (например: *являться* = обнаруживать свое бытие, *оставаться* = продолжать свое бытие и т. п.);

3) вещественные связи: он вернулся весел; вернулся веселый; спит одетый; вырос большой; упал мертвый; ходит босой и т. д. Так как во всех этих предложениях прилагательные явно отличаются от обычных, непредикативных, прилагательных (срвн.: *веселый человек вернулся*) скелетом своим с глаголами, а в некоторых случаях и самой формой своей (краткость), то они должны быть признаны предикативными, а следовательно и глаголы должны быть признаны связками, несмотря на то, что они почти целиком сохраняют свое вещественное значение (срвн. разницу между *спит одетый* — лежит одетый — сидит одетый и отсутствие разницы между *стал умен* и *сделался умен*). Здесь мы имеем один из многочисленных случаев переходных рубрик в языке и потому должны признать особый вид связки: вещественную связку и особый вид составного сказуемого: вещественное составное сказуемое. Чаще всего в этих сочетаниях встречаются пять прилагательных: сам, весь, один, первый, последний (*батальон пришел весь, брат пришел сам, брат пришел один, брат пришел первый, брат пришел последний*).

§ 14. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ НЕРАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРЕДИКАТИВНЫМ ЧЛЕНОМ И НУЛЕВОЙ СВЯЗКОЙ.

Основная особенность этих предложений заключается в полном параллелизме их с предложениями предшествующего параграфа, так что применительно к ним помещенная там таблица получает такой вид:

- 1) он весел
- 2) он развеселен, веселим
- 3) он веселый
- 4) он (веселым), он старшим
- 5) он веселее
- 6) он весельчак

- 7) он (весельчаком), он мастером
- 8) он из весельчаков (он в духе он с характером, он из немцев, он без пиджака и т. д.)
- 9) он навеселе.

Как видим, даже отдельные падежи существительных (п. 8) здесь те же, что и там. Но в то же время здесь нет глагольной связки, к которой могли бы примкнуть члены, имеющие явно предикативную физиономию. Нет здесь и никакого интонационного следа опущения связки (например паузы на месте ее; даже в том единственном случае, когда эта пауза на письме означается чертой, именно в фактах п. 6, она часто не произносится). Спрашивается, как же квалифицировать эти сочетания? Здесь надо вспомнить об известной уже нам способности языка создавать нулевые формы. Вдумываясь в безглагольное сочетание: *он командир*, мы замечаем, что несмотря на отсутствие глагола, здесь членами ясно сознаются категории времени и наклонения, составляющие сущность глагольности. *Он командир* означает, что командирство его имеет место сейчас, в настоящее время, и что это не предположение говорящего, а факт (изъявительное наклонение). Обе эти категории мы сознаем здесь так же ясно, как если бы глагол был налицо. Здесь оказывается возможным даже и замена времен (например в сочетании: *еще один экзамен, и он — командир*, где безглагольность заменяет будущее, как в сочетании: *завтра я уезжаю*), и употребление настоящего времени в „расширенном“ значении (например: *водород — газ, соответствующее по типу настоящего времени сочетанию: водород легко соединяется с хлором*). Итак, это отсутствие глагола, это „пустое место“ функционирует в языке как определенное время определенного наклонения глагола, и это можно объяснить только тем, что здесь мы имеем нулевую форму словосочетания подобно тому, как, например, в слове *стол* мы имеем нулевую форму слова, функционирующую и сознающуюся как определенный падеж определенного числа определенного рода, несмотря на отсутствие звуковых примет для всего этого.

Соответственно схеме:

<i>стол-</i>	<i>пол-</i>	<i>дом-</i>
<i>стол-а</i>	<i>пол-а</i>	<i>дом-а</i>
<i>стол-у</i>	<i>пол-у</i>	<i>дом-у</i>
и т. д.		

мы имеем здесь для категории времени:

<i>он — весел</i>	<i>ты — бодр</i>	<i>она — зла</i>
<i>он был весел</i>	<i>ты был бодр</i>	<i>она была зла</i>
<i>он будет весел</i>	<i>ты будешь бодр</i>	<i>она будет зла</i>

а для категории наклонения:

он — весел

он был бы весел

(ты) будь весел

ты — бодр

ты был бы бодр

(ты) будь бодр

она — зла

она была бы зла

(ты) будь зла

Те же соотношения повторяются во множественном числе (они веселы — они были веселы), а в отношении предикативного члена каждый из этих рядов может быть умножен на девять (он весел, веселый, веселее, весельчак и т. д. — он был весел, веселый, веселее, весельчак и т. д. см. выше), и это создает очень сложную систему ассоциаций, в которой безглагольные сочетания естественно должны сознаваться как особое видоизменение глагольных, а сама безглагольность — как нулевой признак с глагольным значением. Вот почему эти сочетания кажутся нам грамматически полными, нормальными (срвн. нулевые формы слов, где тоже обычно не замечается отсутствия окончания), и этим же объясняется то, что школьная подстановка словечка есть легко усваивается детьми, хотя подразумевание именно этого слова является здесь условным и не соответствующим действительности.

Итак, здесь мы можем говорить о нулевом формальном элементе словосочетания, именно о нулевой связке. А раз есть связка, то есть и предикативный член, есть и сказуемое, а значит есть и предложение. Вот почему эти безглагольные словосочетания названы в заглавии параграфа глагольными предложениями. Что касается термина „составное сказуемое“, то он здесь, конечно, звучал бы неуместно, поскольку фактически никакой „составности“ здесь не обнаружено. Однако в каком-нибудь ином виде (например, в виде „неполного составного сказуемого“) он, думается, был бы вполне допустим и весьма полезен.

Надо еще сказать, что осознание каждого из рассматриваемых здесь словосочетаний как отдельного предложения с нулевой связкой обычно поддерживается еще интонационными средствами и грамматическими условиями контекста. Так, сочетание человек в пиджаке не будет понято нами как отдельное предложение в контекстах: это был человек в пиджаке; человек в пиджаке устал, и будет понято как отдельное предложение в контекстах: человек в пиджаке, и поэтому ему холодно; обезьянка в накидочке, а человек в пиджаке, а также и без всякого контекста при условии предикативной интонации. Однако все эти вспомогательные факторы не связаны с самой сущностью этих предложений и являются общими при всякой нехватке морфологических средств, тогда как ассоциации с предикативными формами словосочетаний (=нулевая связка) заключают в себе именно сущность данного типа словосочетаний.

На ряду с нулевой связкой будет последовательным признать и полно-

весное нулевое глагольное сказуемое, а именно безглагольность в значении настоящего времени изъявительного наклонения глагола *быть* в смысле существования, присутствия, например: *Иванов дома; идите сюда, я в кухне; вы не знаете, где NN?* и т. п.

Так как формы словосочетания этого параграфа во всем аналогичны формам словосочетания предыдущего, то мы ограничимся здесь только примечаниями к тем отдельным пунктам нашей основной таблицы (см. стр. 71), которые их требуют.

Примечания:

К пункту 2. При прошедшем причастии здесь получается комбинация значения настоящего времени в нулевой связке и прошедшего времени в причастии, вследствие чего эти предложения имеют не чисто прошедший смысл, а обозначают прошедшие факты как упирающиеся своим результатом в настоящий момент. *Воровский убит* может быть сказано только или по горячим следам, тотчас же после преступления, или при перечислении недружелюбных актов Польши в связи с современными польско-русскими отношениями. Напротив, *Воровский был убит* есть обозначение исторического факта без всякого отношения к современности. Срвн. неуместность первой формы для давно прошедших времен (*Цезарь убит*) и неуместность второй для свежих фактов (например, если бы *Воровский был убит* было сказано в день самого убийства).

К пункту 4 и 7. Прилагательное возможно здесь только при полном субстантивировании. Само же существительное гораздо реже здесь, чем при наличии связи (т. е. в прошедшем и будущем времени). Можно отметить здесь четыре частных типа сочетаний: 1) сочетания с некоторыми (двумя-тремя) словами, которые специализировались именно в этой роли: *ты виной этому, она причиной этому*, 2) тавтологические сочетания с уступительным смыслом: *разговор разговором, а пора и за дело приняться*, 3) творительный долгостит: *она там—врачом*, 4) творительный сравнения: *нос у него крючком*. В огромном же большинстве случаев сочетание с творительным невозможно (нельзя сказать *он—жителем Крыма, он мне братом, собака животным* и т. д.).

К пункту 6. Синтаксическая неопределенность в отношении подлежащего и предикативного члена здесь еще разче сказывается, чем в соответствующих сочетаниях предыдущего параграфа, так как различие здесь может быть основано только на ассоциациях с теми словосочетаниями, а у тех у самих не всё в этой области благополучно (см. выше).

§ 15. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

В состав этих предложений входят, во-первых, известные нам из предыдущего самостоятельные словосочетания, состоящие из подлежащего и сказуемого и, во-вторых, ряд словосочетаний, которые не имеют самостоятельного характера и находятся в грамматической зависимости (прямой или косвенной) от основного словосочетания: *всю дорогу на кладбище медные трубы хрюпели известный марш, основным словосочетанием является: трубы хрюпели, а зависимыми: медные*

трубы, хрипели марш и т. д. Таким образом, кроме подлежащего и сказуемого, в распространенные предложения входят: 1) управляемые второстепенные члены (косвенные падежи существительных с предлогами и без них), 2) согласуемые второстепенные члены (непредикативные и несубстантивированные прилагательные), 3) примыкающие второстепенные члены (наречия, деепричастия, инфинитивы). „Второстепенность“ здесь, однако, связана не только с зависимостью второстепенных членов от главных, так как тогда и простое личное сказуемое, в силу его зависимости от подлежащего, должно было бы считаться второстепенным членом. Дело тут в том, что только сказуемое и подлежащее образуют самодовлеющее словосочетание, которое может обходиться без членов, называемых „второстепенными“. Эти же последние не могут обходиться без явных или подразумеваемых подлежащего и сказуемого (в известных случаях одного сказуемого).

Так как сочетания второстепенных членов друг с другом и с главными членами в распространеннном предложении могут комбинироваться самым различным образом, то при рассмотрении распространенных предложений удобнее всего разбивать их на двухсловные словосочетания (*хрипели марш, известный марш* и т. д.) и, объединя однородные двухсловные словосочетания в типы, дать систематическое описание этих типов.

Тип I. Глагол + управляемое существительное (или субстантивированное прилагательное). Управление здесь (как, впрочем, и во всех других случаях в распространеннном предложении) либо непосредственное, когда глагол управляет прямо падежом (*вижу что*), либо посредственное, когда глагол управляет падежом посредством предлога (*смотрю на что*). Во втором случае может казаться, что падежом управляет только предлог, так как всякий предлог, как известно, требует какого-нибудь падежа (или нескольких определенных падежей). Но дело в том, что сам-то предлог зависит от глагола, так что, например, глагол *взехать* требует непременно предлога *в*, *отказаться* — предлога *от* и т. д. В тех случаях, когда предлог способен сочетаться с несколькими падежами (см. выше), выбор падежа зависит опять-таки от глагола: *лежать* можно только на чем, а *налечь* только на что и т. д. Далее, и беспредложное и предложное (непосредственное и посредственное) управление может быть либо сильным либо слабым. „Сильным“ управление является в тех случаях, когда между глаголом и падежом или предлогом с падежом имеется необходимая, внутренняя связь. Так, если *вижу* управляет винительным падежом без предлога (*вижу что*), а *смотрю* — главным образом предлогом *на* (*смотрю на что*), то это не случайно: *смотрю* обозначает процесс зрительного восприятия, а *вижу* — его результат (ведь можно „смотреть“ и не „видеть“,

как можно „слушать“ и не „слышать“); название предмета, уже воспринятого зрительным процессом, естественно ставится в непосредственную связь с глаголом (*вижу что*), а название того предмета, на который еще только направлен процесс, ставится в связь со словом, выражающим эту направленность (*смотрю на что*). Та же необходимая связь и, следовательно, сильное управление имеются в сочетаниях: *ем что*; *даю кому*; *присматриваюсь к чему*; *надеюсь на что*; *есорюсь, мируюсь с кем* и т. д. Во всех этих случаях либо значение корня глагола, либо значение его префиксов и суффиксов требует именно данного падежа или глагола (первое — в таких случаях, как *ем*, где требуется объект, или *даю*, где требуется адресат, второе — в таких случаях, как *присматриваюсь к, надеюсь на*). Соответственно невозможны сочетания: *ем чему*; *присматриваюсь во что* и т. д. В сочетаниях же, например, *ем с кем*; *еду с кем*; *читаю с кем* или *ем без кого*; *еду без кого*; *читаю без кого* нет необходимой связи предлога с глаголами, так как здесь выражается простое сопровождение (или отсутствие сопровождения) действия одного субъекта таким же действием другого, а на это способно всякое действие вообще. Что угодно можно делать *с кем-нибудь* и точно так же что угодно можно делать *во сне, весной, на службе, под деревом* и т. д. (не считая, конечно, известных вещественных ограничений). Соответственно возможны сочетания: *под деревом сидел, летал, жил, умирал, заикался, думал, плакал* и т. д. и т. д. Такая зависимость существительного или предлога от глагола и называется слабым управлением. Само собой разумеется, что глагол, имеющий сильное управление, способен и на слабое: *надеяться* можно не только *на награду*, но и *с женой*, *во сне, под деревом* и т. д. Другими словами, слабое управление свойственно всем глаголам, а сильное — лишь некоторым.

Слабо управляемые члены распространенного предложения отличаются следующими особенностями по сравнению с сильно управляемыми:

1. Отнесение их к тому или иному слову часто зависит от порядка слов, так как за отсутствием прочной связи с тем или иным словом они тяготеют просто к ближайшему слову. Например в сочетании: *жаркое из кролика уже приготовлено*, мы объединяем мысленно слова: *жаркое из кролика*, а в сочетании: *жаркое уже приготовлено из кролика* — слова: *приготовлено из кролика*. Наоборот, при сильном управлении сколько бы слов ни отделяли управляемый член от управляющего (*пишу тебе на ужасной бумаге ужасным пером, которое мне удалось найти на твоем забросанном всяkim хламом столе, записку*) связь между тем и другим никогда не теряется.

2. При слабом управлении иногда большое значение приобретают неграмматические факторы (вещественные значения слов,

обстановка и т. п.). Например в предложении: *ешь пирог с грибами* — сочетание с грибами надо отнести к слову пирог, а в предложении: *ешь блины с икрой* — такое же сочетание с икрой — к сказуемому *ешь* только потому, что грибы — в пироге, а икра — на поверхности блина.

3. Слабо управляемые члены часто бывают сцеплены не с отдельными словами, а с целыми словосочетаниями. Например в предложении: *чтоб ты мне вела себя прилично!* дательный падеж (*мне*) невозможно понимать как зависящий исключительно от глагола *вела*, а только от всего словосочетания.

4. Слабое управление создает иногда прямую двусмысленность предложения, разъясняемую только контекстом и вещественными условиями, например, *я знал его ребенком* может обозначать и то, что я в то время был ребенком, и то, что он в то время был ребенком.

Глаголы, способные в той или иной мере к сильному управлению, называются переходными глаголами, а неспособные к нему — непереходными (жить, умирать, расти, кашлять и т. д.). Среди переходных, в зависимости от свойств самого управления, можно различать непосредственно переходные (видеть что) и посредственно переходные (смотреть на что). Некоторые глаголы управляет сразу двумя падежами (двойное управление: *даю кому что*), соединяя иногда непосредственное управление с посредвенным (*завидую кому в чем*). Наконец некоторые глаголы управляет в разных случаях разными падежами (двойное управление) с соответствующим изменением падежного значения: *ищу место* (определенное) и *ищу места* (какого-нибудь).

Среди переходных глаголов особое место занимают глаголы, управляющие винительным падежом: в то время как все другие падежи при замене глагола отглагольным существительным или прилагательным остаются без изменения (*угождаю отцу* — *угождение отцу* — *угодный отцу*), винительный падеж переходит в этих случаях обязательно в родительный (*запрещаю прогулку* и *запрещение прогулки*) или в сочетание к + дательный (*люблю отца* и *любовь к отцу*), почему и получается, что винительный возможен только при глаголе. В силу этой особенно тесной связи с управляемым падежом (т. е. наибольшей степени „переходности“) глаголы, управляющие винительным падежом, следует выделить в особый разряд собственно-переходных глаголов. Эти глаголы отличаются еще и некоторыми другими чертами от прочих переходных глаголов. Так, среди них нет ни одного возвратного глагола (т. е. собственная переходность несовместима с возвратностью, срвн. *держать что*, но *держаться уже чего или за что*); они обладают исключительной способностью образования возвратного залога со страдательным значением (*посещается*, *изучается* и

т. д.), а также страдательных причастий *посещаемый, изучаемый* и т. д.), на что все другие переходные глаголы неспособны (см. стр. 40); они обозначают в основах своих только действие, а не состояние.

Надо отметить, что категория переходности и непереходности имеет обратное значение по отношению к категории возвратности и невозвратности: возвратность тем больше, чем больше связи с субъектом и чем меньше с объектом (см. § 7); переходность же тем больше, чем больше связи с объектом и чем меньше с субъектом. Это как бы две стороны одной и той же категории, чем и объясняется объединение их в школе в одном понятии „залог“.

Переходя от управляющего глагола к управляемому падежу, надо вспомнить, что отдельный падеж существительного есть ряд форм, объединенный комплексом разнородных, но одинаково повторяющихся в каждой из этих форм значений, и имеющий хотя бы в части этих форм собственную звуковую характеристику (*итти лесом, селом, поляной, пустошью, лесами, селами* и т. д., см. § 2). В современном русском языке, согласно с этим определением, необходимо признать пять основных косвенных (т. е. управляемых) падежей (родительный, дательный, винительный, творительный и предложный) и два добавочных (количественный: *сыру, колбасы, соли, сыров, колбас, солей*, и местный: *в лесу, в воде, в грязи, в лесах, в водах, в грязях*). „Добавочными“ два последние могут быть названы потому, что лишь для очень немногих основ они существуют как отдельные падежи, в огромном же большинстве случаев сливаются по звуковым приметам с другими падежами (количественный с родительным, например: *хлеба, овса, скота*, а местный с предложным, например: *в столе, в стуле, в умывальнике, на лошади, на площади*).

Некоторые падежи имеют собственную звуковую характеристику только в одной из составляющих их форм. Таковы: количественный, отличающийся от родительного падежа только формой на *-у* от некоторых слов мужского рода (*сыру, сахару, чаю* и т. д.), и винительный, отличающийся от именительного и родительного только формой на *-у* в единственном числе от слов женского рода на *-а* (*воду, но стол, человек, окно, мать, столы, людей* и т. д.).

Впрочем, осознание винительного падежа поддерживается еще двойственностью замены его то формами именительного падежа (*я вижу стол, поле, мать, столы, поля*), то родительного (*я вижу брата, коня, отцов, материей*). Как известно, выбор заменительных форм (т. е. именительного или родительного падежа) стоит в связи с так называемой „одушевленностью“ и „неодушевленностью“ предмета (исключение составляет только единственное число женского рода на *-ь*, для которых заменительной формой всегда является форма именительного па-

дежа: я вижу матъ, лошадь, рысь и т. д.), причем грамматические категории одушевленности и неодушевленности и здесь иногда не совпадают с логическими (например мы говорим: смотреть на Марса, опираться на бронзового льва, а с другой стороны: увидеть народ, поступить в хлебопеки, нанять подмастерье и т. д.).

Каждый падеж и предлог имеют свои определенные ряды значений. Но за анализом всех этих значений мы принуждены отослать читателя к основному источнику данной брошюры — „Русскому синтаксису в научном освещении“. Здесь же мы укажем для каждого из главных падежей только по одному самому характерному для него значению:

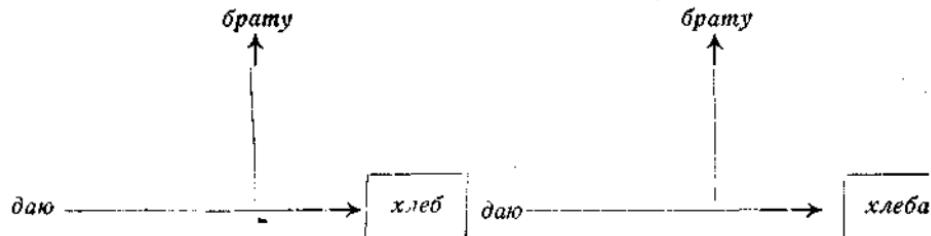
1. Винительный в *внешнего объекта*: крепить смычку, тащить салазки, читать книгу, любить отца, утолять жажду и т. д. и внутреннего объекта, т. е. такого, который возникает только в результате данного действия: печь пироги, строить дом, петь песни и т. д. Этот винительный выражает предмет, на который непосредственно переходит действие, выраженное в глаголе (отсюда и глаголы, управляющие этим винительным, называются „переходными“ или „составно-переходными“). Как видно из примеров, здесь имеется в виду не только физическое воздействие на предмет (*беру книгу*), но и образный переход действия на предмет (*люблю отца, знаю арифметику, утоляю жажду*), причем и сам этот предмет часто бывает образным (*арифметика, жажда*). Винительный объект является падежом наиболее „сильно“ управляемым (другие названия для него: *прямой винительный, прямой объект, прямое дополнение*). Глаголы, управляющие им, всегда допускают страдательный оборот: книга берется, дом строится, отец любят и т. д.

2. Родительный неполного объективирования: купить хлеба, занять денег, одолжить топора, придать сил, вкусить наслаждений, изведать горя, радостей и т. д. Этот падеж тоже обозначает предмет, на который непосредственно переходит действие (причем „переход“ и здесь может быть образным, см. последние примеры), но с добавочным оттенком неполноты перехода.

Предмет, обозначенный этим родительным, не во всем объеме или не все время подвергается действию, выраженному в глаголе. Это особенно ясно при сравнении его с винительным при одних и тех же глаголах и существительных: занять денег и занять деньги, купить хлеба и купить хлеб, одолжить топор и одолжить топора и т. д.

3. Дательный дальнейшего объекта (или „косвенного“, „побочного“ объекта): даю кому, грозжу кому и т. д. Значение этого дательного ясно выступает при соотношениях его с другими падежами, выражаящими направленность действия на объект, а именно: с винительным (даю брату хлеб) и с родительным в его значении неполного-

объектирования (*даю брату хлеба*). Это соотношение можно выразить следующими схемами:

Как в этих, так и во всех подобных случаях (например: *посылаю ему деньги — посылаю ему денег, стелю вам постель и т. п.*) действие направлено одновременно на два предмета, но винительным и родительным падежами выражается непосредственная направленность, дательным же — опосредованная или вторичная, добавочная направленность. Когда мы кому-нибудь что-нибудь *даем*, ближайшим, непосредственным объектом является, конечно, тот предмет, который мы держим в руке, а не то лицо, к которому мы его протягиваем. Характерно, что ни при одном глаголе значение дательного не бывает связано с необходимостью непосредственного физического воздействия, как это часто бывает при винительном (*бить, резать, давить, тянуть* и т. д.).

4. Творительный орудия (в широком смысле слова): *рубить топором; резать ножом; добиваться хитростью; действовать внушением, просьбой, насилием* и т. д. Значение это не требует разъяснений.

5. Предложный падеж всегда соединен с предлогом, и поэтому отношение выражается не им, а главным образом предлогом (как и во всех предложно-падежных сочетаниях). В силу этого указать какое-нибудь специфическое значение для этого падежа мы затрудняемся.

Тип II. Существительное (или субстантивированное прилагательное) + управляемое им непосредственно или посредственно другое существительное (или субстантивированное прилагательное). Здесь возможны два основных случая:

1. Существительное управляет тем же падежом (или тем же предлогом с падежом), что и однокоренной с ним глагол (*мщенье врагу — мстить врагу, тоска по родине — тосковать по родине*), или глагол, сходный с ним по вещественному значению (*недостаток в сырье, нуждаюсь в сырье*), или, наконец, глагол, который может часто сталкиваться с ним в словосочетаниях (*береза на краю оврага завяла — береза: расстел на краю оврага*). Во всех этих случаях управление при существительном равняется по управлению глагольному, и, следовательно, здесь нет ничего специфически присущестивного (т. е. свойственного именно связи с существительным).

2. Специальное присубстантивное управление, не имеющее соответствий с глагольным. Все случаи второго рода можно свести к следующим трем рубрикам:

1) родительный присубстантивный со значениями: а) принадлежности (*стол отца, ножка стола, драма Горького*), б) определения (*тип скупца, идея социалистического соревнования*, в) количества (*рюмка вина, килограмм овса*), г) субъекта действия (*любовь отца, противодействие кулака*), д) объекта действия (*рубка леса, завоевание Мексики*);

2) Дательный присубстантивный (*награда изобретателю для завода оккупилась, срвн.: награждаю изобретателя; он вспомнил свое осуждение отцу, срвн.: осуждаю отца*);

3) присубстантивное сочетание: *K+дательный существительного (любовь к отцу, уважение к товарищу и т. д., срвн.: люблю отца, уважаю товарища)*.

Тип III. Прилагательное + управляемое им непосредственно или посредственно существительное (или субстантивированное прилагательное).

Это приадъективное управление, т. е. управление при прилагательных (от лат. *adjectivum* — прилагательное), возможно, главным образом, при нынешних или бывших глагольных прилагательных (не причастиях!). Как и в предыдущем типе, управление здесь может быть или тождественно с управлением соответствующего глагола (*усталый от чего — устаю от чего, склонный к чему — склоняю к чему и т. д.*) или не тождественно (*знакомый кому или чему, но знаю кого или что, полный чего или чем, но наполняю только чем и т. д.*). При всех прочих прилагательных, т. е. не связанных прямо или косвенно (в прошлом языка) с глагольностью, возможны только две управляемых формы:

1) Творительный ограничения: *сильный волей, белый теплом и т. д.*

2) Родительный количественный множественного числа (или единственного от имен собирательных) с предлогом *из* при превосходной степени: *лучший из нас, храбрейший из батальона и т. д.*

Тип IV. Сравнительная форма + управляемый ею родительный падеж существительного (или субстантивированного прилагательного): *более снега, крепче стали и т. д.* Сравнительная форма при этом может функционировать то как прилагательное (... *девичьи лица ярче роз, П.*), то как наречие, относясь к глаголу (он играет *лучше Гофмана*). В последнем случае при сочетании с переходными глаголами получается иногда двусмысленность, например: *я вижу его чаще вас может означать и чаще, чем вы* (родительный субъекта), и *чаще, чем вас* (родительный объекта).

Тип V. Составное сказуемое + управляемое им непосредственно или посредственно существительное (или субстантивированное прилагательное): он был брат учителя, он был готов на все, лица были ярче роз. Как видим из этих примеров, этот тип не самостоятелен и складывается из трех последних типов (*брат учителя*, *готовый на все, ярче роз*). Но нередко тут возможен и дательный присубстантивный при таких существительных, при которых он в непредикативных сочетаниях невозможен (например: *он был брат учителю*).

Тип VI. Прилагательное + вызывающее в нем согласование существительное (или субстантивированное прилагательное): белый цветок, хорошему человеку и т. д.

Тип VII. Существительное (или субстантивированное прилагательное) + ~~п~~ имыкающая к нему сравнительная форма: купить бумагу более, нитки тоньше и т. д.

Тип VIII. Однопадежные сочиненные сочетания. Этот тип можно разбить на два подтипа:

1. Цельные сочетания из сочиненных существительных: гражданин Иванов, умница-дочь и т. п. (то, что в школе называется „приложением“). Как указано было раньше (см. § 8), словарные условия делают здесь одно из существительных преобладающим над другим, т. е. создают здесь отношение подчинения (так, *гражданин*, как понятие видовое, является подчиненным по отношению к *Иванов*, как понятию индивидуальному).

2) Раздвоенные сочетания существительного и прилагательного: муж жену любит работящую; я нашел его у.ворот сидящего на скамейке и т. д. Эти сочетания сходны внешне с типом VI (прилагательное + существительное), но здесь падеж прилагательного подчинен не существительному (как в типе VI), а прямо глаголу, наравне с существительным. Муж жену любит работящую воспринимается не как простая перестановка сочетания муж любит работящую жену, а как любит жену, любит работящую (как бы любит жену, когда она работает). причем эти два винительных жену и работящую сознаются как параллельные и равноправные, в отличие от типа VI. Изредка возможны еще тут и два существительных, как в предыдущем подтипе (например: муж жену любит работницу), но в общем этот тип почти вымерший, так как второй винительный здесь совершенно вытеснен уже творительным (муж жену любит работящею, работницей). Только три прилагательных: один, сам и весь никогда не употребляются в творительном (нельзя сказать: я видел его одним, самим, всем, а только: я видел его *одного, самого, всего*).

Тип IX. Однопадежные сочиненно-подчиненные соче-

тания с союзом *как* между падежами: *брат, как специалист* должен это знать; он как ученый никуда не годится; я признаю Толстого как художника, но не как философа.

Сочетания эти названы нами сочиненно-подчиненными из-за того, что однопадежность создает здесь (как и в предыдущем типе) сочинение, а союз *как* выражает и здесь (как и между предложениями) отношение не обратимое (срвн.: *специалист, как брат, должен все это знать*), т. е. создает подчинение. Союз *как* — единственный, способный наподобие предлога создавать подчинение внутри предложения (срвн. стр. 24).

Тип X. Глагол + примыкающий к нему инфинитив: *собирается охотиться, сел заниматься* и т. д. Сопоставляя словосочетания: *он собирается на охоту* — *он собирается охотиться*
он сел в кресло — *он сел заниматься*

видим, что в правых примерах глаголы делаются отвлеченнее, чем в левых, вещественное значение их бледнеет почти так же, как и в составных сказуемых, и центр тяжести переносится на инфинитив, аналогично перенесению его там на присвязочный член. Так, в сочетании: *он собирается охотиться* глагол обозначает не столько самые сборы, сколько намерение, в *сел заниматься* ясен оттенок начала действия и т. д. В результате получается особо цельное сочетание, которое некоторые авторы даже называют двойным сказуемым, а побледневший в своем значении глагол — инфинитивной связкой. Оттенок этот в той или иной степени свойствен каждому сочетанию рассматриваемого типа, но в одних он почти неуловим (например: *отказывается продать, забыл выполнить*), а в других доходит до полной цельности сочетания и полной связочности собственно-глагола (например: *пошел фантазировать* в смысле начал фантазировать, *стал писать*, срвн. тот же глагол *стать* как связку в составном сказуемом).

Тип XI. Существительное + примыкающий к нему инфинитив: *свойство краснеть, способ поднять производительность* и т. д.

Тип XII. Прилагательное + примыкающий к нему инфинитив: *способный любить, склонный лениться* и т. д.

Тип XIII. Составное сказуемое + примыкающий к нему инфинитив: *я рад вас видеть, он мастер организовывать* и т. д.

Тип XIV. Глагол + примыкающее к нему наречие: *пишет хорошо, читает вслух* и т. д.

Тип XV. Наречие + прилагательное, к которому оно примыкает: *замечательно красивый, слегка пьяный* и т. д.

Тип XVI. Существительное + примыкающее к нему наречие. Эти сочетания возможны почти исключительно при глагольных существительных: *езды верхом, бег взапуски* и т. д.

Тип XVII. Глагол + прымкающее к нему деепричастие: идет спотыкаясь, пишет сидя и т. д.

Тип XVIII. Наречие + другое наречие, к которому оно прымкает: очень охотно, чуть-чуть вправо и т. д.

Тип XIX. Связочные, но не предикативные: быть командиром, бывши командиром, бывший командиром и т. д. Глагол здесь не имеет вещественного значения (быть не значит здесь „существовать“), но составного сказуемого эти сочетания не образуют, так как связка здесь не в форме собственно-глагола.

Примечание:

К типам I, X, XIV и XVII нужно сделать одно важное пояснение: термин „глагол“ употреблен здесь в широком смысле (собственно-глагол + инфинитив + + причастие + деепричастие), так что каждый из этих типов имеет четыре варианта. Так, например, тип X обнимает не только такие сочетания, как садиться писать, но и такие, как садиться писать, садящийся писать, сядясь писать (срвн. § 7, стр. 42).

§ 16. ГЛАГОЛЬНЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Предложения, которые рассматривались в предыдущих главах, все строились по схеме: „подлежащее + сказуемое + (в части случаев) второстепенные члены“. Если и встречались среди них предложения без подлежащего (еду, знаете) или без сказуемого (ты куда?), то эти недостающие члены легко было в них восстановить по окружающим формам. В данном же параграфе будут рассматриваться предложения, в которых по самой сущности их не может быть подлежащего; это так называемые безличные предложения. Для понимания их необходимо ознакомиться с понятием безличного глагола. Безличные глаголы отличаются от всех остальных глаголов, называемых в противоположность им личными, тем, что они имеют только одну форму 3-го лица единственного числа (светает, смеркается, тошнит, спится и т. д.), а в прошедшем времени — форму среднего рода единственного числа (светало, смеркалось, спалось и т. д.). Однако эти формы сознаются в них смутно, так как для ясного осознания всякой формы необходимо ассоциировать ее с двумя рядами форм („горизонтальным“ и „вертикальным“, см. схему в § 1). Здесь же возможна ассоциация только с горизонтальным рядом, т. е. с такими формами, как читает, работает, веселится и т. д., вертикального же ряда, который звучал бы, как светаю, светаешь и т. д., а для прошедшего времени светал, светала и т. д., здесь нет. В результате создается резкая разница в ощущении между светает и работает, светало и работало. 3-е лицо и средний род безличных глаголов — какие-то не настоящие категории по сравнению с теми же категориями у лич-

ных глаголов. В отношении других категорий безличные глаголы ничем не отличаются от личных глаголов, так как они имеют и времена (*светает — светало — будет светать*) и наклонения (*светает — светало бы — пусть светает*), и виды (*рассветало — рассвело*), и отчасти залоги (*светает — смеркается*).

Обладая категориями времени и наклонения, создающими сказуемость, безличный глагол в предложении образует сказуемое, но сказуемое особого рода, а именно такое, которое не только не может иметь при себе подлежащего, но не может и намекать на какое-либо определенное подлежащее, так как намек этот возможен только при помощи форм согласования (лица, числа и рода в прошедшем времени), а этих форм здесь как раз не имеется. Таким образом с внутренней стороны эти предложения можно определить как предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли; с внешней же стороны как несогласуемый ни с чем глагол или в случае распространенности: несогласуемый ни с чем глагол + зависящие от него второстепенные члены. Согласно с названием глаголов, их образующих, и самые предложения называются безличными. Безличные глаголы морфологически могут быть разделены на две группы: 1) такие как: *светает, дождит, тошнит* и т. д., 2) такие как: *спится, хочется* и т. д. Формы первого типа немногочисленны. Второй же тип отличается большой распространенностью и продуктивностью, поскольку формы его можно образовать от каждого глагола: *мне спится, мне говорится, мне читается, мне гуляется* и т. д. (за исключением большинства возвратных глаголов, где наличие 1-го и 2-го лица в возвратной форме слишком выделяет и в данной форме ее третьесличное значение, благодаря чему безличный смысл делается невозможным или затрудненным: *мне умывается, мне смеется*). К оттенку безличности в них присоединяется еще оттенок легкости действия (*мне говорится = мне легко говорить*).

К безличным относятся не только предложения с безличными глаголами, но и предложения с глаголами личными, употребленными в смысле безличных. Степень приближения личного глагола к безличности может быть различна. Так, в глаголах: *рвет (его рвет), тянет (руку тянет), меркнет, хватает (хлеба хватает)* имеется наибольшая степень этого приближения, так как подлежащее при сохранении именно данного смысла глагола при них невозможно, возможно только при перемене значения (*я рву, я тяну и т. д.*). В таких же выражениях, как *в ухе болит, громож убило, глаголы болит, убило* отмечаются меньшей степенью безличности, так как подлежащего здесь не терпит все сочетание в целом, глаголы же *болит, убило* без изменения своего смысла могут быть употреблены и при подлежащем (*ухо болит, бревно*

убило). Наконец такие безличные предложения как: *дует*, *здесь дует* вплотную подходят к неполным личным предложениям (с опущенным подлежащим), так как подлежащее здесь не только допускается и самим глаголом и сочетанием в целом, но и очень часто употребляется (*ветер дует*, *здесь ветер дует*). Предложения эти можно понимать то как безличные, то как личные неполные в зависимости от того, будет в них сознаваться согласование сказуемого с опущенным подлежащим или нет (срвн. тургеневское *стучит!* в „Записках охотника“ с тем же словом, сказанным хозяином, ожидающим определенного гостя и заслышавшим стук в дверь).

В безличном смысле может употребляться и глагол *быть*, который точно так же, как и в личных предложениях (см. § 13), может выступать и в роли полного глагола (со значением бытия, существования) и в роли глагола связки. Вот примеры на оба эти случая, обнаруживающие, кроме того, возможность безличного нулевого сказуемого (пример А) и безличной нулевой связки (пример Б).

- А) *Там было работы на две недели.*
Там работы на две недели.
Там будет работы на две недели.
Там было бы работы на две недели.
- Б) *Мне было холодно.*
Мне холодно.
Мне будет холодно.
Мне было бы холодно.

Относительно нулевой формы надо заметить, что в некоторых случаях (а для отрицательных предложений во всех случаях) при значении бытия (не связочном) в безличных оборотах необходима замена ее бесформенными словами *есть* (мне есть о чем подумать, без слова *есть* сказать нельзя) и *нет* (у меня нет чего-либо), тогда как в личных оборотах такой необходимости не наблюдается. Эти *есть* и *нет*, конечно, безличны по соотношению с *было* и *не было*.

Все предикативные слова при безличной связке *было* — *будет* можно называть *безличными предикативными членами*, имея в виду, что безлично-предикативное значение одинаково свойственно им всем, независимо от того, приближаются ли они к наречиям и кратким прилагательным (*холодно*), или к существительным (*время, досада*), или к причастиям (*найдено, убито*), или не связаны ни с какой частью речи *нельзя, жаль*.

Во всех тех случаях, когда личный глагол употребляется в смысле безличного, *безличность предложения* создается уже не глаголом как таковым, а определенной формой самого предложения,

под влиянием которой глагол меняет свое личное значение на безличное. Таким образом в языке получаются определенные типы безличных предложений, определенные безличные конструкции. Все их можно свести к следующим девяти группам, из которых первые две уже упоминались выше:

1. Глагол 3-го лица (а в прошедшем времени среднего рода) с существительным в винительном падеже или в разных падежах с разными предлогами для обозначения различных ощущений: *руку тянет*, *в ухе звенит*, *под ложечкой давит* и т. д.

2. Глагол 3-го лица (а в прошедшем времени среднего рода) с существительным в творительном падеже для обозначения различных стихийных явлений (природы и социальной жизни): *текением относит*, *громом убило*, *революцией пахнет* и т. д.

3. Безличное составное сказуемое, состоящее из безличной связки (при глаголе *было* — будет в настоящем времени нулевой) и безлично-предикативной формы на *-о*, часто с дательным субъекта и с инфинитивом, характерным для конструкций: *было весело*, *сделалось тепло*, *будет смешно*, *тяжко смотреть*, *мне холодно ехать*. Вместо формы на *о* может быть и сравнительная форма: *мне стало теплее*. Безлично-предикативный член в этих словосочетаниях всегда более или менее приближается по значению к наречию и во всяком случае резко отличается от краткого прилагательного среднего рода в таком же положении: *было известно*, *было свойственно*, *было полезно*. Эти последние образцы явно нуждаются в подлежащем (что было известно, что было полезно и т. д.) и поэтому относятся к неполным личным предложениям. При этом подлежащим для них чаще всего бывает целое придаточное предложение (*известно, что бытие определяет сознание*), а иногда и инфинитив (*человеку свойственно ошибаться*, срвн. стр. 60); таким образом такие внешне совершенно сходные сочетания как *мне было холодно ехать* и *мне было свойственно краснеть* глубоко различны внутренне. В первом из них подлежащее среднего рода единственного числа невозможно (срвн. необычность и неуклюжесть оборота *мне было холодно это утро*, где существительное скорее всего было бы понято как винительный времени, а не как подлежащее) и в связи с этим формы на *-о* (*было, холодно*) не сознаются как формы согласования. Во втором же примере такое подлежащее вполне обычно (*мне было свойственно великодушие*) и в связи с этим связка *было* вместе с прилагательным *свойственно* явно указывают на согласование с подлежащим среднего рода единственного числа, заместителем какового и является в данном случае инфинитив. Первое предложение останется полным и при опущении инфинитива (*мне было холодно*); второе же станет в таком случае не-

полным (*мне было свойственно*). В первом предложении дательный падеж (*мне*) не связан в отдельности ни со словом *было*, ни со словом *холодно*, а с обоями этими словами вместе (*холодно было*), т. е. с самой безличной конструкцией (подобно дательному в других безличных предложениях: *мне нездоровилось, мне хотелось и т. д.*); во втором предложении дательный падеж зависит исключительно от прилагательного *свойственно*, и эта зависимость вовсе не указывает на безличность, так как данное прилагательное и во всяком другом положении управляет дательным падежом (*доброта была ему свойственна*).

Из всех этих сопоставлений ясно, что первое предложение является цельным безличным оборотом, а второе — личным и распадающимся на две части (подлежащее и сказуемое). Однако разобраться на практике в подобных сочетаниях не всегда легко. Например, такие предложения как: *бесчестно было так поступать со мной, интересно отметить, гулять полезно и т. д.* можно понимать и безлично и лично, смотря по тому, ассоциируем мы их в момент произнесения с типом: *мне холодно кататься и т. д.* или с типом: *такой поступок бесчестен, моцион полезен и т. д.*

4. Та же конструкция с бесформенным словом в качестве безлично-предикативного члена. Здесь возможны следующие виды бесформенных слов:

а) *можно, должно, надо, нужно* и некоторые другие, внешне сходные с предикативными членами предыдущего типа, а иногда и внутренно с ними соприкасающиеся (сравн. *можно и возможно*);

б) *жалъ, пора, нельзя, смех* (*смех было смотреть*), *охота, лень* и т. д. Эти безлично-предикативные члены сопредельны с существительными в именительном падеже (соответственно происхождению). На живую связь некоторых из них с существительными указывает, например, разговорное *такая жаль*, а также возможность употребления многих из них и в безличном и в личном смысле (*охота было и охота была, мне ужасно лень и какая вам лень работать*).

в) местонменные наречия: *некогда, некуда, нечего, незачем* и т. д. (*некуда сесть, нечего было делать и т. д.*).

5. Причастное безличное составное сказуемое, т. е. *безличная связка было—будет + страдательное краткое причастие на -o: за доктором было послано, спроектировано было удвоить продукцию и т. д.* И здесь характерными, хотя и не обязательными членами, являются дательный падеж и инфинитив, и тоже возможно иногда личное и безличное понимание в зависимости от того, сознаются ли формы на *-o* как формы согласования или нет.

6. Безличный (или личный со значением безличного) глагол *+*

+ дательный падеж существительного (не всегда) + инфинитив: *придется принадеть, стоит взяться за дело, мне не удается приехать и т. д.* Рядом с дательным субъекта возможен и дательный адресата (*мне не удается послать вам письмо*), причем различаются они главным образом при помощи порядка слов (на первом месте субъект, на втором адресат). Колебания между личностью и безличностью и здесь вполне обычны. Во многих сочетаниях этого рода глагол сам по себе терпит подлежащее (*предстоит поехать и предстоит поездка, удалось поехать и удалась поездка*), однако это еще не дает оснований всегда считать в них инфинитив заместителем подлежащего, а их самих личными предложениями. Дело в том, что инфинитив вообще плохая замена для подлежащего, так как он слишком глаголен для него, поэтому роль подлежащего можно за ним признавать только по необходимости, когда окружающие формы указывают на личный характер предложения и как бы требуют подлежащего. Здесь же, напротив, глагол явно тяготеет к безличности, так как *предстоит поехать* воспринимается в нашей мысли в соответствии не с такими сочетаниями как *предстоит поездка*, а с такими, как: *приходится поехать, стоит поехать*, где глагол несомненно безличен.

7. Отрицательные предложения с личным непереходным глаголом в роли безличного и с управляемым существительным в родительном падеже: *не было денег* (в настоящем времени *нет денег*), *не слышалось ни звука, известий не поступало* и т. д.

При утвердительной форме эти предложения переходят в личные: *не слышалось ни звука — слышался звук* и т. д., причем на месте родительного оказывается тогда подлежащее. При переходных глаголах такой безличный оборот невозможен, так как тогда получаются два управляемых падежа, что приводит к бессмыслице (*рабочий угрожал хозяину — рабочего не угрожало хозяину*). При собственно-переходных глаголах получаются два родительных: родительный вместо подлежащего и родительный вместо прямого винительного, что тоже дает бессмыслицу (*брать читал книгу — брата не читало книги*).

8. Отрицательные предложения со страдательным безличным [составным сказуемым] и с управляемым существительным в родительном падеже: *не было дано никаких распоряжений, преступников не было найдено*. При переходе в утвердительную форму безличный оборот и здесь переходит в личный (*преступники были найдены*).

9. Личный глагол в роли безличного или безличное страдательное причастное составное сказуемое + количественное наречие (или равнозначное предложно-падежное

сочетание): толпится много народу, найдено много денег, работы было на две недели.

На месте наречия в этих оборотах может быть и существительное, или численное (*нас было двое, пришло пять человек*), или вообще с количественным значением (*народу свихалось пропасть, пустяки осталось и т. д.*). В таких предложениях получается смешение личного и безличного оборотов. Их можно бы назвать „безличными предложениями с именительным количества“. Употребляются они на ряду с личными: *пять человек пришли и пять человек пришло* одинаково обычны.

В заключение для удобства обозрения и запоминания обозначим каждый из рассмотренных девяти типов безличных предложений следующими наиболее ходовыми фразовыми примерами: 1) *в ухе звенит*, 2) *громом убило*, 3) (*мне*) *холодно было (ехать)*, 4) (*мне*) *можно было (ехать)*, 5) (*мне*) *приказано было (ехать)*, 6) (*мне*) *следовало (ехать)*, 7) *не было хлеба*, 8) *не было ничего сделано*, 9) *было много хлеба*.

§ 17. ГЛАГОЛЬНЫЕ НЕОПРЕДЕЛЕННО - ЛИЧНЫЕ И ОБОБЩЕННО - ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Возьмем два примера:

1. *Говорят, что этот завод скоро будет построен.*
2. *Упустишь огонь — не поймаешь* (посл.).

В первом примере нет подлежащего, но несмотря на это его нельзя причислить ни к неполным предложениям с опущенным подлежащим, ни к безличным. От неполных предложений он резко отделяется неопределенностью подлежащего, которое не может быть здесь взято ни из обстановки речи, ни из предыдущей или последующей речи, как это всегда бывает в неполных предложениях (срвн. то же *говорят*, сказанное по адресу присутствующих или раньше упоминавшихся лиц). Другими словами, подлежащее в этих предложениях недосказано не случайно, как в неполных предложениях, а намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное. Эта черта сближает их с безличными предложениями. Но в то время как в безличных предложениях типа: *вечереет, светает* форма 3-го лица единственного числа теряет свое прямое значение, в рассматриваемых предложениях лицо и число глагола-сказуемого сохраняют все свое обычное значение (3-е лицо указывает на то, что действует не говорящий и не слушающий, а тот, о ком говорят, а множественное число — что действует не один предмет, а несколько). Таким образом при сравнении с безличными предложениями эти предложения оказываются личными, а среди последних выделяются неопределенностью подлежащего. Поэтому их лучше всего называть неопределенными.

Подобно только что рассмотренным предложениям некоторый уклон к безличности имеется и в предложениях со сказуемым во 2-м лице единственного числа (второй пример). В предложениях этого рода часто бывает даже и подлежащее, т. е. слово *ты* (*неудается, хоть ты что хочешь делай!*), но это *ты* значит здесь не то, что обычно. Дело в том, что каждое слово вообще может быть употреблено и в общем и в частном смысле. В предложении: *человек входит в дом*, слово *человек* имеет частный смысл, так как обозначает определенное лицо, которое я вижу, за которым наблюдаю; в предложении же: *человек смертен* под „человеком“ разумеется всякий человек, человек вообще. Подобно этому в последнем нашем примере имеется в виду не тот *ты*, к которому обращена речь, а всякий *ты*, *ты* вообще. Этот-то обобщающий оттенок в подлежащем составляет характерную особенность рассматриваемых предложений. Считать их безличными по признаку отсутствия слова *ты*, конечно, нет никаких оснований, так как местоименные существительные 1-го и 2-го лица вообще очень часто опускаются (см. § 12). Ближе всего они подходят к таким предложениям как: *еду-еду, следу нету; охотно мы дарим, что нам не надобно самим; ищите и обрящете*, где при явном или подразумеваемом местоименном подлежащем точно так же обобщены другие лица и числа. Но так как излюбленной формой обобщения в этом случае является в русском языке все-таки 2-е лицо единственного числа, то полезно выделить рассматриваемые предложения в особый тип обобщенно-личных.

§ 18. НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Номинативными называются те предложения, в которых сказуемым является именительный падеж существительного и в которых, следовательно, по самой природе их не может быть ни подлежащего, ни глагольного сказуемого. По внешности они очень близко подходят к неполным предложениям с подлежащим и с опущенным сказуемым, но отличаются от них одной чертой — обязательным отсутствием при глагольных членов. Возьмем пример из описания сцены в начале драматического произведения: *Бедная, но чистенькая комната. В глубине дверь в переднюю; слева от зрителя дверь во внутренние комнаты (О.)*. Здесь имеются три предложения и ни в одном из них нет глагола, однако только первое из них является номинативным, так как два остальных имеют такие слова (*в глубине, слева от зрителя*), которые в данной связи ни к чему иному не могут быть отнесены, как только к какому-то глаголу или какому-то составному сказуемому (например: *видна, идет, виднеется: в глубине*

видна дверь и т. д.). Правда, в таком контексте этого глагола-сказуемого никогда не бывает налицо, но „приглагольные“ слова определенно указывают то синтаксическое „место“, которое может быть им заполнено. Таким образом, если в предложении есть наречие или косвенный падеж существительного, и эти члены не могут мыслиться именно при самом именительном (что мы имеем, например, в данной связи в сочетании *дверь в переднюю* или в названиях литературных произведений: *Домик в Коломне*, *Вечера на хуторе близ Диканьки*, *Луна с правой стороны* и т. д., срав.: *у меня сегодня луна с правой стороны*), то такое предложение является неполным (с опущенным сказуемым), а не номинативным. Так как сказуемость номинативных предложений очень мало имеет общего с глагольностью, а следовательно и с категориями времени и наклонения, то предложения, в которых имеется значение прошедшего или будущего времени и косвенных наклонений, хотя бы и не было в них приглагольных членов, должны быть тоже отнесены к неполным, например:

И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз (Г.).

... день, только день один:

И казней нет, и всем свобода (П.)...

Первый пример — со значением прошедшего времени, а второй со значением будущего. Настоящее время как „нулевое“ и вдобавок способное в высшей степени к „расширению“ (см. § 12) не нарушает номинативного характера предложений.

Соответственно значениям именительного падежа, рассмотренным в главе о „сказуемости“ (см. § 11), номинативные предложения бывают трех видов:

1. Экзистенциальные (бытийные) предложения: *Весенние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей...* (Ч.).

2. Указательные предложения: *Вот мельница. Она уж развалилась (П.)*. Местоимение *вот* не является, конечно, наречием, так как не стоит ни в какой предпочтительной связи с глаголами и относится обычно ко всему предложению (*вот Иван Иванович идет*). В то же время это и не служебное слово, так как явно само себе довлеет и употребляется часто в одиночку без всякого отнесения к предыдущей или последующей речи, а только к обстановке (с указательным жестом). Мы считаем его само по себе предикативным (наподобие *есть, нет* и *на*, см. § 11), берущим на себя часть высказывательной силы и разделяющим предикативность с именительным падежом.

3. Назывные предложения. Примеры для них легко найти на любой книжной обложке или вывеске.

§ 19. ИНФИНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

В этих предложениях сказуемым является инфинитив сам по себе, т. е. вне его отношений к собственно-глаголу или к глагольной связке. В связи с глагольностью сказуемого в инфинитивных предложениях обычно имеется член, обозначающий деятеля. Таким членом служит дательный существительного при инфинитиве, являющийся, следовательно, дательным действующего лица (субъекта). Этот дательный не надо смешивать с возможным и здесь обычным дательным объектом адресата. Так, в предложении: *как мне сказать ему о вас?* второй дательный обозначает адресата. По оттенкам в значении инфинитива, всегда связанным с интонационными различиями, инфинитивные предложения можно подразделить на следующие типы:

а) предложения с оттенком объективной необходимости действия (= безличным: *предстоит, суждено, придется*): *Быть бычку на веревочке, Не видать тебе свету белого и т. д.*;

б) предложения субъективной необходимости действия (= безличным должно, подобает, полагается и т. д.), иногда, кроме того, с оттенком повеления (все современные газетные заголовки: *Поднять производительность труда. Усилить надзор и т. д., сюда же и Молчать! Не шуметь!* и т. д.);

в) предложения желания ... еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку... (Л.);

г) предложения колебания, нерешительности: *пойти, со снуть что ли, пойти посмотреть...*

Все эти значения могут различным образом комбинироваться (а отчасти и модифицироваться в процессе комбинации) со значениями вопроса и восклицания в вопросительных и восклицательных положениях. (*Что делать?, Обмануть меня! и т. д.*), со значениями сослагательного наклонения в связи с прибавлением частицы *бы* (*послать бы нарочного; нам бы только организовать работу*) и со значениями различных типов придаточных предложений (*коли ехать, так ехать; спешу, чтобы поспеть*).

§ 20. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Сравнивая попарно предложения:

Гроза прошла.

Гроза не прошла.

Он уехал в Москву.

Он уехал не в Москву.

Я интересуюсь этой книгой.

Я интересуюсь не этой книгой,

находим следующее: левые и правые предложения формально различны, так как отношения между словами в них не везде одинаковы (различны там, где в правых вставлено *не*), причем различие это выражено не

формами отдельных слов, которые в тех и других предложениях совершенно одинаковы, а формами словосочетаний, и притом не порядком слов и не интонацией (которая, во всяком случае, может быть здесь абсолютно одинакова), а исключительно присутствием в правых предложениях бесформенного словечка *не*, имеющего чисто формальное значение так называемого „отрицания“. Таким образом формы словосочетаний, в составе которых имеется это *не*, образуют в языке категорию отрицания. Сущность этой категории сводится к тому, что связь между двумя представлениями отрицается, т. е. сознается, что такая-то связь, выраженная такими-то формами слов и словосочетаний, реально не существует. Так, в предложении *гроза не прошла* при помощи *не* отрицается реальность связи между представлением о грозе и представлением о ее миновании. Выражение нереальности связи между двумя представлениями мы имели и в косвенных наклонениях (повелительном, условном, желательном и т. д.), но там эта нереальность выражается не прямо: наклонения эти выражают, собственно, возможность, желательность, необходимость и т. д. связи, а нереальность уже вытекает из этих значений (предполагать, желать, считать необходимым можно только то, чего в действительности нет). Напротив, в категории отрицания выражается прямая нереальность, без всякого отношения к идеям возможности, необходимости и т. д. Кроме того категория отрицания общее, так как с ее помощью можно отрицать любую связь между двумя любыми представлениями, а с помощью категории наклонения — только связь между деятелем и его действием. Но несмотря на эти отличия, категория отрицания входит, конечно, в тот же разряд „субъективных“ категорий (см. § 3), что и категории наклонения, потому что и она обозначает не отношения между представлениями самими по себе, а отношение говорящего (и слушающего) к этим отношениям. Так, отношение между представлением о грозе и представлением о ее миновании само по себе абсолютно одинаково и в *гроза прошла* и в *гроза не прошла* (что ясно уже из тождества формы слова *прошла* в обоих случаях). Дифференцируется оно только говорящим, который признает его в первом предложении реальным, а во втором нереальным, высказывая, таким образом, свое собственное отношение к этому отношению.

Отрицательные предложения могут быть двух видов: 1) общепротиворечительные (или собственно-отрицательные) предложения, в которых отрицание стоит при сказуемом, в силу чего *всё* высказывание делается отрицательным: *гроза не прошла*, и 2) частнопротиворечительные предложения, в которых отрицательная частица стоит не при сказуемом, а при другом каком-либо члене, в силу чего общий смысл всего высказывания остается положительным (см. выше 2-й и

3-й примеры). Если я говорю, что я интересуюсь не этой книгой, то этим самым я указываю, что какой-то книгой я все же интересуюсь, если я говорю, что *NN уехал не в Москву*, то я тем самым сообщаю об его отъезде куда-то. Таким образом только то отрицание, которое относится к сказуемому, способно создать отрицательную мысль. Этим окончательно подтверждается высказанное при рассмотрении самой категории сказуемости (см. § 11), но не разделяемое некоторыми учеными положение, что только сказуемое выражает акт мысли. Особенно показательно то, что даже отрицание при подлежащем является частным (например сочетание *не он ходит* скрывает в себе утверждение, что кто-то другой ходит, тогда как сочетание: *он не ходит* не заключает в себе утверждения, что он делает что-то другое). Объясняется это тем, что в отношениях сказуемого к подлежащему (которые ведь совсем иные, чем отношения подлежащего к сказуемому, ибо это случай необратимых отношений, см. § 11) имеется, между прочим, и отношение к реальности (через посредство категории наклонения: *ходил*, *ходил бы* и т. д.), почему отрицание их и создает полную нереальность. В отношениях же подлежащего к сказуемому, как и во всех других отношениях языка, не заключено отношения к реальности, почему и отрицание их создает только нереальность данной связи, но не нереальность самой мысли.

В русском письменном языке кроме *не* есть еще отрицательная частица *ни*. Она, впрочем, не является никогда чистым отрицанием, а всегда служит и для других целей (либо для связывания однородных членов на правах союза, например: *я не видал ни его, ни ее, ни ее брата*, либо для усиления в качестве усиливательной частицы, например: *он не сказал ни словечка*, либо, наконец, для обобщения, например: *куда я ни смотрел, нигде не мог его найти*, причем в последнем случае отрицательное значение сходит совсем на нет). Отрицательная роль в предложении принадлежит и некоторым полным словам, в состав которых входят те же частицы *не* и *ни*, например: *нет* (в смысле „не существует“), *нельзя*, *никто*, *ничто*, *ничем*, *нигде* и т. д. Это так называемые отрицательные члены предложения (не смешивать с такими словами как: *неправда*, *небольшой* и т. д., где кроме отрицательного элемента значения есть и положительный, приближающий эти слова к словам *ложь*, *маленький* и т. д.). Отрицательные члены могут употребляться в нашем языке по большей части только в сочетании с отрицательными частицами (нельзя, например, сказать: *никто его видел*, а только *никто его не видел*).

Отрицательные предложения отличаются иногда и особой конструкцией. Так, в них имеется специальный родительный на месте винительного при собственно переходных глаголах (*вижу книгу — не вижу книги*)

и на месте именительного в безличных предложениях (не проходило дня, не было денег, см. § 16).

Предложения, не заключающие в себе отрицательных частиц и членов, сознаются как утвердительные.

§ 21. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ, ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ И ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Наша речь всегда имеет какую-нибудь цель. Если мы говорим только для того, чтобы сообщить свои мысли другому, то такую речь можно назвать повествовательной, а предложения, из которых она строится, тоже повествовательными (или „сообщающими“). Если мы, сообщая свои мысли, в то же время хотим выразить и чувства, их сопровождающие, наша речь будет восклицательной, и составляющие ее предложения — восклицательными. Наконец, если мы сообщаемыми мыслями желаем повлиять на поведение слушателя, наша речь будет побудительной. Здесь может быть два случая: или можно побуждать слушателя высказаться относительно реальности или нереальности той или иной связи между представлениями, которую говорящий не решается считать реальной (например связи между представлением о поезде и представлением о его приходе в предложении: *Пришел ли поезд?*), — это речь вопросительная и предложение вопросительное, или можно побуждать его произвести какое-либо другое действие — речь собственно-побудительная и предложения побудительные.

Вопросительные, восклицательные и повелительные предложения образуют соответствующие формальные категории языка (вопроса, восклицания и повеления), которые относятся к числу субъективных категорий, так как выражают различия не в отношениях между словами, самими по себе, а в отношениях говорящего к этим отношениям (срвн. сказанное выше о вопросительных предложениях; что касается восклицательных и побудительных предложений, то, выражая отношение говорящего к высказываемой им мысли, они тем самым выражают отношение его к связи между представлениями, поскольку всякая мысль состоит в соединении представлений). Остановимся на внешних признаках каждого из указанных видов предложений.

Вопросительные предложения отличаются следующими признаками:

1) в них могут быть так называемые вопросительные частицы *ли*, *разве*, *ужели*, *неужели*, или особые вопросительные члены предложения, которые являются полными словами с самостоятельным смыслом и в то же время служат для выражения вопроса: вопросительные местоименные существительные: *кто* и *что*, несклоняемое что

за, вопросительные прилагательные: *какой, чей, который* и вопросительные местоименные наречия: *куда, как, где, когда, почему* и т. д.;

2) в них может быть измененный порядок слов, при котором то слово, к которому преимущественно относится вопрос, ставится в начале (*хотел ли ты этого? этого ли ты хотел?*);

3) в них может быть, а при отсутствии предыдущих признаков должны быть особая вопросительная интонация.

Восклицательные предложения:

1) могут иметь особые слова-междометия: (*ах! эй! увы!* и т. д., о них см. дальше), или особые восклицательные члены, которые являются полными словами с самостоятельным значением и в то же время вносят в предложение восклицательный смысл (*кто, что* и т. д., те же самые, что и в вопросительных предложениях, с некоторыми вариантами, напр.: *куда как хороши!* и т. п.);

2) могут, а при отсутствии предыдущих признаков должны иметь особую восклицательную интонацию.

Повелительные предложения:

1) могут иметь особые повелительные частичные слова, которые вносят побудительный смысл в предложение: *-ка (поди-ка сюда), ну-ка, нутка, пусть, пускай* (при 3-м лице), *да (да здравствует социальная революция!), давай, давайте (давай работать, давайте запишемся в ударники)* и т. д.;

2) могут иметь сказуемое в повелительном наклонении (самый распространенный случай);

3) могут, а при отсутствии предыдущих признаков должны иметь особую побудительную интонацию.

Повествовательные предложения характеризуются только своей интонацией.

§ 22. НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Под неполными предложениями надо понимать словосочетания, которые не входят в состав каких-либо предложений и в которых в то же время не хватает, по сравнению с рассмотренными до сих пор конструкциями предложений, одного или нескольких членов. Эта нехватка определяется обычно формальным составом самого неполного словосочетания. Так, например, если в словоточетании имеется косвенный падеж существительного, который по значению своему прилаголен, но глаголом не сопровождается, то это указывает на отсутствующее глагольное сказуемое, например: *Татьяна в лес; медведь за ней...* (П.).

Неполные предложения могут быть лишены не только главных членов (подлежащего или сказуемого или и того и другого), но и второстепенных, недостача которых тоже может определяться теми или

кими формальными признаками. Например, во втором из следующих предложений: *Белый хлеб предоставлю вам, Настасья Кирилловна, есть по гостям, а я ем свой черный* (П.) — нехватает существительного в винительном падеже (*хлеб*), на что указывает глагол *ем*, который употреблен здесь в переходном смысле и, следовательно, требует управляемого падежа.

Неполными могут быть и глагольные и неглагольные предложения, например, инфинитивные: *Принять его, позвать, просить* (Г.) и имитативные: „шоколадные“, „ромовые“ (надписи на коробках с конфетками), и личные и безличные (напр., одиночное *не спится* требующее дательного падежа).

Факторы, создающие неполноту предложений, следующие:

1. Заемствование слов из окружающей речи (обычно предыдущей, но изредка и последующей): *Я сел у окна, он — у двери; Если не сегодня, то завтра непременно прибудут тракторы.*

2. Заемствование из предыдущей речи не слов самих по себе, а реального представления, внушенного этими словами: *Я слушал его битых два часа. Ерунда!* (здесь, конечно, не мыслится: „его речь ерунда“ или „то, что он говорит, ерунда“, а прямо к реальному образу присоединяется слово *ерунда*, как предикативный член).

3. Замена слов реальными представлениями из обстановки речи или предыдущего опыта говорящих: *Я сейчас!, Сколько лет, сколько зим!, Мне крепкого, пожалуйста!, Дурак! Куда лезешь?* (в последнем примере опять только один предикативный член).

4. Замещение недостающего члена целым соседним предложением или целой группой их:

а) *Недаром говорится, что дело мастера боится.*

б) *Когда бывало, чтобы кто-нибудь что-нибудь продал, и ему бы не сказали сейчас же после продажи: „это гораздо дороже стоит“?* (Т.)

5. Возбуждение образа, соответствующего недостающему члену, вещественными и формальными значениями членов самого неполного предложения: *Я за ним, а он через забор.*

6. Интонационные средства; например, в словосочетании: *Только вы с ним поосторожнее: он плут большой руки* (О.), при помощи побудительной интонации можно осознать опущенное повелительное иаклонение (*будьте поосторожнее*), тогда как при другой интонации это предложение могло бы быть полным: *оба вы такие же плуты, как и я; только вы с ним поосторожнее, умеете концы в воду хоронить...* (напоминаем, что опущение настоящего времени глагола *был* — буду не создает неполноты). Само собой разумеется, что в качестве вспомогательных интонационные средства участвуют и во всех предыдущих случаях.

§ 28. СЛОВА И СЛОВОСОЧЕТАНИЯ, НЕ ОБРАЗУЮЩИЕ НИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, НИ ИХ ЧАСТЕЙ.

Есть в языке слова и словосочетания, которые, с одной стороны, не образуют предложений, потому что они не являются сказуемыми и не включают в свой состав сказуемых (явных или подразумеваемых), а с другой стороны, они не представляют из себя и частей предложений, потому что они не связаны с какими-либо предложениями в порядке согласования, управления и примыкания. Интонационно они или составляют отдельные фразы (по большей части однословные) или примыкают к соседним предложениям, помещаясь иногда даже в самой середине их. Но и в этом случае они только внешне связываются с данным предложением, оставаясь внутренне ему чуждыми.

Эти слова и словосочетания можно разбить на следующие группы:

1. Именительный представления. Так можно называть именительный падеж существительного, который не имеет ни одного из рассмотренных раньше значений (ни значения подлежащего, ни значения предикативного члена в составном сказуемом, ни значения сказуемого в номинативных предложениях), а обозначает изолированные представления. Ввиду некоторой трудности отличения этого именительного от бытийного, дадим несколько больше примеров:

Вспоминания! Как острый нож они! (Гр.)

Но Скалозуб? Вот загляденье! (Гр.)

Но смерть... Но власть... Но бедствия народны... (П.).

Заклад! А где мне взять заклада, дьявол! (П.)

Человек! Это звучит гордо. (Г.)

Близко к именительному представлению подходит и очень распространенный (особенно в разговорной речи) именительный, подхватываемый в ближайшем предложении словом *он* (*Анна Ивановна, она свое дело знает*), хотя его можно толковать и как недоговоренное (прерванное новым началом) предложение.

2. Обращение, т. е. именительный падеж существительного, обозначающий лицо или предмет, к которому обращаются с речью. Основной целью говорящего является при этом не сообщить что-либо, а только привлечь внимание слушателя ко всей остальной речи (срвн. совершиенно тождественные в этом отношении словечки *эй*, *ну*, и т. д.). Правда, в литературной речи обращение часто выходит за пределы этой цели, вбирая в себя максимум чувства и мысли автора, например:

Стихи мои! Свидетели живые

За мир пролитых слёз!

Родитесь вы в минуты роковые

Душевных гроз... (Н.)

Но оно остается все же посторонней для данного предложения группой, потому что основная его роль побуждения не дает ему возможности вступить в связь согласования, управления или примыкания с каким-либо членом того предложения, при котором оно стоит.

3. Вводные слова и словосочетания. Их можно разбить на три разряда:

а) слова и сочетания, показывающие, как говорящий относится к той или иной мысли, верит он в нее или нет, доволен он ею или нет, хочет осуществления ее или нет и т. д.: *конечно, очевидно, кажется, допустим, да* (например: *да, он пришел*, не смешивать с союзом, усилительным словом и повелительным словом), *нет* (например: *нет, он не пришел*, не смешивать с полным словом *нет* — „не существует“, например: *у нас нет перьев*), *к сожалению, к счастью, к несчастью, пожалуйста, признаюсь, знаете, видите ли* и т. д.;

б) слова и словосочетания, показывающие, что говорящий считает высказанную мысль не своей, а чужой: *мол, будто* (употребляющееся и как союз, см. § 30), *говорят, по словам такого-то, по мнению* и т. д.;

в) слова и словосочетания, выражающие отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи и стоящие на рубеже между вводными словами и союзами: *итак, значит, точно, истати, одним словом, собственно говоря, в общем, наконец, в конце концов* и т. д.

Вводные слова и выражения сопредельны с так называемыми вводными предложениями, т. е. предложениями, вставленными в середину других предложений, но не соединенными с ними грамматически (сравн. такие случаи, как: *Я вся кому, ты знаешь, рад* (*Гр.*) или *Буря, мне казалось, еще свирепствовала* (*П.*), где стоит только выпустить *ты* и *мне*, как получается самые обычные вводные слова). Поскольку „вводность“ этих предложений выражается специфическими интонационными признаками и заключает в себе опять-таки особое отношение говорящего к связям между элементами его речи (в данном случае между предложениями, именно указание на ослабленность связей вводного предложения с окружающей речью), можно все эти случаи объединить со вводными словами и выражениями в одну субъективную категорию „вводности“.

Вводные частичные слова довольно часто употребляются и в изолированном виде, например, в качестве ответа: *ты был там? — да, или конечно, или нет* и т. д. Эти одиночные слова, поскольку они служебные (см. § 4, стр. 15), не могут быть признаны предложениями, хотя бы и неполными, а только фразами, т. е. чисто интонационными единствами.

4. Междометия. Выражая чувствования, а не представления (как все остальные слова языка), междометия, естественно, не мо-

тут вступать ни в какие отношения с другими словами языка и потому в предложении стоят совершенно особняком. В одиночном употреблении они тоже образуют не предложения, а только фразы.

§ 24. ОБОСОБЛЕННЫЕ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ.

Сравним два сочетания:

Я удивляюсь, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого (Т. „Анна Каренина“).

Я удивляюсь, что вы с вашей женой не чувствуете этого.

На первый взгляд оба эти сочетания кажутся синтаксически совершенно совпадающими. Но если внимательно вслушаться в произношение, то обнаружится большая разница в интонации и ритме. В левом сочетании слова *с вашей добротой* произносятся тоном отдельного предложения, как если бы было сказано: *Я удивляюсь, что вы, который так добры...* или: *Я удивляюсь, что вы, несмотря на то, что вы так добры...* В правом же предложении с интонацией слов *с вашей женой* ничего подобного не происходит. Вдумываясь в причину этой разницы, находим, что в левом предложении изменен по сравнению с правым самый характер связи изучаемой группы слов с окружающей речевой массой. Именно, в левом предложении отношение сочетания *с вашей добротой* к предыдущему слову *вы* не исчерпывается простой идеей совместности, которую одну только заключает в себе предлог *с* и которая одна только выражена в сочетании *с вашей женой*, а заключает в себе и характеристику данного предмета (срвн. значение отдельного предложения: *вы, который так добры...*). С другой стороны, по отношению к последующим словам: *не чувствуете* у сочетания *с вашей добротой* имеется оттенок противопоставления этой доброты отсутствию чувствительности у адресата (срвн. опять-таки смысл отдельного предложения: *несмотря на то, что вы так добры, не чувствуете*). В сочетании же *с вашей женой* никаких этих добавочных оттенков в отношениях к окружающим его словам нет. Отсюда ясно, что особенности интонации в первом из рассматриваемых примеров не внешни, не случайны, а имеют определенное синтаксическое значение, т. е. создают особую форму словосочетания. Сущность этой формы словосочетания заключается, очевидно, в том, что второстепенный член предложения вместе со словами, от него зависящими, при помощи интонации, свойственной отдельному предложению, уподобляется и по связям своим с окружающей речью отдельному предложению. Что дело тут именно в интонации, и только в ней, ясно из того, что мы и правый пример могли бы произнести с такой же интонацией (*Я удивляюсь, что вы,*

с вашей женой, не чувствуете этого), — и моментально связи бы изменились. Такое интонирование обозначало бы: несмотря на то, что у вас такая жена (т. е. жена, могущая помочь в этом отношении). Вот такой-то второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении интонации и параллельно в отношении связей своих с окружающими членамициальному придаточному предложению, называется обособленным второстепенным членом¹.

В нашем основном примере обособлению подвергается управляемый второстепенный член. Но слегка изменяя пример (*я удивляюсь, что вы, такой добрый, не чувствуете этого, я удивляюсь, что вы, будучи так добры, не чувствуете этого*) убеждаемся в том, что обособляться могут и согласуемые и примыкающие второстепенные члены. Общими условиями, от которых зависит обособление всякого второстепенного члена, являются следующие:

1. Взаимное отношение двух членов, как определяющего к определяемому и частного к общему, например: *Однажды, осенью... я простудился и занемог (Т.)* (обособленное наречие осенью определяет более общее однажды). Указанное отношение выражается особой разновидностью обособляющей интонации, которую по ее значению можно было бы назвать „объяснительной“ (в школе такой член, независимо от его формальных свойств, назывался прежде „приложением“). Во многих случаях эта особая объяснительная связь может и не сознаваться, тогда не будет соответствующей интонации, а тем самым не будет и обособления (*однажды осенью он заболел, сказанное, примерно, тем же тоном, как и сегодня утром он заболел*).

2. Порядок слов. Несмотря на то, что русский язык принадлежит к языкам с так называемым „свободным“ порядком слов, в нем для каждого члена предложения можно указать одно обычное излюбленное место в предложении и другое, менее обычное, при котором расстановка слов кажется как бы намеренно измененной. Это называется обычно „прямым“ и „обратным“ порядком слов. Так, для управляемого падежа существительного, для деепричастия и для наречия (кроме качественных на -о) прямым порядком является постановка их после глагола (*я беру книгу, он читает вслух*), а обратным — перед ним (*я книгу беру, он вслух читает*). Для прилагательного и причастия наоборот: прямым порядком является постановка его перед существительным (*он умный человек*), а обратным — после него (*он человек умный*). Как видим, при „обрат-

¹ В дальнейшем для краткости „обособленными членами“ будут называться не только одиночные члены, но и группы членов, синтаксически возглавляемые данным членом.

ном* порядке член, который кажется переставленным, больше выделяется в мысли и больше привлекает к себе внимания, чем при „прямом“. Вот почему обратный порядок слов является условием, благоприятствующим обособлению, так как последнее тоже связано с перемещением второстепенного члена в центр синтаксического сознания. В этом легко убедиться, сопоставив, например:

Простишись, он ушел.

Я спросил человека, сидевшего рядом.

Он ушел простишись.

Я спросил сидевшего рядом человека.

Как видно из второго примера в правом столбце, в некоторых случаях при прямом порядке обособление совсем невозможно.

3. Объем обособляемой группы. Сравним, например:

Она подала записку и сидела, ожидая.

Она подала записку и сидела, ожидая ответа.

4. Соседство других обособленных групп, изолирующих данный второстепенный член от того члена предложения, от которого он зависит, и тем вызывающих обособление, например: *На полу в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна* (П.) (срвн. без изоляции: *На полу сидела Марья Ивановна*).

5. Намеренное отделение группы от ближайшего члена, к которому она могла бы примкнуть, и отнесение ее к более отдаленному. Например, в сочетании:

*Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и верный путь... (Л.)*

группа *в степи чужой* намеренно оторвана (если судить по пунктуации) от ближайшего деепричастия (*в степи чужой сбросив*) и отнесена при помощи обособления к отдаленному сказуемому *найдет*.

Приведем теперь примеры на каждый из возможных видов обособленных членов:

1. Обособленное управляемое существительное:

Андрей иногда, с помощью изобретательного ума своего, умел увертываться от наказания (Г.).

2. Обособленное прилагательное (или причастие):

Это было неуклюжее строение, просторное и пространное... (Т.).

Между собственно-прилагательным и причастием в отношении условий обособления нет абсолютно никакой разницы: только причастие, по понятным причинам, обособляется чаще прилагательного. Если прилагательное или причастие стоит перед своим существительным, то во многих случаях возможны две формы словосочетания, с обособлением и без

него: *Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал... (П.)* (возможно было бы цельное чтение всей группы подлежащего с паузой после *Дубровский*).

3. Выделенное из однопадежной сочиненной группы существительное: *Я не слишком люблю это дерево — осину (Т.)*.

4. Обособленные примыкающие члены: *Глаза егомотрели куда-то в другое место, далеко, и там он будто видел что-то особое, таинственное (Г.)* (обособлено наречие). *Один из присутствующих, постарше других, ... продвинулся вперед... (Т.)* (обособлена присубстантивная сравнительная форма). *Бабы с граблями рядами ходят, сено шевелят (М.)* (обособлено деепричастие).

§ 25. СЛОВОСОЧЕТАНИЯ СО СЧЕТНЫМИ СЛОВАМИ.

Счетные слова (т. е. слова, употребляющиеся при счете: *один, два, три* и т. д.) в настоящее время имеют своеобразное отношение к категориям частей речи. Несомненным прилагательным является только слово *один*, но и то не в счетном употреблении (вместо него при счете чаще употребляется слово *раз*, а если и употребляется *один*, то без согласования в роде с названием исчисляемого предмета). *Два, три и четыре* представляют из себя как бы помесь между прилагательными и существительными. Все остальные счетные слова, кроме слов *тысяча, миллион* и все следующие на *-он* можно считать с некоторой натяжкой дефективными существительными (отсутствие категорий числа и рода и связанное с этим крайнее побледнение значения предметности). Наконец *тысяча, миллион* и т. д. — нормальные существительные.

Все это объясняется особенностями синтаксического употребления счетных слов.

Главная особенность состоит в том, что они то управляют тем словом, которое обозначает исчисляемый предмет, то стоят с ним в одном падеже на началах сочинения. Например, в сочетаниях: *Десять возов сена уехали; Я свез десять возов сена* — слово *десять* управляет словом *возов*, так как требует от него определенного падежа. Так бывает всегда, когда счетное слово стоит в именительном или сходном с ним винительном падеже. Если же это слово стоит в дательном падеже (*к десяти возам прибавили еще столько же*), или в творительном (*десятью возами этого не вывезешь*), или в предложном (*на десяти возах уместилась вся мебель*), то счетное и несчетное слово образуют однопадежное сочетание на началах сочинения. В тех случаях, когда счетное существительное стоит в родительном падеже (например: *десяти возов недоставало*), отличить подчинение от сочинения невозможно, так как управление дает здесь совпадение

падежей (*десяти* требует родительного и само стоит в родительном падеже).

Слова *два*, *три* и *четыре* резко отличаются от остальных счетных слов тем, что они, вопреки обозначаемой ими множественности, управляют родительным падежом единственного числа (*два стола*, *три стола*, но: *пять столов*, *шесть столов* и т. д.). Это явление представляется странным с грамматической точки зрения, так как число у существительного является, как известно, категорией несинтаксической. В данном же случае, употребляясь исключительно по требованию слов *два*, *три*, *четыре* и, следовательно, не имея никакого самостоятельного значения, она оказывается синтаксической (единственный случай этого рода). Вполне удовлетворительного истолкования этих сочетаний с точки зрения современного сознания (происхождение давно известно) мы не имеем. Но во всяком случае *два*, *три* и *четыре* своим множественным числом (а *два*, *две* кроме того и своим родом) производят впечатление некоторого согласования со своим существительным (которое, правда, в части случаев стоит как раз в единственном числе) и тем приближаются, как уже сказано, к прилагательным.

§ 26. СЛИТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Слитными называются предложения, имеющие в своем составе однородные члены. Понятие об однородных членах тесно связано с вопросом о значении союзов внутри предложений. Постановка союза зависит тут от двух условий:

1. Члены предложения, соединенные союзами, не могут быть подчинены один другому, т. е. они должны либо соподчиняться одному и тому же третьему члену (*люблю играть и веселиться, красивое и просторное здание, обязанности отца и мужа*, в каждом примере выделенные члены соподчиняются невыделенному) либо соподчинять себе один и тот же третий член (*пионеры и октябрьята демонстрируют*) только при соединенных союзом подлежащих. Там, где такое соотношение невозможно, невозможен и союз (нельзя сказать: *сегодня хорошая и погода*). И наоборот, вводя между членами, где это возможно, союз, мы тем самым вводим соподчинение. Так, в сочетании *избегаю его отца*, падежи существительных подчинены один другому (*отца* управляет словом *его*), а в сочетании: *избегаю его и отца*, те же падежи уже делаются соподчиненными слову *избегаю*.

2. При соподчиненных (или, в отношении подлежащих, соподчиняющихся) членах только тогда возможна постановка союза, когда они объединены мыслью как однородные, как сходные в чем-либо между собой. Сходство это может быть или вещественно-грамматическое (см.

примеры выше) или только вещественное (*верхом и при шпаге, толстый и высокого роста, боязливо и с трепетом*). Но, например, в сочетании даю ему книгу падежи существительных никак не могут быть объединены союзом (даю ему и книгу, — это либо бессмысленно, либо значит: „даю ему нечто и кроме того книгу“, где книгу уже будет объединено не с *ему*, а с чем-то однородным, упомянутым ранее). А между тем оба они соподчинены слову *даю*. Что для постановки союза недостаточно соподчинения, а необходима еще однородность соподчиненных (или соподчиняющих) элементов, особенно ясно обнаруживается во многих из тех случаев, когда союз соединяет прилагательные, согласованные с одним и тем же существительным, например: *мой перочинный нож, большой каменный дом*. Несмотря на соподчиненность и даже на одноформенность, эти прилагательные не могут быть соединены союзом (нельзя сказать: *мой и перочинный нож, большой и каменный дом*), так как они вещественно слишком различны, и поэтому сознанию однородности здесь нет места. Если же в подобных сочетаниях иногда и ставятся союзы, то это показывает, что в данной обстановке, при данных условиях между такими прилагательными нашлись какие-то пункты соприкосновения. Сваха, например, расхваливая приданое, может сказать: *большой и каменный дом*, потому что для нее оба прилагательных указывают на обильное приданое (срвн.: *красивое и просторное здание*). По той же причине возможны и такие сочетания как: *не белый, а черный* (с противоположными по смыслу прилагательными), так как контрасты, как известно, всегда в каком-либо отношении однородны (*белое и черное*, например, оба обозначают цвет).

Объединяя оба проанализированных условия, мы можем определить союз внутри предложения (кроме союза *как*, см. стр. 82) как частичное слово, выражающее однородность двух членов по отношению к третьему. Члены предложения, соединенные такого рода союзами, называются однородными членами, а предложения, заключающие в своем составе такие члены, — слитными.

Кроме наличия союзов слитные предложения отличаются от обычных еще и интонацией, а именно: в слитном предложении столько главных ударений, сколько в нем однородных членов (срвн.: *неслитное рука была запачкана в краске и слитное рука была запачкана и в краске, неслитное он едет домой в деревню и слитное он едет домой или в деревню*). Кроме того, если однородных членов больше, чем два, они стремятся к однотонной („перечисляющей“) интонации, вследствие чего заключительное понижение наступает в слитном предложении позже, чем в обычном (*он побывал и дома, и в клубе, и на службе*).

Указанные только что интоационные особенности могут встре-

чаться и в предложениях, не имеющих союзов, если в них есть члены, которые сознаются как однородные. Так, в предложении: *Он побывал дома, в клубе, на службе...* имеется такая же интонация, что и в вышеприведенном предложении с союзами, с той разницей, что на местах, где могли бы стоять союзы, делаются обязательные паузы, являющиеся таким образом как бы заместительницами союзов. Так, если сочетание: *не видно было камышей, плотины* произнести с паузой, то эта пауза создаст однородность членов (*камышей* и *плотины*), без паузы же получится другой смысл (*камышей плотины*, т. е. „*камышей, растущих на плотине*“). Ясно, что по внутреннему смыслу своему эти предложения совершенно равносильны предыдущим (с союзами), и фактически в языке господствуют предложения смешанного типа, т. е. такие, где однородность одних членов выражена только интонацией, а других — союзом (напр.: *Я купил сырь, масла и чаю*). Поэтому все такого рода предложения (и с союзами и без них) надо считать слитными, формулируя окончательное определение понятия однородного члена так: однородными членами называются члены, которые соединены или могли бы быть без изменения грамматического смысла соединены союзом.

Союзы, которые могут встречаться в слитных предложениях, издавна делятся на три основные группы:

1) союзы соединительные: *и, ни-ни, да*; эта группа образует по отношению к следующим группам нулевую категорию, так как обозначает различные виды чистого соединения, не имея никакого иного значения;

2) союзы разделительные: *или, ли-ли, или-или, то-то..., не то-не то..., то ли-то ли..., либо-либо...*; в них имеется добавочное значение потенциальности или взаимной обусловленности. Например в сочетании: *куплю стол или стул* союз показывает, что данные два представления (*стол, стул*) одинаково могли бы быть в связи с подчиняющим их третьим (*куплю*), но что фактически в каждый отдельный момент возможна лишь одна из этих связей, исключающая другую (если *куплю стол*, то не *куплю на этот раз стула*, и наоборот);

3) союзы противительные: *но, а*; в них заключен оттенок противоположения, относящийся к связи однородных членов с соподчиняющим третьим (*писать не стихи, а прозу*) или к связи между самими однородными членами (*добрый, но слабый человек*). В первом случае противительность союза выявляет, что связь данных двух представлений с соподчиняющим их третьим для одного из них отрицательна (*писать не стихи*), а для другого положительна (*писать прозу*). Во втором случае противительность союза выявляет, что данные представления

вления (*доброта и слабость*), в данном случае объединяемые, сами по себе в чем-то разнородны.

Многие из указанных здесь союзов могут ставиться не только между однородными членами, но и перед первым из них, например: *ни власть, ни жизнь меня не веселят* (П.).

В заключение надо заметить, что слитные предложения занимают промежуточное положение между одиночными предложениями и сложными целыми. Особенно это сказывается при противительных союзах после отрицания (*куплю не стол, а стул*, здесь второй однородный член свободно мог бы быть истолкован и как неполное предложение, заимствующее сказуемое из предыдущего) и при нескольких сказуемых, подчиненных одному и тому же подлежащему (*он курил, пил и болтал*). Согласно нашему определению предложения (см. стр. 54), мы должны в этом втором случае признать столько предложений, сколько сказуемых (первое полное, а остальные неполные). Но по своему общему облику такие сочетания (по крайней мере, когда они так элементарно просты, как только что данный пример) все-таки вплотную подходят к слитным предложениям. Во всяком случае термин **слитное предложение**, нередко подвергающийся нападкам, должен быть призван удачно выражющим природу этих предложений, среднюю между односоставностью и сложностью.

§ 27. СЛОЖНОЕ ЦЕЛОЕ.

Кроме словосочетаний, которые или образуют предложения и их части или стоят вне предложений, в языке есть еще такие словосочетания, которые состоят из двух или нескольких предложений. Эти словосочетания лучше всего называть **сложными целыми**, так как принятый для них термин „**сложное предложение**“ явно неточен (он называет несколько предложений одним „предложением“).

Соединение предложений в сложные целые происходит при помощи союзов и местоименных союзных слов (*который, когда, где, куда и т. д.*). Эти последние, служа для соединения предложений, вместе с тем являются полными членами того предложения, которое присоединяют (подлежащими или второстепенными управляемыми, согласуемыми и призывающими членами). Кроме того сложные целые, подобно слитным предложениям, проявляют определенное интонационное дробление, соответствующее в большинстве случаев грамматическому дроблению на предложения. Благодаря этому союзы и здесь могут замещаться чисто интонационными средствами — паузами, например: *в тех комнатах мебель была закрыта чехлами, шторы спущены* (Гп.). Если бы в этом сочетании на месте паузы (обозначенной на письме запятой) поставить

союз *и*, то интонация нисколько бы не изменилась. Таким образом, кроме союзных сложных целых есть сложные целые бессоюзные, причем и тут в языке преобладают сочетания смешанного типа. Так, например, при перечислении союз обычно соединяет (в полной аналогии со слитным предложением) два последних предложения, тогда как все предыдущие соединяются паузами, например: *Сильный ветер загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась* (*Tr.*)

От этих пауз, находящихся внутри сложных целых и заменяющих союзы, надо отличать паузы, находящиеся между отдельными сложными целыми, отмечаемые на письме обыкновенно точкой, вопросительным знаком и восклицательным знаком. В то время, как все остальные паузы (отмечаемые запятой, точкой с запятой, двоеточием и тире) имеют наряду с расчленительным значением еще и соединительное, обозначая определенные отношения предложений, образующих сложное целое, друг к другу, паузы точки, вопросительного и восклицательного знака имеют значение исключительно разъединительное.

Разъединительная сила их так велика, что стоящий после них сплошь и рядом союз (... и много у него добра, мехов, атласа, серебра и на виду и под замками. Но Коцубей богат и горд...) как бы лишается той соединительной силы, которую он имеет внутри сложного целого, так что победа оказывается на стороне паузы. Вот такие-то паузы и делают речь на отдельные сложные целые. Их следует называть разделительными синтаксическими паузами, а паузы внутри сложного целого можно называть соединительными, или союзовыми синтаксическими паузами (потому что они заменяют союзы). Как те, так и другие мы называем синтаксическими потому, что они связаны с синтаксическим строем речи, тогда как в языке возможны паузы и несинтактические, например, физиологические (чтобы набрать воздуху в легкие), психологические (при волнении), логические (ораторские или педагогические, выделяющие более трудные слова и более важные выводы).

Соединительные и разделительные синтаксические паузы всегда сопровождаются своими специальными очень разнообразными интонациями. Именно, соединительной паузе всегда предшествует или повышение или частичное понижение разных видов; разделительной же паузе всегда предшествует или полное законченного типа понижение голоса (...и под замками, см. пример выше) или вопросительная или восклицательная интонация. Эти интонации, всегда сопровождающие и часто заменяющие паузы, являются собственно основным средством интонационно-синтаксического дробления речи, потому что они гораздо выразительнее и надежнее пауз, которые трудно различать по

степени длительности (особенно при быстром темпе речи), трудно отделять от несинтактических пауз и т. д.

После всего сказанного определение сложного целого может принять следующую формулировку:

Сложное целое есть сочетание предложений, соединенных или союзами, или союзовыми словами, или союзовыми синтаксическими паузами, или союзовыми интонациями и не разъединенных разделительными паузами или интонациями.

В собственно-литературной речи (не разговорной) есть единица еще более крупная, чем сложное целое. Это — сочетание сложных целых от одной красной строки до другой, так называемый абзац (термин типографский). Границами между абзацами, в отличие от границ между сложными целыми, служат только чрезвычайно удлиненные паузы, так как особых интонаций, принципиально отличающих абзац от сложного целого, нет.

Предложения, не входящие в состав сложных целых, произносятся, конечно, с теми же тремя основными интонациями (законченноповествовательной, вопросительной и восклицательной), что и сложные целые. Таким образом основной интонационной единицей речи является не предложение (потому что те предложения, которые входят в состав сложных целых, интонационно не самостоятельны и могут в известных случаях, как увидим дальше, даже совершенно сливаться с соседними предложениями своих сложных целых) и не сложное целое (так как ведь и отдельное предложение может иметь интонационную законченность), а так называемая фраза, под которой надо понимать всякий отрезок речи от одной разделительной паузы или интонации (см. выше) до другой, независимо того, из скольких предложений состоит этот отрезок. В интонационном отношении фраза может быть простой и сложной, но это деление может не совпадать с грамматическим делением фраз на одиночные предложения и сложные целые. Так, одиночные предложения могут произноситься двумя членами (*маленький, удаленький | сквозь землю прошел, | красную шапочку нашел; с чужого коня | среди грязи долой, вот эту записку | отдаи секретарю* и т. д.) и, следовательно, образовывать сложные фразы; предложения с обособленными членами, являясь в чисто грамматическом смысле отдельными предложениями, в интонационном смысле, как мы видели, всегда сложны. Даже в тех случаях, где сложная фраза одновременно делится и на предложения и на интонационные части (вторые можно было бы называть „частичными фразами“), эти единицы могут не совпадать между собой. Например, при вставке придаточного предложения в главное (*с моим братом, — который должен был сегодня приехать, — случилось не-*

счастье), получаются три „частичных фразы“, но два предложения. Бывают случаи (хотя и редко), когда одно из слов в сложном целом получает исключительно сильное ударение, стягивающее к себе интонационно всю фразу, и тогда все сложное целое произносится как простая фраза, т. е. без интонационного разграничения голосом отдельных предложений, например: *А! так вот ты что придумал чтоб поднять производительность!* (запятая опущена для передачи цельности произношения). Очень краткие предложения внутри сложных целых тоже часто интонационно сливаются со своим окружением, например: *Если правда что заплатят, так пойду* (первая запятая опущена намеренно). Таким образом, понятия фразы как интонационно-синтаксического единства, и предложения, как единства собственно-синтаксического, находятся в довольно сложных и запутанных взаимоотношениях друг к другу.

§ 28. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ СОЧИНЕНИЯ И ПОДЧИНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

Сочетание отдельных предложений происходит в сложном целом на основе двух типов связи: сочинения и подчинения, т. е. тех же самых, на основе которых соединяются, как мы видели, и слова в словосочетаниях (см. § 5). Но каждый из этих основных типов занимает здесь и там неодинаковое место. В то время как в словосочетании сочинение играет лишь подсобную роль и вся структура поконится на последовательном многостепенном подчинении, в сложном целом сочинение играет такую же существенную роль, как и подчинение, и даже выступает как самостоятельный тип связи, так как сложные целые без подчинения — самое обычное явление.

В сложном целом сочинение и подчинение различаются друг от друга по тем же признакам, как и в словосочетаниях, а в последних (напоминаем читателю) это различие происходит по двум признакам:

1) сочинение выражает отношения обратимые, т. е. такие, при которых одно представление относится к другому точно так же, как и другое к первому, а подчинение — необратимые, т. е. такие, при которых одно представление относится к другому не так, как это другое к первому;

2) звуковой показатель отношения помещается при сочинении или в каждом из соотносящихся (если это аффикс: *я был у женщины-врача*), или между соотносящимися, не сцепляясь по значению ни с одним из них (если это служебное слово: *хлеба и зрелиц*), или, наконец, при каждом из соотносящихся (*и хлеба, и зрелиц*); звуковой показатель при подчинении помещается только в одном из соотносящихся (*стол отца*) или во всяком случае только при одном из них (*взялся за ручку*).

Теперь сравним два сложных целых:

Цены понижены, и розничная продажа рационализирована.

Цены понижены, потому что розничная продажа рационализирована.

В обоих этих целых показатель отношения между предложениями (союз) стоит между соотносящимися величинами, так что на первый взгляд в обоих можно было видеть сочинение. Но важно ведь не только физическое положение показателя между двумя соотносящимися, а и то, находится ли он во внутренней связи с обеими ими или только с одним из них. Чтобы выяснить это по отношению к рассматриваемым целым, произведем в них перестановку:

Розничная продажа рационализирована, и цены понижены.

Розничная продажа рационализирована, потому что цены понижены.

Как видим, перестановка заключается здесь в том, что мы оторвали предложение, начинающееся союзом, от его союза и поставили это предложение впереди, а к союзу приставили другое предложение. И вот оказывается, что в левом целом от этой перестановки отношение между предложениями не изменилось, сводясь по-прежнему к простому перечислению (только в обратном порядке) социальных мер, принятых в интересах населения. В правом целом, напротив, перестановка изменила отношение: то, что было причиной, стало следствием, а то, что было следствием, стало причиной (в первом случае рационализация продажи дала возможность понизить цены, во втором — понижение цен, увеличив сбыт, потребовало рационализации). Из этого видно, что союз *потому что* в отличие от союзов *и* и *неразрывно связан* с предложением, которое он собой начинает. Это подтверждается и следующими двумя экспериментами: 1) если в правом примере произвести простую перестановку предложений, не отрывая второго предложения от его союза, то никаких перемен отношений не произойдет: *потому что розничная продажа рационализирована, цены понижены; цены понижены, потому что розничная продажа рационализирована*, так что все дело здесь, собственно, не в перестановке предложений, а именно в отрыве союза от того предложения, которое он собой начинает; 2) если в правом примере не отрывать второго предложения от его союза, то можно поместить это предложение в середине предыдущего, и отношение не будет от этого меняться: *цены, потому что розничная продажа рационализирована, понижены*. Союз же *и* не может переноситься со своим предложением ни в середину другого предложения, ни к началу его (нельзя сказать: *цены, и розничная продажа рационализирована, понижены или и розничная продажа рационализи-*

рована, цены понижены. Если бы и первое предложение было многословное, то при союзе *потому что* второе предложение могло бы вставиться без изменения смысла почти в любой пункт первого: *с 1 февраля, потому что розничная продажа рационализирована, цены на хлеб в городах понижены; с 1 февраля цены на хлеб, потому что розничная продажа рационализирована, понижены.* Все это показывает, что союз *потому что* даже и физически не всегда стоит между соединяемыми величинами (срвн. все только что данные перестановки), по значению же он никогда не является простой промежуточной связкой, а всегда, подобно предлогу внутри предложения, тесно срастается по значению с одной из соединяемых величин, именно с той, в начале которой он стоит, почему и может перекатываться вместе с ней, как одна цельная масса, с места на место. Союз же и физически может стоять только между соединяемыми величинами и соответственно по значению быть только простым соединителем. Отсюда ясно, что союз *и* сочиняет, а союз *потому что* подчиняет. Все это при помощи математической символики может быть пояснено такой схемой:

[Цены понижены] → [потому что (розничная продажа рационализирована)]

стол → отца

из которой ясно, что разница между обоими случаями только в том, что в одном из них показатель отношения стоит перед подчиняемой величиной, а в другом — после нее.

Если применить вышеуказанные эксперименты ко всем союзам, то окажется, что все союзы, употребляющиеся в слитном предложении, являются и в сложном целом сочинительными, а все прочие — подчинительными. При подчинении те предложения, которые начинаются союзом, являются, конечно, подчиненными, а предложения, не начинающиеся союзом, — подчиняющими.¹

При подчинении предложений наблюдается та же система зависимости отдельных предложений друг от друга, какая существует в словосочетаниях по отношению к отдельным словам. Так, тут может быть: 1) включение предложений, например: Я уверен, что советская власть добьется той цели, к которой стремится и 2) соподчинение

¹ По условиям места здесь изложена только основа теории А. М. Пешковского о сочинении и подчинении предложений. Применение этой теории ко всему разнообразию конкретных случаев сочетания предложений в сложные целые см. в его книге „Русский синтаксис в научном освещении“ и в его же сборнике „Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики“, М. 1929.

ние предложений, например: *Когда я пришел в прест, мне сказали, что я был нужен*. При включении получается ряд последовательно подчиненных друг другу предложений (*уверен, что добьется той цели, к которой стремится*). Этот ряд начинается с абсолютно независимого предложения, подобно тому, как внутри предложения ход зависимости начинается с абсолютно-независимого члена, подлежащего или в особых случаях сказуемого. Это абсолютно независимое предложение называется главным, а все остальные, от него зависящие — придаточными. Среди придаточных различаются придаточные 1-й степени, 2-й степени и т. д. по порядку зависимости от главного и друг от друга. При соподчинении два или несколько предложений зависят от одного (в нашем примере первое и третье от второго). Соподчинение предложений довольно часто соединяется с сочинением соподчиненных предложений (*Я знаю, что он болен, и что его поддерживает страххасса*), что, однако, возможно только в тех случаях, когда соподчиненные предложения находятся рядом и когда они подчинены с помощью одних и тех же или, по крайней мере, близких по значению союзов. Так, можно сказать: *Я зашел, потому что нужно поговорить и чтобы потом пойти с тобою на конференцию*, но нельзя сказать: *Я зашел, потому что нужно поговорить и когда получил твоё письмо*. Это потому, что союзы *потому что* и *чтобы* гораздо ближе по значению друг к другу, чем союзы *потому что* и *когда*. Такое соподчинение, в отличие от соподчинения вообще, можно называть параллельным.

Как известно, кроме союзов и союзных слов, предложения могут соединяться в сложные целые при помощи союзных пауз и союзных интонаций. Соответственно этому сочинение и подчинение, в случае отсутствия союзов, могут различаться и при помощи интонаций, тождественных по своему значению с этими отсутствующими союзами. Сюда относятся:

- 1) объяснительная интонация, например: *Сержусь-то я на самого себя: сам кругом виноват* (Т.). Эта интонация совершенно тождественна по значению с причинными союзами (*потому что, так как* и т. д.) и является их заместительницей;
- 2) предупредительная интонация, например: *Я это сделаю так: выкопаю подле самого камня яму, ... свалю камень в яму и заровняю землей*. (Л. Т.) Эта интонация тождественна по значению с частью пояснительной группы союзов (*именно, как-то, употребляющихся перед перечислением, см. § 30*);
- 3) интонация перечисления, например: *Проходил апрель, прошел май, отцветали черемуха, сирени, ландыш, отпели в зарослях, под усадьбой, соловьи*. (Пл.)

В первых двух примерах мы имеем подчинительные интонации, выражающие необратимые отношения. Однако решить, какое предложение какому подчиняется, здесь затруднительно, так как интонация ведь не локализуется в определенных пунктах, а как бы обтекает всё сложное целое. Решить это можно было бы только путем предположительной вставки союза, считая то предложение подчиненным, при котором мог бы стоять союз. В третьем примере мы имеем ясное бессоюзное сочинение, так как интонация здесь та же, что и в слитных предложениях, и тождественна по значению с соединительными союзами.

Но бывает и так, что трудно приравнять данную интонацию к определенной группе союзов. Например, интонация простого повышения голоса одинаково встречается и в соответствии с подчинительными союзами (*назвался груздем — полезай в кузов*, обычно приравнивается к условному союзу: *если назвался груздем...* и т. д.), и в соответствии с сочинительными (*семь раз отмерь — один отрежь*, приравнивается к противительным союзам *а, но... а* *один раз отрежь*). Подобные сочетания, ввиду невыясненности в них интонационного различия, трудно разбить на сочиненные и подчиненные, и лучше считать их недифференцированными в этом отношении сложными целыми.

Интонация имеется, конечно, не только при бессоюзном соединении предложений, а сопровождает его и при союзах и при том с обычным, свойственным ей союзным значением. В этих случаях возможно, как и во всех случаях неорганического соединения интонации с формальными средствами, раздвоение показаний со стороны союза и со стороны интонации. Так, в сочетании: *становилось жарко, и я поспешил домой*, интонация может выражать отношение причины и следствия (срвн.: *становилось жарко, так что я поспешил домой*), т. е. подчинительную связь, а союз (*и*) выражает сочинительную. Квалифицировать подобные сочетания, конечно, надо по союзам, согласно установленному выше понятию подчинения и сочинения. Только при отсутствии союза приходится опираться на вспомогательные (интонационные) признаки. Кроме того не надо забывать, что в грамматике при анализе отношений между предложениями может ити речь только о значениях внешних показателей этих отношений: союзов, союзных слов, пауз и интонаций. Все, что этими средствами не выражено, то для грамматики не существует, хотя бы логически оно было несомненно: *становилось жарко, и я поспешил домой* может быть сказано и тоном простой последовательности событий, и тогда об отношении причины и следствия уже совсем нельзя будет говорить, даже как о добавочном оттенке. Логически же оно, конечно, существует между данными мыслями независимо ни от союзов, ни от интонации. Другими словами, для грамматики все дело в раз-

нице между выражениями становилось жарко, так что я поспешил домой, — становилось жарко, так что я поспешил домой, а для логики — в тождестве их.

Как видно было при анализе сложного целого, с помощью союзов могут соединяться между собой не только отдельные предложения, входящие в сложное целое, но и сами сложные целые. Это бывает, когда союзу предшествует разделительная (см. стр. 108) интонация. Здесь надо добавить, что это бывает не только перед сочинительными союзами, но и перед подчинительными, например:

А добродетельный человек все-таки не взят в герои, и можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора, наконец, дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно вращается в устах слово „добродетельный человек“, потому что обратили в лошадь добродетельного человека... (Г.)

Хорошо! Так я завтра же буду у тебя.

В первом из этих примеров сложное целое начинается прямо с придаточного предложения (*Потому что пора...* и т. д.), для которого в его составе нет главного; во втором — прямо с главного предложения (союз *“так”* является второй частью двойных союзов *если — так, когда — так* и т. д., в которых первая часть обязательна и бывает всегда в придаточном, а вторая факультативна и бывает в главном), для которого в его составе нет придаточного. Такие обрывки надо считать, по аналогии с отдельными предложениями, неполными сложными целыми (срвн. очень распространенные в разговорном языке придаточные с *чтобы* и *если бы* без главных: *чтоб ты лопнул!, Ax, если б мне выиграть сто тысяч!*).

§ 29. СОЧИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

1. Сочинение в сложном целом. Здесь употребляются те же самые союзы и с теми же основными оттенками в значениях („соединение“, „разделение“, „противление“), что и в слитном предложении (см. § 26). И общее построение этого рода сложных целых совершенно аналогично слитным предложениям. Так, например, при перечислениях здесь так же, как и там, только последние два звена соединяются союзом, предыдущие же — только союзными паузами и интонациями (пример см. на стр. 108). И вообще аналогия здесь так сильна, что остаются только очень мелкие различия, которые не могут рассматриваться в беглом очерке.

2. Сочинения после разделительной паузы. После разделительной паузы могут употребляться союзы двух видов: а) все сочинительные союзы сложного целого (а значит и слитного предложения), на-

пример: Я шел по широкому полю один. И вдруг мне почудились легкие шаги за моей спиной... (Т.). Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. (П.). Чему ты усмехаешься?.. Или ты не веришь, что я великий государь? (П.) и б) слова с союзным оттенком, но в то же время сбивающиеся то на наречие, то на вводное слово. Обладая малой союзной силой, они с трудом сливают соединительные предложения в целое и потому употребляются преимущественно после разделительной паузы и только в отдельных случаях могут создавать сложные целые. Таковы: *тоже*, *также*, *однако*, *однакоже*, *тем не менее*, *между тем*, *при этом*, *притом*, *притом же*, *при всем том*, *затем*, *потом*, *к тому же*, *вместе с тем*, *все-таки*, *все*, *а то*, *зато*, *и так*, *разве* и т. д.

§ 30. ПОДЧИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

Подчинение в сложном целом.

А. Подчинение посредством союзов.

Все подчинительные союзы в сложном целом можно разбить по значению на следующие девять разрядов:

1. Союзы причинные: *так как*, *как* (устаревшее: *и как* уголок *их был почти не проезжий, то и неоткуда было почертить известия о том, что делается на белом свете*, Гн.), *потому что*, *затем что*, *оттого что*, *вследствие того что*, *в силу того что* и т. д.

Союзы *потому что*, *затем что* и вообще все сложные с *что* употребляются то в цельном (*Я не пришел, потому что был болен*), то в раздвоенном виде, причем раздвоение может обуславливаться или порядком слов (*я потому не пришел, что был болен*), или только интонацией (*я не пришел потому, что был болен*). Одни из этих союзов чаще встречаются в цельном виде (например: *потому что*), а другие — в раздельном (например: *в силу того, что*).

2. Союзы цели: *чтобы* (также: *для того чтобы*, *с тем чтобы* и т. д. с той же возможностью раздвоения, как и у *потому что*) и устаревшее *дабы*. Эти союзы сочетаются только со специальными формами сказуемости в придаточном предложении, именно либо с формой инфинитива (*чтобы сделать, дабы сказать*) либо с формой прошедшего времени (*чтобы он сделал, дабы он сказал*). Во втором случае форма эта, конечно, не имеет ни на йоту значения прошедшего времени (ведь *чтобы* и *дабы* присоединяют цель, т. е. то, что должно бы выражаться будущим временем), а следовательно и не принадлежит к категории прошедшего времени. Она здесь неразрывно связана по значению с союзом, образуя составную форму подчинительного наклонения (*чтобы пришел* — наподобие француз-

ского *subjunctif a — qu'il vienne*). С этим связано и то, что союз *чтобы* не всегда имеет чистое значение цели, а выражает также различные оттенки сослагательного наклонения, например: желание (*только о том и мечтаю, чтобы сошло с рук поскорее!*), долженствование, увещание, возможность.

3. Союзы следствия: *так что, до того что, настолько что* и т. д. (все и в целом и в раздвоенном виде). Комбинацию цели и следствия представляет союзное сочетание *так чтобы: сделай это так, чтобы все были довольны*.

4. Союзы изъяснительные: *что, чтобы, будто, будто бы* (а также сочетания: *не без того чтобы, вместо того чтобы* и т. д. в целом и раздвоенном виде). Союз *что есть* употребительнейший подчинительный союз русского языка и часто он ничего больше не выражает, как только подчиненность одного предложения другому, подобно тому как союз *и* в области сочинения обозначает только сочиненность (*а что у тебя денег нет, таквольно же тебе мотать!*, где *что* указывает только на то, что данная мысль уже известна говорящим). Союз *чтобы* может иметь изъяснительное значение только после отрицательного (по форме или по смыслу) подчиняющего предложения, при отсутствии же отрицания он может иметь только те значения, которые указаны в пункте 2 (срвн.: *он говорил, чтобы это было так со значением цели желания и т. д., но не изъяснения: он не говорил, чтобы это было так* в смысле не утверждал этого, т. е. со значением изъяснения). Союзы *будто* и *будто бы* заключают в себе указание на то, что высказываемая мысль не принадлежит говорящему. Оба эти союза могут употребляться и как вводные слова, совмещаясь при этом с союзом *что* (*он говорит, что ему, будто бы, не давали там есть*), а кроме того, они употребляются и как сравнительные союзы (см. пункт 8).

Изъяснительные союзы являются в русском языке почти единственным грамматическим средством для выражения косвенной речи. Кроме изъяснительных союзов для отличия прямой речи от косвенной применяется в нашем языке еще только мена местоимений и личных форм глагола (*он сказал, что он придет — он сказал: „Я приду“*). Но даже и эти скучные признаки косвенной речи не выдерживаются, и очень часто косвенная речь смешивается с прямой. Так, Осип в „Ревизоре“ говорит: *Трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за старое* (вместо: „что не даст нам есть, пока не заплатим“...). Такое смешение довольно часто встречается не только в народной, но и в собственно-литературной речи (правда, в низшей ее разновидности — газетной), а для нашего разговорно-литературного языка внесение союза *что* в прямую речь после глаголов говорения со-

ставляет почти правило (звонит, что *ах* не можете ли приехать... я больна). Вообще косвенная передача речи русскому языку не свойственна, и с этим связана очень важная особенность в употреблении времен глагола. Именно, в косвенной речи (в широком смысле слова, т. е. не только после глаголов говорения, но и после глаголов думанья и чувствования) мы употребляем те же времена, что и в соответствующей прямой речи, хотя бы они к ней и не подходили. Например в сочетаниях: он говорил, что уезжает без копейки; он был огорчен, что брат не приезжает, настоящее время перенесено из прямой речи, где оно, конечно, необходимо (он говорил: «Я уезжаю без копейки»; он мучился мыслью: брат не приезжает). И сказать в том же, смысле: он говорил, что уезжал без копейки — нельзя (это означало бы, что он говорил про прошлый отъезд, предшествовавший его рассказу, т. е. опять равнялось бы обороту прямой речи: «Он говорил: Я уезжал без копейки»).

5. Союзы пояснительные: *то есть*, *не то что*, *не то чтобы*, *именно, как то*. Эти союзы по большей части присоединяют неполные и даже однословные предложения: он спал мало, *то есть* всего час; он для дела жизни не пожалеет, *не то что* денег. *Именно* употребляется преимущественно, а *как то* исключительно перед перечислениями (я принял все необходимые меры, *как то...*), причем перечисляющие предложения по большей части однословны (*купил закусок, как то: сырь, колбасы и т. д.*).

6. Союзы условные: *если бы*, *если*, *добро бы*, *кабы*, *ежели*, *коли*, *ли*, *когда* (редко в этом смысле), *раз* (например: *раз вы согласились, так уж нельзя отказываться*), *как скоро*, *коль скоро* (устаревшее, с временным оттенком).

Союзы *если бы*, *когда бы* и все сложные с *бы* совершенно аналогичны с *чтобы* и *дабы* в отношении форм сказуемости придаточного предложения и слияния союзов с ними.

7. Союзы уступительные: *хотя, несмотря на то что, даром что, пусть, пускай, правда* (не смешивать с существительным *правда*).

8. Союзы сравнительные: *как, как бы, будто, будто бы, как будто, как будто бы, словно, словно как, подобно тому как* (цельное и раздвоенное), *точно, что* (не смешивать с изъяснительным *что*), *чем, нежели*. Последние два союза отличаются от предыдущих тем, что употребляются только при сравнительной форме в главном предложении (*он больше говорит, чем делает*) и выражают, в связи с этим, количественное сравнение, тогда как все остальные — качественное.

9. Союзы временные: *когда, как, как только, меж тем как, по жеребьевке как, с тех пор как, после того как, пока, покуда, по-*

какое, едва, едва только, чуть, чуть только, чуть лишь, лишь, лишь только, только что, только, прежде чем, нежели.

Б. Подчинение посредством союзных слов (относительное).

Подчиняющими элементами являются здесь местоимения: кто, что, какой, чей, который, где, куда, как, когда, зачем, почему и т. д. в органической связи или с ~~притупленной~~, обесцвеченной в той или иной степени вопросительной интонацией или с обычной подчинительной интонацией (т. е. с полной потерей вопросительности). В первом случае получается вопросительно-относительное, или косвенно-вопросительное подчинение, например: *скажите, который час* (с минимальной степенью зависимости звучало бы: *скажите: который час?*); *я не знаю, куда меня командируют; что он там разыскал, хотел бы я знать* и т. п. Во втором случае — собственно-относительное подчинение: *позови человека, который меня ждет; это тот, ~~кто~~ заявление подано вчера; вот случай, какого я не встречал уже много лет; там хорошо, где нас нет* и т. д. При этом в употреблении слов *который* и *какой* имеется такое же сочетание управления с согласованием, как в случаях он был добрым (см. стр. 67), так как, с одной стороны, эти прилагательные согласуются в числе и роде с существительными подчиняющего предложения, к которым они относятся (*человек, которого я видел; женщина, которую...; люди, которых...*), а с другой стороны, они стоят в том же падеже, в каком должны были бы стоять на их месте замещаемые ими существительные, и являются поэтому или подлежащими или управляемыми падежами (*человек, который..., человек, которого...*).

В. Подчинение после разделительной паузы.

Некоторые союзные слова, имеющие подчинительное значение, употребляются только (или преимущественно) после разделительной паузы. Это наречия: *потому, поэтому, оттого, вследствие того, для того, несмотря на то, так, тогда, после того* и т. д., вводные слова и сочетания, как: *итак, и вот, значит, следовательно, стало быть, словом, одним словом* и т. д.

Эти союзные слова выражают те же отношения, что и подчинительные союзы (следствие, причину, цель и т. д.), но в сложном целом они ставятся не в придаточном предложении, а в главном. Такие сочетания можно рассматривать как „неполные сложные целые“, которые заимствуют из контекста недостающие или подчиненные части, благодаря чему они и входят в сферу подчинения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	Стр. 3
-----------------------	--------

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

§ 1 Понятие о форме слова	5
§ 2 Понятие о формальной категории слов	9
§ 3 Синтаксические и несинтаксические формальные категории	11
§ 4 Понятие о форме словосочетания	15
§ 5 Связь слов в словосочетании	22
§ 6 Части речи	25
§ 7 Смещение в области частей речи	36
§ 8 Замена в области частей речи	42
§ 9 Переходные и неопределенные случаи в области частей речи	44
§ 10 Местоименность	47
§ 11 Сказуемость	50

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

§ 12 Глагольные личные нераспространенные предложения с простым сказуемым	56
§ 13 Глагольные личные нераспространенные предложения с составным сказуемым	63
§ 14 Глагольные личные нераспространенные предложения с предикативным членом и нулевой связкой	70
§ 15 Глагольные личные распространенные предложения	73
§ 16 Глагольные безличные предложения	83
§ 17 Глагольные неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения	89
§ 18 Номинативные предложения	90
§ 19 Инфинитивные предложения	92
§ 20 Отрицательные предложения	—
§ 21 Вопросительные, восклицательные и побудительные предложения	95
§ 22 Неполные предложения	96
§ 23 Слова и словосочетания, не образующие ни предложений, ни их частей	98
§ 24 Обособленные второстепенные члены	100
§ 25 Словосочетание со счетными словами	103
§ 26 Слитные предложения	104
§ 27 Сложное целое	107
§ 28 Общие условия сочинения и подчинения предложений	110
§ 29 Сочинение предложений	115
§ 30 Подчинение предложений	116